

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЕГО БИОГРАФИИ,

СОБРАЕМЫЕ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВИЧЪМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМЦ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, 12 января 1862 года.

. Ценсоръ *А. Петровъ*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА.

ГЛАВА IV *).

Пушкинъ въ южной Россіи.

Въ предлагаемой статьѣ я намѣренъ передать собранныя мною свѣдѣнія о жизни Пушкина въ Екатеринославль, на Кавказѣ, въ Крыму, въ Бессарабіи и въ Одессѣ. Разсказъ мой обнимаетъ собою немного больше четырехъ лѣтъ, именно съ мая мѣсяца 1820, по августъ 1824 года. Время это, начавшееся для Пушкина ссылкой и кончившееся тоже ссылкой, отмѣчено въ исторіи русской словесности и русской внутренней жизни самыми свѣжими благоуханными цвѣтами Пушкинской поэзіи; въ эти четыре года вполне развернулся блистательный гений Пушкина, и его имя пронеслось во все концы Россіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ настоящему предмету моего разсказа, я почитаю нужнымъ изложить сколько возможно подробнѣе обстоятельства удаленія Пушкина изъ Петербурга.

---

*) Первые три главы, въ которыхъ разсказаны дѣтство Пушкина, его воспитаніе и петербургская жизнь по выходѣ изъ лицея, напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1854 г. №№ 71, 117—119 и 1855 г. №№ 142—145.

Въ „*Матеріалахъ для біографіи Пушкина*“, составленныхъ П. В. Анненковымъ, о первой ссылкѣ Пушкина разсказывается слѣдующимъ образомъ (стр. 69—70). „Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслию молодости, и потому что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже къ счастью неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспримчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человекъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непременно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства“. Вотъ почти все, сказанное г. Анненковымъ о ссылкѣ Пушкина; къ этому онъ прибавляетъ только, что Пушкина сослали къ Инзову, и что онъ былъ обязанъ Карамзину смягченіемъ своей участи. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку, потому что въ этихъ словахъ высказано довольно общее мнѣніе о Пушкинѣ и о тогдашнемъ времени; но мнѣ кажется, что внимательное историческое разсмотрѣніе дѣла не дозволяетъ *воплнѣ* согласиться съ такимъ отзывомъ почтеннаго критика и біографа, и что многія обстоятельства должны извинить молодого Пушкина.

Прежде всего, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ учился въ Царскосельскомъ Лицеѣ, а Лицей и учрежденъ былъ именно для того, чтобы готовить *дѣтелей государственной службы*, слѣдовательно возбуждалъ и поддерживалъ въ своихъ воспитанникахъ

участіе и вниманіе къ общей, государственной жизни отечества. Любимымъ профессоромъ лицействовъ былъ Куницынъ:

Куницыну данъ сердца и вина,
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена.

А чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность этотъ по истинѣ достопамятный человѣкъ? Онъ провозглашалъ во всеуслышаніе, въ Высочайшемъ присутствіи, въ рѣчахъ на актахъ Лицея, и въ печатныхъ статьяхъ своихъ, мысли и соображенія о необходимости коренныхъ преобразований, и получалъ награды отъ высшаго начальства. ¹⁾

Въ числѣ другихъ преподавателей Лицея нѣкто Будри былъ родной братъ Марата; онъ былъ похожъ на него лицомъ и рассказывалъ ученикамъ разные анекдоты о немъ. Учитель военныхъ наукъ, инженеръ-полковникъ Эльснеръ, служилъ прежде адъютантомъ у Костюшки. Стало быть, съ малыхъ лѣтъ, Пушкинъ привыкалъ

---

¹⁾ О жизни А. П. Куницына сохранилось, по крайней мѣрѣ въ печати, очень мало извѣстій. Знаемъ только, что онъ учился въ Германіи и въ 1820-хъ годахъ потерпѣлъ на службѣ. Изъ трудовъ его намъ извѣстны рѣчи при открытіи Лицея, книга *Естественное Право* и нѣсколько статей въ журналахъ, напримѣръ въ *Сынъ Отечества* 1818 года, № 18, стр. 202—211: о *Конституціи*, съ эпиграфомъ: *Certe id firmissimum longe imperium est, quo obedientes gaudent*, и №№ 23 и 24: *Разсмотрѣніе рѣчи г. президента академіи наукъ* (С. С. Уварова, говорившаго въ публичномъ засѣданіи главнаго педагогическаго института, 22 марта 1818 г., о восточныхъ языкахъ и всемірной исторіи). Въ этой послѣдней статьѣ между прочимъ сказано: «Вѣкъ лжи и лести, кажется, оканчивается. Нынѣ и владыки міра говорятъ и любятъ правду; о царяхъ судятъ съ благоговѣніемъ, но по чистотѣ сердца; пусть одни наемники продолжаютъ искусство лести».

размышлять и бесѣдовать о различныхъ направленіяхъ внутренней и внѣшней государственной политики.

Въ послѣдніе годы своей лицейской жизни Пушкинъ сблизился съ нѣкоторыми офицерами именно изъ тѣхъ полковъ, которые довольно долгое время стояли во Франціи и которые возвратились на родину съ новыми понятіями. Весною 1818 г., императоръ Александръ открывалъ сеймъ въ Варшавѣ и произнесъ знаменитую рѣчь свою, которая отозвалась по всей Европѣ и еще сильнѣе должна была подѣйствовать на русскую молодежь.... Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что русская государственная жизнь, въ силу нашего окончательнаго, тѣснаго сближенія съ Европой, шла рука объ руку съ общею европейскою жизнью, или, вѣрнѣе, служила ей постояннымъ отголоскомъ. А что тогда происходило въ Европѣ? Вартбургскій праздникъ, союзы студентовъ во имя добродѣтели, революціонныя попытки въ Неаполѣ, Сардиніи, Испаніи, возстаніе Грековъ, и рядомъ съ этимъ ограниченіе печати, Карлсбадскія совѣщанія, неограниченная власть Меттерниха, конгрессы съ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, смерть Коцебу и герцога Беррійскаго.

И такъ Пушкинъ, и по воспитанію своему, и по связямъ дружескимъ, и наконецъ по врожденному призванію, какъ поэтъ, естественно долженъ былъ отражать въ себѣ общее настроеніе своихъ современниковъ, и раздѣлялъ съ ними какъ опрометчивость, заносчивость, рѣзкость въ сужденіяхъ и поступкахъ, такъ и лучшія ихъ качества. Многіе пріятели Пушкина умѣли молчать и смыкались въ закрытые масонскіе и политическіе кружки, а у молодаго поэта всякое

горячее движеніе души, всякій взрывъ нетерпѣнія или негодованія высказывался почти что невольно въ оригинальныхъ проказахъ, въ эпиграмахъ и чудныхъ стихахъ.

Насъ было много на челнѣ;
 Иные парусъ напрягали,
 Другіе дружно упирали
 Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
 На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
 Въ молчаньи правилъ грузный челнъ,
 А я—безпечной вѣры полнъ—
 Пловцамъ я пѣлъ... 2)

Другой вопросъ, хорошо ли было это направленіе высшаго русскаго общества. Кажется намъ, что довольно вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ гр. Л. Н. Толстымъ въ повѣсти *Два гусара*, изображающей тогдашнее время и наше.

Возвращаясь къ Пушкину, должно еще вспомнить, что не одни общія, но и частныя, даже личныя условія тогдашней его жизни способны были раздражать его и въ свою очередь порождали то безпокойное состояніе души и вызывали тѣ возмутительные поступки и стихи, изъза которыхъ онъ пострадалъ. Его семейныя отношенія были въ то время далеко не успокоительны. По смерти нѣжно любившей его бабушки (1817), Марьи Алексѣвны Ганибаловой, семья его состояла изъ отца, матери старшей сестры и младшаго брата. Съ Ольгой Сергѣевной, подругой своего дѣтства, онъ уже не могъ быть теперь такъ близокъ, какъ прежде—естественное слѣдствіе долговременной разлуки: они отвыкли другъ отъ друга, пока Пушкинъ учился въ Лицеѣ, а сестра выростала въ Москвѣ. Братъ,

2) Изъ стихотворенія Пушкина *Арionъ* (1830). См. Сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, VII, 41. Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе.

впослѣдствіи такъ заботливо любимый имъ, въ то время былъ еще очень молодъ и не жилъ дома: его отдали въ благородный пансіонъ при тогдашнемъ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. О матери Пушкина не сохранилось никакихъ особенныхъ свѣдѣній; но общую основу семейному узлу давалъ все-таки отецъ, — а это былъ человекъ, по общему отзыву современниковъ, соединявшій со многими любезными качествами нравъ мелочной и до крайности раздражительный. Пріятный и острый собесѣдникъ въ обществѣ, онъ, какъ часто случается съ подобнаго рода людьми, бывалъ иногда тяжелъ въ домашней жизни. Молодой Пушкинъ часто нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему, а тѣхъ 700 рублей, которые онъ получалъ, числясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ ³⁾, даже при тогдашней дороговизнѣ денегъ, не могло быть достаточно для привычекъ, вынесенныхъ имъ изъ Лицея и для той жизни, которую онъ повелъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ самъ Сергій Львовичъ, по своему характеру и воспитанію, не могъ заниматься хозяйствомъ, получалъ мало дохода съ своихъ довольно, впрочемъ, значительныхъ имѣній, и попеременно то мотая, то скупаясь, никогда не умѣлъ сводить концовъ съ концами. Отсюда разныя мелочныя непріятности. Одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, рассказывалъ, какъ Александру Сергѣевичу приходилось упра-

---

з) Каждому воспитаннику Лицея, до опредѣленія его на штатное мѣсто, императоръ Александръ приказалъ выдавать ежегодно отъ 700 до 800 рублей. Пушкинъ, окончившій курсъ во второмъ разрядѣ, получалъ до самаго 1824 г. по 700 р. Кроме того, на первое обзаведеніе недостаточнымъ воспитанникамъ назначена была сумма въ 10,000 р., но этимъ вспоможеніемъ Пушкинъ, вѣроятно, не воспользовался.

шивать, чтобъ ему купили бывшіе тогда въ модѣ балльные башмаки съ пряжками, и какъ Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои старыя, временъ Павловскихъ ⁴⁾). Съ другой стороны, родители Пушкина не могли, конечно, радоваться его проказамъ, и смотрѣли неблагоклонно на его разнообразныя связи. Какая-то пріятельница дома, старая дѣвушка, графиня Е. В., имѣла несосторожность передавать матери Пушкина дурныя слухи, ходившія про него въ городѣ. Говорятъ, что Пушкинъ послѣ посмѣялся надъ ней въ первыхъ стихахъ пятой пѣсни Руслана и Людмилы, гдѣ она изображена подъ именемъ Дельфиры ⁵⁾). Вообще Пушкинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, и въ стихахъ и въ письмахъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о какихъ-то повредившихъ ему сплетняхъ. Но главнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ была все-таки денежная несостоятельность молодого Пушкина. „Мнѣ больно видѣть—говоритъ онъ самъ въ одномъ письмѣ къ брату—⁶⁾ равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ, когда больной, въ

⁴⁾ Слышано отъ С. А. С—ваго.

⁵⁾ Отъ него же.

Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфиroy суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры, ...
А та — подъ юбкою гусарь,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ,
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ,
И другомъ сердца назоветъ;
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.

⁶⁾ См. *Библиографическія Записки*, 1858 г. столб. 41.

осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно брался за 80 копѣекъ (которыхъ вѣрно бѣ ни ты ни я не пожалѣли для слуги).“ Словомъ, Пушкинъ, вышедши изъ Лицея, очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ часто находятся молодые люди нашего времени, возвращающіеся подъ родительскій кровъ изъ богатыхъ и роскошныхъ учебныхъ заведеній; разница въ томъ, что тутъ примѣшивалась досадная, мелочная скупость, которая только раздражала Пушкина. Иногда очу довольно зло и оригинально издѣвался надъ нею. Однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и Сергѣй Львовичъ. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что видѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ, и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ жъ было наготовиться денегъ для такого проказника? 7)

Общественныя отношенія Пушкина были также весьма неопредѣленны и порою весьма неловки. По рожденію и лицейскому воспитанію принадлежа къ высшему кругу, обративъ на себя общее вниманіе еще на ученической скамейкѣ, дружась и проводя время съ людьми богатыми и знатными, честолюбивый юноша естественно желалъ удержаться въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. „Пушкинъ — рассказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ его друзей— либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напимѣръ, вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыб-

7) Слышано отъ В. П. Горчакова.

кою выслушивала его шутки. остроты. Случалось изъ кресель сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжить. Говоришь бывало: „Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія“ Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами⁸⁾. Самъ онъ долженъ былъ иногда сознавать двусмысленность подобныхъ сближеній, которая, при скудости денежныхъ средствъ, могла ставить его въ неловкія положенія и безъ сомнѣнія сильно тревожила и огорчала его.

Мѣтко сказанное слово, какая-нибудь задорная эпиграмма, стихи, прельщавшіе своею свѣжестью и новизною, всѣмъ равно понятные по содержанію, дѣлая изъ Пушкина самаго пріятнаго собесѣдника, быстро расходились по столицѣ и по Россіи. Общее одобреніе окрыляло поэта, и вызывало новые проказы, новыя остроты и новыя запрещенные стихи.....

Когда они распространились, начались, кажется, настоящіе розыски мѣстнаго начальства: Пушкинъ былъ приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генераль-губернатору графу Милорадовичу. „Когда привезли Пушкина—говорить И. И. Пущинъ, свидѣтельству котораго преимущественно слѣдуетъ вѣрить, — графъ Милорадовичъ приказываетъ полиціймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: „Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ

⁸⁾ *Записки И. И. Пущина*, въ 8 № *Атеней*, 1859 г., стр. 526.

перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.“ (Пушкинъ понялъ въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevaleresque,“ и пожалъ ему руку. Пушкинъ съѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія. По другимъ рассказамъ графъ Милорадовичъ расхаживалъ по комнатамъ, перечитывалъ стихи по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ ихъ, и прерывалъ чтеніе хохотомъ. Это также очень похоже на любезнаго и веселаго Милорадовича, который, можетъ быть, вспоминалъ свою молодость и собственныя шалости.

Между тѣмъ Пушкинъ не унимался. Такъ, на примѣръ, въ театрѣ, онъ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ (это могло быть около масляницы 1820 года⁹⁾). Жалобы на него наконецъ дошли до царя. Мы въ правѣ думать, что государь, ученикъ Лагарпа, не безъ сожалѣнія и не безъ внутренней борьбы, рѣшился изречь приговоръ стихотворцу, воспитаннику своего любезнаго Лицея. Имя Пушкина было уже давно извѣстно императору Александру. Онъ зналъ и прощалъ его лицейскія шалости. До его просвѣщеннаго слуха доходила и прелесть стиховъ Пушкина, изъ которыхъ одни, гдѣ говорилось *про рабство, падшее по манію царя*, по собственному его желанію, были доставлены ему въ подлинномъ спискѣ сочинителя. Онъ много слышалъ о молодомъ «стихотворцѣ» отъ директора Лицея Энгельгардта,

⁹⁾ Однимъ изъ такихъ сосѣдей былъ Аркадій Родзянка, см. *Русскій историческій Сборникъ*, т. II, стр. 104.

и имя Пушкина могло поминаться въ бесѣдахъ Государя съ Карамзинымъ, въ уединенныхъ прогулкахъ по царскосельскимъ садамъ. Но въ эту пору, въ первые мѣсяцы 1820 года обстоятельства измѣнились.... Тогдашнія дѣла Европы, убіеніе Августа Коцебу (23 марта 1819 г.), возстаніе въ Испаніи, смерть герцога Беррійскаго, не могли не укоренить въ императорѣ Александрѣ того убѣжденія, что, будучи за спокойствіемъ умовъ за границей, по обязательствамъ священнаго союза, онъ не долженъ равнодушно смотрѣть на попытки къ раздраженію ихъ въ Россіи. Почти въ это самое время, прусское правительство приказало арестовать извѣстнаго политическаго писателя Герреса за его статьи въ Рейнскомъ Меркуріи. И такъ слѣдовало унять Пушкина. Преданіе увѣряетъ, будто нѣкоторые предлагали отдаленную сибѣрную пустыню Соловецкаго монастыря мѣстомъ ссылки поэту; но я думаю, что если и слышалось такое строгое предложеніе, императоръ Александръ самъ отвергъ его. Пушкинъ былъ лицеистъ, и потому Государь захотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ бывшимъ его начальникомъ, Энгельгардтомъ. Встрѣтившись съ нимъ въ Царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройтись съ собою. „Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему, Пушкина надобно сослать.... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла.“ Благородный директоръ Лицея отвѣчалъ на это: „Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной

нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка может губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумить его¹⁰⁾.

Карамзинъ, другой истинно благородный человѣкъ, въ свою очередь замолвилъ слово за Пушкина. Объ этомъ ходатайствѣ между прочимъ просилъ Карамзина П. Я. Чадаевъ. Узнавши, что Пушкину грозитъ опасность, Чадаевъ поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ увидать его (это было утромъ, а по утрамъ, занимаясь своею исторіею, Карамзинъ никого не принималъ), рассказалъ ему все дѣло и упрашивалъ съѣздить къ императрицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, графу Каподистрии¹¹⁾. По другому, тоже вполне достоверному разсказу, Пушкинъ самъ, еще раньше Чадаева, приходилъ къ Карамзину (по выходѣ изъ Лицея онъ рѣже сталъ бывать у него), рассказалъ свои обстоятельства, просилъ содѣлать и помощи, со слезами на глазахъ выслушивалъ дружескіе упреки и наставленія. „Можете ли вы, сказалъ Карамзинъ, по крайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что въ продолженіи года ничего не напишите противнаго правительству? Иначе я выду лжецомъ, прося за васъ и говоря о нашемъ раскаяніи.“ Пушкинъ далъ ему слово, и сдержалъ его: не раньше 1821 года прислалъ онъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои: *Кинжалъ*¹²⁾.

¹⁰⁾ Передано самимъ Е. А. Энгельгардтомъ И. И. Пушкину. См. *Записки* послѣдняго, стр. 528 и 529. Самъ Пушкинъ вѣроятно впоследствии только узналъ о заступничествѣ Энгельгардта и приписывалъ свое избавленіе Чадаеву и Карамзину.

¹¹⁾ Слышано отъ П. Я. Чадаева.

¹²⁾ Отъ гр. Д. Н. Бл. У Карамзинныхъ тотчасъ догадались, кто авторъ *Кинжала*.

Но заступничество Энгельгардта и Карамзина могло только смягчить, а не отмѣнить наказаніе. Пушкинъ, собственно говоря, не былъ сосланъ, а только переведенъ на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Его послали, какъ выражаются Англичане, перемѣнить воздухъ, провѣтриться. Но тѣмъ не менѣе всѣ сочли это удаленіе ссылкой.

Пушкинъ на скоро собрался въ дорогу и не успѣлъ даже какъ должно проститься съ своими пріятелями. Сергѣй Львовичъ квартировалъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева (послѣ сенатора Трофимова): изъ этого дома Пушкина проводили до Царскаго Села два товарища, баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Родители дали ему надежнаго слугу, человѣка довольно пожилыхъ лѣтъ, именемъ Никиту.

Видъ на проѣздъ, полученный Пушкинымъ вмѣстѣ съ прогонами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года ¹³⁾. Время стояло жаркое. На перекладной, въ красной рубашкѣ и опояскѣ, въ поярковой шляпѣ, скакалъ Пушкинъ по такъ-называемому бѣлорусскому тракту ¹⁴⁾ (на Могилевъ и Кіевъ). Что долженъ былъ чувствовать молодой человѣкъ, такъ внезапно оторванный отъ шумныхъ и разнообразныхъ удовольствій столицы, отъ многочисленныхъ друзей своихъ....

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ .. Она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ оживляла путь *нѣмой*
Волшебствомъ тайнаго разказа.

¹³⁾ У Анненкова, въ *Матеріалахъ*, стр. 10.

¹⁴⁾ *Записки* Пушкина, стр. 527.

Въ половинѣ мая или около онъ прѣхалъ въ Екатеринославль и съ письмомъ отъ гр. Каподистрии явился къ своему новому начальнику, попечителю колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову ¹⁵⁾. Пришлось поселиться въ довольно бѣдномъ городѣ (въ Екатеринославлѣ и теперь всего около 15 тысячъ жителей), слишкомъ за полторы тысячи верстъ отъ Петербурга, безъ знакомствъ, безъ всякихъ удобствъ жизни, въ грязной жидовской хатѣ. Но спасенія Энгельгардта не сбылись. Невзгода не сокрушила Пушкина, не ослабила души его; напротивъ, этотъ быстрый переломъ судьбы только поднялъ и освѣжилъ молодую и сильную жизнь. Какая-то насмѣшливость надъ своей участью, равнодушіе или желаніе казаться равнодушнымъ, выражается въ отвѣтъ Пушкина на дружескій выговоръ Чадаева, за чѣмъ, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не простился съ нимъ. „Мой милый—писалъ ему Пушкинъ—я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило ли будить тебя *изъ-за такой бездѣлицы* ¹⁶⁾.“ Съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ судьбѣ, „съ непреклонностью и терпѣніемъ своей гордой юности“ (какъ послѣ онъ самъ выражался), началъ Пушкинъ новую жизнь въ Новороссійской глуши. Послѣ тревожной и въ тоже время разсѣянной столичной жизни ему полезно было уединеніе. Онъ это самъ чувствовалъ, началъ осматриваться и снова принялся за поэтическую работу. Но тяжелое одиночество, безвыходность положенія, безъ сомнѣ-

¹⁵⁾ П. З., 1861 г., стр. 124.

¹⁶⁾ Самого письма не сохранилось, и покойный П. Я. Чадаевъ передавалъ намъ эти по памяти. Послѣ известной исторіи съ статью въ *Телескопѣ*, Чадаевъ сжегъ свою переписку. Уцѣлѣло только одно письмо Пушкина на французскомъ языкѣ, съ разборомъ сочиненія Чадаева.

нія, тяготили эту горячую, жаждавшую впечатлѣній, душу. Ничего свѣтлаго, никакой перемѣны впереди. Что могло быть скучнѣе для него губернской жизни и занятій въ канцеляріи Инзова, если и поручались ему какія-нибудь занятія? По пословицѣ, бѣда не приходитъ одна. Къ скукѣ екатеринославской жизни прибавилась болѣзнь. Отъ нечего дѣлать, Пушкинъ вздумалъ выкупаться въ Днѣпрѣ и жестоко простудился. Но онъ по личному опыту могъ сказать впоследствии:

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись:
 Въ день унынія смирись,
 День веселья, вѣр, настанетъ.

Такъ точно было и съ нимъ. Тяжелая жизнь вдругъ смѣнилась для него самымъ завлекательнымъ, веселымъ путешествіемъ, безъ заботъ и хлопотъ, со всѣми удобствами, даже съ роскошью, въ обществѣ людей любезныхъ и почтенныхъ. Во второй половинѣ мая мѣсяца 1820 года проѣзжалъ черезъ Екатеринославль на Кавказскія воды Николай Николаевичъ Раевскій съ семействомъ. Это тотъ самый Раевскій, который въ сраженіи подъ Смоленскомъ вывелъ въ дѣло двухъ еще почти малолѣтнихъ сыновей своихъ, который прославился и личною храбростію и способностями искуснаго полководца, подъ Лейпцигомъ, подъ Роменвилемъ и въ другихъ битвахъ. Въ это время онъ командовалъ 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Младшій сынъ его (тоже Николай Николаевичъ), тогда ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, находившійся въ отпуску, подружился съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, и тамъ оказалъ ему какія-то важныя (намъ неизвѣстныя) услуги. Узнавъ, вѣроятно по письму

изъ Петербурга, о ссылкѣ поэта, а можетъ быть и видѣвшись съ нимъ въ его проѣздъ черезъ Кіевъ, онъ поспѣшилъ сыскать его въ Екатеринославль¹⁷⁾. „Едва я, по пріѣздѣ въ Екатеринославль, расположился послѣ дурной дороги на отдыхъ—разсказываетъ сопровождавшій генерала Раевского медикъ Рудыковскій—ко мнѣ, запыхавшись, вбѣгаетъ младшій сынъ генерала. „Докторъ, я нашелъ здѣсь моего друга; онъ боленъ, ему нужна скорая помощь, поспѣшите со мною. Нечего дѣлать, пошли. Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на досчатомъ диванѣ, сидитъ молодой человекъ, не бритый, блѣдный и худой. „Вы нездоровы?“ спросилъ я незнакомаго.—„Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался. кажется, простудился.“ Осмотрѣвши тщательно больнаго, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ передъ нимъ лежала бумага. „Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?“—Пишу стихи.—Нашелъ, думалъ я, время и мѣсто. Посовѣтовавши ему на ночь выпить чего-нибудь теплаго, я оставилъ его до другаго дня. Мы остановились въ домѣ губернатора К. Поутру гляжу — больной ужъ у насъ: говорить, что онъ ѣдетъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нами. За обѣдомъ нашъ гость

---

¹⁷⁾ Письмо къ брату отъ 24 сентября 1820 г. (см *Библиографическія Записки* 1858 года), Пушкинъ начинаетъ: «Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя) предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь, я легъ въ коляску больнои, черезъ недѣлю вылезъ».

веселъ и безъ умолку говорить съ младшимъ Раевскимъ пофранцузски. Послѣ объѣда у него ознобъ, жаръ и всѣ признаки пароксизма. Пишу рецептъ — „докторъ, дайте что-нибудь лучше; дряни въ ротъ не возьму.“ Что будешь дѣлать? прописалъ слабую микстуру. На рецептъ нужно написать кому. Спрашиваю: Пушкинъ. Фамилія незнакомая, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Лечу какъ самага простаго смертнаго и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщитъ¹⁸⁾. Молодому Раевскому ничего не стоило уговорить отца взять съ собою Пушкина. Воспитанникъ князя Потемкина, женатый на внучкѣ Ломоносова, имѣвшій своимъ адъютантомъ поэта Батюшкова, почтенный генералъ и самъ безъ сомнѣнія радъ былъ оказать услугу молодому поэту. Одно его слово Инзову, и все уладилось. Болѣзнь была самымъ законнымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе, что о ссылкѣ ничего не говорилось въ официальной перепискѣ. Инзовъ уволилъ своего чиновника въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ Пушкинъ прожилъ въ Екатеринославѣ всего недѣли двѣ. Отъ этого города остался въ его поэтической памяти одинъ только образъ: два скованные разбойника, убѣжавъ изъ екатеринославской тюрьмы, спасались въ дѣпяхъ вплавъ по Днѣпру. Пушкинъ въ послѣдствіи повторилъ эту картину въ своей поэмѣ Братья Разбойники:

Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ,
Цѣпами общими гремишь,
Бьемъ волны дружными ногами. ¹⁹⁾

¹⁸⁾ См. *Русскій Вѣстникъ*, 1841 г., № 1-й. Рудыковскій говоритъ, что они выѣхали изъ Кіева 19 мая.

¹⁹⁾ См. соч. II-на., V, 30. Въ Кишиневѣ, кто-то усумнился, чтобы скованные разбойники могли переплыть рѣку.

Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго доктора Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его, Марья (лѣтъ 14) и дѣвочка Софья, при нихъ англичанка миссъ Мятенъ и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родомъ Татарка, удержавшая въ выговорѣ и въ лицѣ свое восточное происхожденіе). Все это общество помѣщалось въ двухъ каретахъ и коляскѣ. Пушкинъ сначала ѣхалъ съ младшимъ Раевскимъ въ коляскѣ, а потомъ генераль пересадилъ его къ себѣ въ карету, потому что его сильно трясла лихорадка²⁰). „На Дону (вѣроятно въ Новочеркасскѣ) — продолжаетъ г. Рудыковскій—мы обѣдали у атамана Денисова. Пушкинъ меня не послушался, покушалъ бланманже, и снова заболѣлъ. „Докторъ, помогите!“ — Пушкинъ, слушайте! „Буду, буду!“ Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы. „Не ходите, не ѣздите безъ шинели.“ — Жарко, мочи нѣтъ. — „Лучше жарко, чѣмъ лихорадка.“ — Нѣтъ, лучше ужъ лихорадка. — Опять сильные пароксизмы. „Докторъ, я боленъ.“ — Потому что упрямы; слушайте. — „Буду, буду!“ Пушкинъ выздорѣлъ.

Путешественниковъ нашихъ вездѣ встрѣчали съ большимъ почетомъ; въ городахъ обыватели съ хлѣбомъ и солью выходили къ славному защитнику отечества. При этомъ старикъ Раевскій шутя говаривалъ Пушкину: „Прочтите намъ свои стихи! Что они въ нихъ поймутъ?“ Думая почему-то, что Пушкинъ принадлежитъ къ

Пушкинъ кликнулъ своего слугу Никиту и велѣлъ разсказать, какъ они съ нимъ дѣйствительно видѣли это въ Екатеринославіѣ. (Отъ В. П. Горчакова.)

²⁰) Некоторыя подробности путешествія благосклонно передаю мнѣ одною изъ дочерей генерала Раевскаго, кн. М. И. В.—ой.

масонствѣ, Раевскій подшучивалъ надъ нихъ, утверждая, что изъ ихъ совѣщаній не выдетъ ничего путнаго. Достоинно замѣчанія, что онъ взялъ слово съ обоихъ сыновей ни за что не вступать ни въ какое тайное общество.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца (1820), наши путешественники пріѣхали на кавказскія минеральныя воды. Въ Пятигорскѣ ихъ ожидалъ старшій сынъ Раевского, отставной полковникъ Александръ Николаевичъ, прибывшій туда заранѣе ²¹⁾. Они вошли обществомъ въ жилища на горѣ Бештау, или желѣзныя, тогда еще мало-извѣстныя, воды, и жили тамъ въ калмыцкѣ въ кибиткахъ, за недостаткомъ другаго помѣщенія. Эти оригинальныя поѣздки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсѣмъ не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлѣній, жизнь въ кибиткахъ и палаткахъ, разнообразныя прогулки, ночи подъ открытымъ южнымъ небомъ, и кругомъ причудливыя картины горъ, новые нравы, невиданныя племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горскихъ Черкесовъ, а въ нѣсколькихъ часахъ пути упорная, жестокая война, съ громкимъ именемъ Ермолова, — все это должно было чрезвычайно нравиться молодому Пушкину. Мы въ правѣ даже думать, что втайнѣ онъ благословлялъ судьбу, которая такъ неожиданно и противъ воли заставила его прѣмѣнять на Кавказъ Петербургскую, душную и только безплодно-раздражающую жизнь. Къ удовольствіямъ путешествія прибавлялось еще всегда радостное и свѣжительное чувство выздоровленія: Пушкинъ бралъ ванны и оправлялся отъ болѣзни. Всею

²¹⁾ Рудниковскій ошибается, говоря, что генералъ Раевскій вхалъ на Кавказъ съ обоими сыновьями

душею поддался онъ тогда впечатлѣніямъ кавказской природы:

Предъ нимъ парить орелъ державный,
 Стоитъ олень, сѣбянивъ рога;
 Верблюды лежатъ въ тѣни угеса,
 Въ лугахъ несется конь Черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
 Пасутся овцы Калмыковъ.....

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣсненный холмами вокругъ,
 Стоитъ Бешту остроконечный,
 И зеленѣющей Машукъ,
 — Машукъ, податель струй целебныхъ.
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ тѣснится бѣдный рой:
 Кто жертва чести боевой,
 Кто почечуя, кто Киприды...

„Въ Горячеводскѣ, — рассказываетъ далѣе г. Рудыковский, — мы вѣрѣхали все здоровы и веселы. По прибытіи генерала въ городъ, тамошній комендантъ къ нему явился, и скорѣ прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. Все читали, любопытствовали. После нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то писалъ... На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц., который былъ при минеральныхъ водахъ. „Вы лейбъ-медикъ, вѣхали съ генераломъ Р.?“ — „Последнее справедливо, но я не лейбъ-медикъ“. — „Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта, бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выдти дурныя послѣдствія.“ — Спрашиваю книгу, смотрю, тамъ въ свитѣ генерала вписаны: двѣ его дочери, два сына, лейбъ-медикъ Рудыковский и недоросль Пушкинъ. На силу я убѣдилъ коменданта все это исправить. Генералъ порядочно пожурилъ Пушкина за эту

шалость. Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались.“

Черезъ девять лѣтъ, вторично посѣтивъ Кавказъ, Пушкинъ такъ вспоминалъ свое первое путешествіе. „Въ Ставрополь, — говоритъ онъ, — увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи. Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на скоро построенныхъ. Источники, большею частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки... Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и негороженныхъ пропастей, надъ которыми бывало я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось милліонами звѣздъ. Я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ со мною А. Р. (Александръ Раевскій), прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чертѣе и чертѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами и наконецъ исчезъ во мракъ.“

„Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ — рассказываетъ Пушкинъ брату своему вскорѣ послѣ возвращенія оттуда, — воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрные горячія, впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холод-

ныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видаль великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣйной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ, дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвой излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не приносящая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ, и можетъ быть, сбудетъ для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи.⁴

Въ этихъ словахъ такъ и отзываются разговоры въ обществѣ Раевскихъ о Кавказѣ, о тамошней войнѣ и объ ея значеніи для Россіи. Посольство Ермолова въ Персію было еще въ свѣжей памяти. Отъ генерала Раевского Пушкинъ, конечно, наслушался разсказовъ о подвигахъ Циціанова, Котляревскаго и Ермолова, тогдашняго главнокомандующаго кавказскихъ войскъ. Послѣдній приходился родственникомъ Раевскому и былъ его тозаріщемъ по службѣ. Всѣхъ троихъ Пушкинъ помянулъ впоследствии въ Эпиграфъ въ *Кавказскому Пльнику*.

Поэмой этой, которую Пушкинъ замыслилъ еще во время своего путешествія, онъ дорожилъ потомъ именно какъ картиною Кавказа. И дѣйствительно, описательная часть *Кавказскаго Пльнника* свидѣтельствуешь, что молодой Пушкинъ не былъ празднымъ путешественникомъ, пріѣхавшимъ только полечиться да погулять. Нужно было много умнаго вниманія и наблюдательности, чтобы такъ схватить главнѣйшія черты края. Что касается собственно до внѣшней поэтической работы, то, кажется, въ два мѣсяца кавказской жизни, Пушкинъ мало писалъ. И до письма ли тутъ было? Рожденный и воспитанный на равнинахъ, и очутившійся вдругъ среди заоблачныхъ горъ, онъ былъ слишкомъ пораженъ великолѣпіемъ и новизною картины и только набирался впечатлѣній.

Забытый свѣтомъ и молвою,
 Далече отъ бреговъ Невы,
 Теперь я вижу предъ собою
 Кавказа гордыя главы.
 Надъ ихъ вершинами крутыми,
 На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
 Питаюсь чувствами вѣчными
 И чудной пределью картинъ
 Природы дикой и угрюмой;
 Душа, какъ прежде, каждый часъ
 Полна томительною думой,
 Но огонь поэзіи погасъ.
 Ищу напрасно впечатлѣній,
 Она прошла, пора стиховъ и проч.

Съ Кавказа, сколько мнѣ извѣстно, Пушкинъ послалъ въ печать только два небольшія дополненія къ Руслану и Людмилѣ и Эпилогъ этой поэмы. Надо замѣтить, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не успѣвъ выдать въ свѣтъ Руслана и Людмилы. Извѣстный любитель словесности и художествъ, А. Н. Оленинъ, лично знавшій Пушкина, желая на дѣлѣ показать любовь свою къ его таланту, самъ сочинялъ рисунки

къ Руслану и Людмилѣ, а Н. И. Гнѣдичъ, съ которымъ Пушкинъ сошелся у Оленина, принялъ на себя хлопоты изданія. Самая рукопись оставлена была у брата, Льва Сергѣевича, который, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ С. А. Соболевскимъ, доканчивалъ печатаніе. Послѣдній рассказываетъ, что много было труда разбирать шестую пѣснь, не перебѣленную сочинителемъ. Поэма появилась въ исходѣ мая или въ началѣ іюня мѣсяца (цензурное дозволеніе И. Тимковского дано 15 мая 1820). Посылая свои добавленія къ двумъ мѣстамъ шестой (последней) пѣсни, всего 17 стиховъ, Пушкинъ могъ думать что они вмѣстѣ съ Эпилогомъ еще поспѣютъ въ Петербургъ прежде отпечатанія книжки. Но поэма уже вышла, и новые стихи ея появились въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ, въ *Сынъ Отечества* (№ 38), который издавался Н. И. Гречемъ. А можетъ быть и то, что Пушкинъ, уже получивъ отъ Гнѣдича ²²⁾ на Кавказѣ печатный экземпляръ Руслана и Людмилы, и будучи недоволенъ текстомъ, послалъ пропущенныя мѣста шестой пѣсни, печатавшейся, какъ выше сказано, съ черновой рукописи. Во всякомъ случаѣ видна заботливость о своемъ произведеніи и осмотрительность при появленіи въ печати, наслѣдованная Пушкинымъ отъ Карамзина, Батюшкова и Жуковского. Что касается до Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, то въ немъ Пушкинъ захотѣлъ выразить благодарное чувство свое. Это былъ голосъ съ Кавказа Карамзину, Чадаеву и вообще петербургскимъ друзьямъ. Раевскіе тоже могли относить къ себѣ слѣдующіе стихи:

²²⁾ Въ письмѣ къ барону Дельвигу отъ 23 марта 1821 г. Пушкинъ говоритъ, что Гнѣдичъ доставилъ ему *дѣйствительную* Людмилу.

Я погибалъ... Святой хранитель
 Первоначальныхъ бурныхъ дней,
 О дружба, нѣжный утѣшитель
 Болѣзненной души моей!
 Ты умолила непогоду,
 Ты сердцу возвратила миръ,
 Ты сохранила мнѣ свободу,
 Кипящей младости кумиръ!

Подъ Эпиголомъ означено: „26 июня. 1820 Кавказъ.“

Выше замѣчено, что кавказская поѣздка дала Пушкину богатый запасъ поэтическихъ впечатлѣній. „Питаюсь чувствами нѣмыми,“ наблюдательный и впечатлительный поэтъ принялъ на душу всю роскошь и разнообразіе новыхъ для него картинъ. Рассказывая намъ впоследствии о судьбахъ своей Музы, онъ говоритъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа,
 Она Ленорой при лунѣ
 За мной скакала на конѣ.

Или:

Ее плыялъ нарядъ суровый
 Племя, возросшихъ на войнѣ,
 И часто въ сей одеждѣ новой
 Волшебница являлась мнѣ;
 Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
 Одна бродила по скаламъ,
 И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
 Она прислушивалась тамъ.

Быть можетъ, къ воспоминаніямъ объ этой жизни принадлежатъ и стихи 1828 г. *Не пой, красавица при мнѣ.*

Увы! напоминаютъ мнѣ
 Твои жестокіе напѣвы
 И степь, и ночь, и при лунѣ
 Черты далекой, бѣдной дѣвы.

Глубокая задумчивость этихъ стиховъ заставляетъ думать, что они связаны съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ случаемъ, и въ нихъ, можетъ быть, заключена какая-нибудь біографическая черта. Но подробностей, разумѣется,

нечего спрашивать. Во всякомъ случаѣ, поэтический отчетъ о своемъ путешествіи Пушкинъ даетъ въ *Кавказскомъ Пльнникѣ*.

И видятъ: неприступныхъ горъ .
Надъ нимъ воздвигнулась громада —
Гвздо разбойничьихъ племень,
Черкесской вольности ограда . .

Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрываетъ.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ!
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣщъ блистая лебяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Былъ на небѣ голубомъ...

Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны:
Елени дремятъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тоже самое отчасти повторено въ выше-приведенномъ отрывкѣ изъ письма къ брату. — Къ поэтическимъ замѣткамъ и воспоминаніямъ о Кавказѣ принадлежитъ, наконецъ, четверостишіе въ альбомѣ Онягина, — любопытный образецъ Пушкинской наблюдательности:

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменветъ;

Въ волненьи жизни такъ мертвецъ
И вѣтренный и пылкій нравъ. ²³⁾

Поѣздка на Кавказъ ограничивалась минеральными водами: дальше, въ глубь Кавказа, Пушкинъ не ѣздилъ въ этотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купанья и отправились на южный берегъ Крыма. Путь ихъ лежалъ по землѣ черноморскихъ козаковъ, вдоль береговъ Кубани, вблизи немирныхъ Черкесскихъ ауловъ. Тутъ опять новыя картины и новыя, необычныя впечатлѣнія. „Видѣлъ я берега Кубани—продолжаетъ Пушкинъ въ письмѣ, изъ котораго выше приведенъ отрывокъ,—любовался нашими козаками; вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 козаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала, и тамъ гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ козакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова.“

²³⁾ Или, въ другомъ мѣстѣ:

Но все пропаго!... рѣзвый нравъ...

Душа часъ отъ часу ѣмлетъ,

Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ

Въ ключахъ кавказскихъ каменѣтъ.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Козакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе стальное.
 Не спи, козакъ: во тѣмъ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

„Съ полуострова Тамана, древняго Тмутораканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думаю я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увижу я груды камней, утесовъ грубо высеченныхъ; замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее ли это основаніе башни, не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *Золотомъ холмѣ*: ряды камней, ровъ почти сравнявшійся съ землею, вотъ все что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоценнаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и подобно старику *Виргилію* разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ неумный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ *Брымѣ*, сторонѣ важной и запущенной ²⁴⁾. Отъ сюда

²⁴⁾ Пушкинъ называетъ городъ *Теодосію Кефой*. Броневскій передъ тѣмъ занималъ должность *Теодосійскаго градоначальника*. Онъ былъ литераторъ, и въ добавокъ мартинистъ того времени. Въ *Жизни Сперанскаго*, т. 2, стр. 149, сказано, что Броневскій имѣлъ съ Сперанскимъ религиозно-мистическую переписку. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Броневскимъ, авторомъ плохой книжки: *Путешествіе изъ Петербурга въ Тріестъ*.

моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфа, гдѣ находилось семейство Раевского. Ночью на кораблѣ написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи ²⁵⁾. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами, вездѣ мелькали татарскія селенія. Онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли.⁴

Этотъ переездъ и трехнедѣльная жизнь въ Юрзуфъ оставили Пушкину лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами. Изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. По словамъ одной изъ спутницъ, въ ночь

²⁵⁾ Это Элегія—*Погасло дневное светило*. Пушкинъ означилъ ее: «Черное море. 1820. Сентябрь.»

Лети, корабль, носи меня къ предѣламъ дальнымъ,
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

Н. И Гречъ вскорѣ напечаталъ Элегію въ одной изъ полярскихъ книжекъ *Сына Отечества* (N 46). Намеки, можетъ быть, біографическаго значенія, находящіеся въ этой Элегіи, остаются для насъ не понятны, и оттого мы не можемъ себя объяснить, почему Пушкинъ не захотѣлъ выставить подъ ней имени, а потомъ въ собраніи стиховъ своихъ, 1826 года, опять для прикритія, означилъ піесу *Подражаніемъ Байрону*.—Для біографа особенно любопытно и часто весьма бываетъ важно слѣдить, подъ какими произведеніями поэтъ выставлялъ имя, и въ какихъ, напротивъ, скрывалъ свою подпись. Эти послѣднія большею частью содержатъ въ себѣ чисто-личныя ощущенія и задушевную думу Пушкина. Можетъ быть, онъ познакомился съ семьею генерала Раевского, съ его дочерьми, еще раньше поѣздки на Кавказъ, еще въ Петербургѣ:

Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненіемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный....
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь....

передъ Гурзуфомъ Пушкинъ расхаживалъ по палубѣ въ задумчивости и что-то бормоталъ про себя.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
 Когда васъ видишь съ корабля,
 При свѣтѣ утренней Киприды,
 Какъ васъ впервой увидѣлъ я.
 Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
 На небѣ синемъ и прозрачномъ
 Сіяли груди вашихъ горъ;
 Долины, деревьевъ, селъ узоръ
 Разостланъ былъ передо мною.
 А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ...²⁶⁾
 Какой во мнѣ проснулся жаръ,
 Какой волшебною тоскою
 Стѣснилась пламенная грудь!

Года черезъ три Пушкинъ нѣсколько равнодушнѣе рассказывалъ объ этомъ путешествіи барону Дедвигу, но за то сообщилъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей. „Изъ Азіи—идетъ онъ,—перехали мы въ Европу на корабль. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову* гробницу (развалины кавей то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапей не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Θεодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „Вотъ Чатырдагъ!“ сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кро-

²⁶⁾ Очевидно, говорится о домѣ, въ которомъ жило семейство Раевского.

вли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прильщенными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ..... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный²⁷⁾.

Юрзуфъ или Гурзуфъ — очаровательный уголокъ южнаго Крымскаго берега, нынѣ извѣстный богатыми виноградниками. Онъ лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Горы небольшимъ полукругомъ облегаютъ тамошнее море. Съ сѣвера загораживаетъ Чатырдагъ, съ востока Аюдагъ заслоняетъ отъ палящихъ лучей солнца; оттого въ Гурзуфѣ такой превосходный, умеренный климатъ и такая роскошь растительности. М. П. Погодинъ обязательно сообщилъ намъ видъ Юрзуфа, снятый со стороны моря. Тутъ вниманіе особенно останавливается на одной скалѣ, которая подымается надъ самымъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, и представляетъ собою удивительную игру природы: въ очертаніяхъ скалы, даже и безъ особенной рѣзвости воображенія, нельзя не признать изображенія человѣческаго лица, и притомъ весьма схожаго съ бюстами императора Александра. Гурзуфъ расположенъ на скалѣ. Лучшая дача, нынѣ владѣніе И. И. Фундуклея, принадлежала тогда бывшему одесскому генераль-губернатору герцогу Ришелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житѣ сво-

---

²⁷⁾ Письмо это писано вѣроятно въ 1824 году, для *Сверныхъ цвѣтковъ* Дельвига, гдѣ оно и появилось въ 1826. Оно было вызвано появившеюся въ 1823 г. книгою И. М. Муравьева-Апостола *Путешествіе по Тавриды* въ 1820 году, по которой Пушкинъ хотѣлъ провѣрить собственныя впечатлѣнія

ему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухъ-этажный домъ, съ двумя балконами, одинъ на море, другой въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка.

Тутъ семья Раевского вся была въ сборѣ, кромѣ его матери, жившей въ Кіевской деревнѣ, и сына Александра, который остался на Кавказѣ. (Это мы должны замѣтить). Нашихъ путешественниковъ ожидали въ Гурзуфѣ супруга Раевского, Софья Алексѣевна, урожденная Константинова, внучка Ломоносова, и двѣ отлично образованныя и любезныя дочери, Екатерина Николаевна, (старшая всѣмъ, нынѣ Орлова) и Елена Николаевна, тогда лѣтъ 16-ти, высокая, стройная, съ прекрасными голубыми глазами. Братъ Николай скоро познакомилъ съ ними своего молодого пріятеля. Въ домъ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Кромѣ того Байронъ былъ почти ежедневнымъ его чтеніемъ: Пушкинъ продолжалъ учиться поанглійски, съ помощью Раевского-сына. Но большая часть времени, разумѣется, проходила въ прогулкахъ, въ морскомъ купаньи, поѣздкахъ въ горы, въ веселыхъ, оживленныхъ бесѣдахъ, которыя постоянно велись на французскомъ языкѣ. Пушкинъ часто разговаривалъ и спорилъ съ старшею Раевскою о литературѣ. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна ²⁸⁾, хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и

---

²⁸⁾ Елена Николаевна Раевская пережила Пушкина; она не выходила за мужъ и скончалась въ Италіи лѣтъ 12 тому назадъ.

Вальтеръ-Скота пофранцузски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ огнями клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны.

„Мой другъ—писалъ Пушкинъ брату— счастливейшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Егатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества.“

И Раевскіе не могли не полюбить молодаго поэта, потому что съумѣли открыть въ немъ высокій умъ, нѣжное, привязчивое сердце, благородную гордость души. Не смотря на французское воспитаніе, старикъ Раевскій былъ настоящій русскій человѣкъ, любилъ русскую рѣчь, по собственной охотѣ и, можетъ быть, черезъ Батюшкова, служившаго при немъ адъютантомъ и черезъ своего родственника Д. В. Давыдова, знакомъ былъ съ нашею словесностью, зналъ и цѣнилъ простой народъ, сближаясь съ нимъ въ военномъ быту и въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ между прочимъ любилъ заниматься садоводствомъ и домашнею медициною. Въ этихъ отношеніяхъ онъ далеко не походилъ на своихъ товарищей по оружію, русскихъ знатныхъ сановниковъ, съ которыми послѣ случилось встрѣчаться Пушкину и которымъ очень

трудно было понять, что за существо поэтъ, да еще русскій. Раевскій какъ-то особенно умѣлъ сходиться съ людьми, одаренными свыше. Такъ точно на Кавказѣ же онъ приблизилъ къ себѣ и навсегда привязалъ къ своему семейству извѣстнаго доктора Мейера. По отношенію къ Пушкину генераль Раевскій важенъ еще для насъ какъ человекъ съ разнообразными и славными преданіями, которыми онъ охотно дѣлился въ разговорѣ. Недавно-прошедшая исторія Россіи прошла на глазахъ у него. Онъ былъ родной по матери плѣмянникъ графа Самойлова, генераль-прокурора при Екатеринѣ; онъ началъ службу при другомъ своемъ родственникѣ, представителѣ вѣка, князѣ Потемкинѣ и пользовался особенною любовью его. Вблизи Гурзуфа находится Артекъ, опустѣлая и нѣкогда великолѣпная дача Потемкина, и уже одно это должно было часто наводить разговоры на Потемкина и его время. Отсюда у Пушкина такое близкое знакомство съ новою Русскою исторіей. Отъ Раевского онъ наслушался рассказовъ про Екатерину, XVIII вѣкъ, про наши войны и про 1812-й годъ. Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ были записаны Пушкинымъ и дошли до насъ, какъ важныя историческія черты и въ то же время какъ доказательства высокой любознательности поэта. Достойно замѣчаніе, что въ 1829 году, когда умеръ Раевскій, Пушкинъ писалъ письмо къ графу Бенкендорфу, ходатайствуя объ увеличеніи пенсіи его семейству: такъ хотѣлось ему чѣмъ-нибудь заплатить долгъ благодарнаго сердца.

„Старшій сынъ его — продолжаетъ рассказывать своему брату Пушкинѣ, увлекаемый признательностью къ пріютившему его семейству — будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его до-

черп — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского.“ Еще нѣсколько подробностей передаетъ Пушкинъ въ упомянутомъ письмѣ къ барону Дельвигу. „Въ Юрзуфѣ, говоритъ онъ, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество.“

Одну черту этого разсказа Пушкинъ повторилъ потомъ въ Онѣгинѣ, говоря о своей Музѣ:

Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во тьмѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нериды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Творцу міровъ!

А кипарисъ, любимецъ Пушкина, до сихъ поръ цѣлъ; онъ выросъ теперь огромнымъ, старымъ деревомъ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ. Съ нимъ подружился, его любилъ поэтъ, и подъ счастливымъ южнымъ небомъ этого одного достаточно, чтобы съ этимъ кипарисомъ связалось поэтическое сказаніе. Постоянные обитатели Гурзуфа, тамошніе Татары увѣряютъ, что когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ,

къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ; съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялись посѣщенія пернатого пѣвца; но поэтъ умеръ, и соловей больше не прилетаетъ ²⁹⁾).

Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ несомнѣнно относится тотъ женскій образъ, который безпрестанно является въ стихахъ Пушкина, чуть только онъ вспомнитъ о Тавридѣ, который занималъ его воображеніе три года сряду, преслѣдовалъ его до самой Одессы, и тамъ только смѣнился другимъ. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, внимательно слѣдя за его стихами того времени. Но то была святыня души его, которую онъ строго читилъ и берегъ отъ чужихъ взоровъ, и которая послужила внутренней основою всѣхъ тогдашнихъ созданій его генія. Мы не можемъ опредѣлительно указать на предметъ его любви, ясно однако, что встрѣтилъ онъ его въ Крыму и что любилъ безъ взаимности.

Я помню море предъ грозю:
 Какъ я завидовалъ волнамъ,
 Бѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
 Какъ я желалъ тогда съ волнами
 Коснуться милохъ ногъ устами!

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
 На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
 Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь,
 Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала,
 И пѣву изъ власовъ струею выжимала.

Въ Элегіи: *Рыбъеть облаковъ летучая града* уже явно заключена біографическая подробность, какая пменно, мы теперь не знаемъ

²⁹⁾ См. «Крымскія письма Евгениі Туръ» въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1854 года, письмо 5-е.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ вѣжннй миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ таврическія ^{зо)} волны.
 Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
 Надъ моремъ я влчилъ задумчивую лѣнь,
 Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
 И дѣва юная во мглахъ тебя искала
 И именемъ своимъ подругамъ называла.

Когда, противъ воли Пушкина, напечатаны были въ 1824 году, въ *Полярной Звѣздѣ*, три послѣдніе приведенные нами стиха, Пушкинъ огорчился такимъ обнаруженіемъ его тайны и писалъ издателю А. А. Бестужеву: „Мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой.... Богъ тебя простить, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней *Звѣздѣ*, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.... Что жъ она подумаетъ?... Обязана ли она знать, что она мною не названа.... что элегія доставлена тебѣ Богъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ“.

Къ Гурзуфу, кажется, относится и стихотвореніе: *О дѣва роза, я въ оковахъ*, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о соловьѣ, влюбленномъ въ розу. По всему вѣроятію, онъ писалъ тамъ и свои замѣчанія о донскихъ и черноморскихъ козакахъ, упоминаемая имъ въ письмѣ къ брату и теперь утраченныя, и тамъ же занялся и набросалъ

³⁰⁾ Такъ было въ первоначальномъ текстѣ, Пушкинъ замѣнилъ слово *таврическія* словомъ *полуденныя*; точно также какъ въ предыдущемъ стихотвореніи вмѣсто *оливъ* онъ потомъ поставилъ *деревъ*.

первые отрывки новой поэмы, *Кавказскій Пльнникъ*³¹⁾.

Пушкинъ прожилъ на южномъ берегу три недѣли, если не ошибаемся . до второй половины сентября. Каѣъ ни хороша была тамошняя жизнь, но срокъ отпуска кончался. Раевскій долженъ былъ возвратиться на службу въ Кіевъ. Въмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуѣ, и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ. Путь лежалъ по крутымъ скаламъ Кикениса. „По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ,—пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу — держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какииъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, и еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы.“ Пушкинъ разумѣетъ свое посланіе къ Чадаеву: *Къ чему холодныя сомнѣнья*, подъ которымъ находимъ отмѣтку: „Съ морскаго берега Тавриды,“ и въ двухъ стихахъ котораго данъ отчетъ о тогдашнемъ состояніи души его:

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

³¹⁾ На одномъ изъ первыхъ черновыхъ набросковъ *К. Пльнника* сохранилась помѣтка: «1820 августа 21.»

„Въ Бахчисарай — продолжаетъ онъ — прїѣхаль я больной. Я прежде слыхаль о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes* ³²⁾). Вошедъ во дворець, увидѣль я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по камнямъ падала вода. И обошелъ дворець съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня, по ветхой лѣстницѣ, въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было....

„Лихорадка меня мучила.“

Пока Пушкинъ странствовалъ, во внѣшнемъ положеніи его устроилась новая переменна, какъ и прежде, случайная и также благоприятная. Возвращаться изъ Крыму пришлось ему не въ Екатеринославль, откуда отпустилъ его Инзовъ, а въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ. Тогдашній намѣстникъ Бессарабской области, А. Н. Бахметевъ, испросилъ себѣ продолжительный отпускъ, для излеченія отъ ранъ, а должность его, 15 іюня 1820 года поручена была временно Инзову, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края ³³⁾). Читатели убѣдятся изъ дальнѣйшаго разсказа нашего, какъ важно было для Пушкина это обстоятельство: вмѣсто однообразной губернской жизни, онъ очутился

³²⁾ Вѣроятно это та самая женщина, про которую Пушкинъ говорилъ, что поэма его *Бахчисарайскій Фонтанъ* есть ничто иное, какъ переложеніе въ стихи ея разсказа. Буква К* поставлена въ печати, можетъ быть, для прикрытія.

³³⁾ См. біографію Инзова, въ изданіи: *Александръ I и его подвижники*.

почти въ пограничномъ городѣ, съ самымъ пестрымъ населеніемъ, представлявшимъ множество предметовъ для его наблюдательности, познакомившимъ его съ разнохарактерными явленіями русской жизни. Кавказъ и Крымъ воспитали и укрѣпили въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; Кишиневская жизнь развернула передъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей: тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью, и приобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю.

Въ Кишиневъ онъ пріѣхалъ не прямо изъ Крыма. Ему вѣроятно не хотѣлось скоро разстаться съ Раевскими, и онъ проводилъ ихъ еще до Кіевской губерніи, до села Каменки, гдѣ жила мать старика Раевского, урожденная графиня Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова³⁴⁾. Съ нею жила два ея сына отъ этого брака, Александръ и Василій Львовичи, изъ которыхъ первый былъ женатъ на веселой и любезной француженкѣ, графинѣ Грамонъ. Пушкинъ съ нею очень скоро сошелся; но это первое посѣщеніе Каменки было не продолжительно.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Пушкинъ прибылъ на житье въ Кишиневъ, какъ видно по письму его къ брату, въ которомъ онъ описывалъ свое путешествіе: оно писано на первыхъ порахъ кишиневской жизни, 24 сентября 1820 г. „Теперь я одинъ, въ пустынной для меня Молдавіи,“ замѣчаетъ Пушкинъ. Но вскорѣ Кишиневъ пересталъ быть для него пустынею.

Прежде всего слѣдуетъ сказать объ отношеніяхъ его къ Инзову, которыя теперь только и на-

³⁴⁾ Отъ кн. М. Н. В—ой.

чались, потому что въ краткій срокъ Екатеринославской жизни Пушкинъ едва успѣлъ съ нимъ познакомиться. Иванъ Никитичъ Инзовъ (1768—1845), былъ питомицею князя Николая Никитича Трубецкаго, памятнаго своею дружескою связью съ типографщикомъ Новиковымъ и съ мартинистами Екатерининскаго вѣка. Инзовъ образовался и служилъ въ молодости адъютантомъ при князѣ Н. В. Репнинѣ, тоже мартинистѣ. Онъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, воплнѣ опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброджелательство и человеколюбіе. Такъ называемые иностранные поселенцы южнаго края, и особенно отошедшіе отъ насъ не давно Болгаре, до сихъ поръ почитаютъ память этого добраго начальника. Въ Болгарскихъ поселеніяхъ, въ возникшемъ подъ его попечительствомъ Болградѣ (1822) и теперь, во многихъ семействахъ, берегаются портреты Ивана Никитича. Имя его съ признательностью помняется въ будущей исторіи нашихъ сношеній съ славянскими братьями. Но Инзовъ вѣроятно чуждъ былъ нынѣшнихъ понятій о племенномъ сближеніи; онъ хлопоталъ и пекся о Сербяхъ и Болгарахъ по чувству долга и по внушенію прекрасной души своей. Это былъ человекъ не хитраго разума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко; но его искренняя привѣтливость, умѣнье уживаться съ людьми и мирить ихъ, неподкупная честность и прямота характера заслужилъ ему любовь подчиненныхъ и уваженіе людей равныхъ и начальства. Сверхъ того Инзовъ былъ очень образованъ и начтаныъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи. Онъ тотчасъ оцѣнилъ молодого Пушкина, чутьемъ сердца понявъ высокое бла-

городство его природы, и вмѣсто того, чтобы быть строгимъ надзирателемъ за его поведеніемъ, сдѣлался снисходительнымъ и попечительнымъ заступникомъ. Выше упомянуто, что Пушкинъ явился къ нему съ письмомъ отъ гр. Каподистрии; что это было за письмо, намъ не извѣстно; но можно догадываться, что чья нибудь дружеская предусмотрительность (Энгельгардта или Карамзина, который могъ встрѣчаться съ Инзовымъ еще въ прошломъ вѣкѣ, у Н. Н. Новикова) указала высшему начальству на Инзова, какъ на человѣка, къ которому всего лучше было послать Пушкина. Поэтъ, столь щекотливый въ сношеніяхъ вообще съ людьми, и особливо съ поставленными выше его, никогда не имѣлъ причины пенять на своего начальника, напротивъ отзывался о немъ съ нѣжнымъ участіемъ, а Инзовъ, въ свою очередь, очень жалѣлъ, когда потомъ Одесса переманила къ себѣ Пушкина, и когда онъ уѣхалъ отъ него къ гр. Воронцову.

Въ Кишиневѣ вся власть соединилась въ рукахъ Инзова: кромѣ должности полномочнаго намѣстника Бессарабской области, онъ, съ іюля мѣсяца 1822 года, правилъ всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, такъ какъ тамошній генераль-губернаторъ графъ Ланжеронъ, тоже отпросился въ долгій отпускъ къ водамъ. Для насъ это обстоятельство важно потому, что, живя при Инзовѣ, Пушкинъ (хотя вѣроятно и не имѣлъ никакихъ служебныхъ обязанностей) находился въ средоточіи управленія обширнымъ и важнымъ краемъ, зналъ изъ первыхъ рукъ все, что дѣлалось въ тѣхъ мѣстахъ, а Бессарабія и вообще Новороссія въ то время представляли много любопытнаго. Пушкинъ впоследствии имѣлъ полное право жалѣть объ истребленіи своихъ тогдашнихъ записокъ. Такъ, на-

примѣръ, греческое возстаніе и мѣры нашего правительства, поотношенію къ этому событію, были во всѣхъ подробностяхъ извѣстны Пушкину, что видно между прочимъ изъ его разсказа *Кирджали*, отчасти слышаннаго имъ отъ правителя канцеляріи Инзова, М. И. Лекса ³⁵).

Бессарабія всего только восемь лѣтъ, какъ поступила подъ власть Россіи; Инзовъ былъ вторымъ ея намѣстникомъ. Подъ турецкимъ управленіемъ и долго послѣ Кишиневъ оставался большимъ хуторомъ: у тамошнихъ простолюдиновъ онъ до сихъ поръ слыветъ подъ именемъ *Кишлă*, что по молдавански, говорятъ, значитъ *овчарня*. Онъ былъ выбранъ средоточіемъ власти по указанію знаменитаго экзарха Гавріила Бодони, который и учредилъ въ тамошнемъ монастырѣ свою метрополию. Кишиневъ лежитъ въ серединѣ области, на рубежѣ степной и горной Бессарабіи ³⁶), почти на границахъ двухъ губерній, Херсонской и Подольской. Во время Пушкина онъ состоялъ почти изъ одного такъ называемаго стараго города, раскинутаго по плоскимъ и грязнымъ берегамъ небольшой рѣки *Быба*, съ тѣсными, кривыми улицами, грязными базарами, низенькими лавками и небольшими домиками, крытыми черепицей, но за то со множествомъ садовъ изъ пирамидальныхъ тополей и бѣлыхъ акацій. Въ старомъ городѣ все время и жилъ Пушкинъ. Нынѣшній верхній, правильный или новый городъ, построенный на плоской возвышенности, тогда еще только возникалъ:

³⁵) См. соч. Пушкина, V, 497. «Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто».

³⁶) См. статью Надеждина въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., статью Н. В. Берга въ *Москвитинѣ* 1855 г., № 4; статью В. П. Горчакова, тамъ же 1850 г., № 2 и пр.

тамъ находилась метрополія, два-три хорошихъ дома, въ томъ числѣ домъ Крупянскаго, гдѣ помещались театръ и присутственныя мѣста, и цѣлый особый кварталъ Булгарія, занятый недавними переселенцами-Болгарами.

Населеніе Кишинева, въ то время, было до чрезвычайности пестрое. Главную массу составляли, если не ошибаемся, Молдаване, Жиды и Болгаре; но тутъ же жили Греки, Турки, наши Малороссіяне, Нѣмцы; попадались и Караимы, Арнауты, Французы, и даже Итальянцы, каждый съ своимъ говоромъ, съ своими обычаями, въ своихъ нарядахъ. Настоящихъ Русскихъ переселенцевъ было еще мало. Большую часть русскаго населенія составляли солдаты и чиновники. Военный постой еще болѣе разнообразилъ картину. Бессарабская область занята была корпусами второй арміи.

Кишиневское общество, посреди котораго Пушкинъ проводилъ большую часть времени, слагалось также изъ нѣсколькихъ довольно рѣзкихъ отдѣловъ. Тутъ были прежде всего чиновники мѣстнаго управленія, адъютанты Инзова и его канцелярія. Правителемъ ея былъ *Лексъ*, впоследствии товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ-то въ разговорѣ при Пушкинѣ называли Лекса:

Михаилъ Ивановичъ Лексъ—
Прекрасный человекъ-съ,

быстро подхватилъ Пушкинъ, и это присловье на долго оставалось при имени Лекса. Изъ чиновниковъ, состоявшихъ при Инзовѣ, Пушкинъ особенно былъ друженъ съ недавно умершимъ *Николаемъ Степановичемъ Алексѣевымъ*, переведеннымъ на службу въ Кишеневъ изъ Москвы и съ нимъ вмѣстѣ часто посѣщалъ чиновника горнаго вѣдомства *Эльфректа*, страстнаго охот-

ника до старинныхъ монетъ. Изъ мѣстныхъ властей слѣдуетъ упомянуть еще о вице-губернаторѣ *Крупянскомъ* и другомъ *Алексѣевѣ*, областномъ почтмейстерѣ.— Второй отдѣлъ Кишиневскаго общества составляли молдаванскіе бояре, одни занимавшіе должностныя мѣста въ городѣ, какъ, напр., изъ знакомыхъ Пушкина, губернаторъ *Катакази*, женатый на сестрѣ кн. А. Ипсиланти, и членъ верховнаго правленія *Егоръ Кириловичъ Варволомей*; другіе просто зажиточные помѣщики, жившіе въ Кишиневѣ для удовольствій: *Прункуль*, *Балиш* и другіе. — Въ третьемъ, самомъ замѣчательномъ для насъ отдѣлѣ, были люди военные. Въ Кишиневѣ квартировалъ тогда штабъ 16-й пѣхотной дивизіи, принадлежавшій къ 6-му корпусу второй арміи (корпусный командиръ—*Сабанъевъ* въ Тирасполь). Начальникомъ этой дивизіи, слѣдовательно первымъ военнымъ лицомъ въ городѣ, былъ, до половины 1822 г., генералъ-майоръ *М. Ѡ. Орловъ*, передъ тѣмъ служившій въ Кіевѣ начальникомъ корпуснаго штаба при Н. Н. Раевскомъ. Одною изъ бригадъ дивизіи, состоявшей подъ начальствомъ Орлова, тоже до половины 1822 года, командовалъ *Павелъ Сергѣевичъ Пуцинъ* человекъ весьма образованный и начитанный, служившій прежде въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку и почитавшійся масономъ. Изъ состоявшихъ при Орловѣ штабъ-офицеровъ слѣдуетъ назвать, какъ болѣе или менѣе близкихъ знакомцевъ Пушкина—*Друганова*, *Колокуцаго*, *Охотникова*, *Липранди*, и дивизионнаго квартирмейстера *Владимира Петровича Горчанова*, воспитанника московской Муравьевской школы колонновожатыхъ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ Тульчина, гдѣ жилъ главнокомандующій 2-й арміи, графъ Витгенштейнъ, пріѣзжали въ Кишиневъ

Для съёмки плановъ новопріобрѣтеннаго края и проживали тамъ офицеры генеральнаго штаба, изъ которыхъ назовемъ двоюродныхъ братьевъ *Полторацкихъ: Алексея Павловича и Михаила Александровича* (съ первымъ Пушкинъ былъ очень близокъ), *Валерія Тимофьевича Кека*, и за послѣдніе мѣсяцы кишиневской жизни Пушкина—*Александра Фомича Вельмана*. Надо замѣтить, что Кишиневъ лежитъ на пути военныхъ сообщений: изъ Бендеръ, Тирасполя, Тульчина, Херсона и другихъ мѣстъ являлись туда генералы и офицеры по дѣламъ службы или проѣздомъ. По близости расположенъ былъ и 7-й корпусъ, входившій въ составъ второй арміи. Такъ напримѣръ, въ апрѣлѣ 1821 г. за чѣмъ-то пріѣзжалъ изъ Тульчина, адъютантъ гр. фа Витгенштейна П. И. П., о которомъ въ бумагахъ Пушкина уцѣлѣла замѣтка: „Утро провелъ съ П. Умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste, mais ma raison s’y refuse. Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафизической, политической, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю ³⁷⁾.“ Къ кишиневскимъ гостямъ вѣроятно принадлежалъ и нѣмѣшній посолъ въ Парижѣ П. Д. Киселевъ, тогдашній начальникъ штаба 2-й арміи при гр. Витгенштейнѣ. Познакомившись еще въ Петербургѣ, Пушкинъ въ это время, кажется, сблизился съ нимъ. Наконецъ, въ числѣ постоянныхъ жителей Кишинева, за первое время тамошней жизни Пушкина, должно упомянуть также о семействѣ покойнаго Молдавска-

³⁷⁾ *Библиографическія Записки*, 1859 года, № 5, столб. 120. Французская фраза вѣроятно была сказана Пушкинымъ въ разговоръ съ П., про самого себя. Онъ послѣ не разъ выражалъ эту мысль, напримѣръ, въ стихахъ: *Ты сероцу неполитный лракъ.*

го господаря, кн. Ипсиланти, состоявшемъ изъ вдовы княгини, изъ дочерп, бывшей за губернаторомъ Катакази, и нѣсколькихъ братьевъ, флигель-адъютанта, безрукаго князя Александра, князей Николая, Георгія и Дмитрія, которые всѣ находились въ русской службѣ. Пушкинъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ ³⁸⁾.

Со всѣми изъ названныхъ лицъ Пушкинъ былъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, и болѣе или мене въ дружескихъ связяхъ. По своей живой общительной природѣ, онъ никогда не могъ быть одиночкой, всегда любилъ многолюдныя собранія, постоянно являлся на кишиневскихъ вечерахъ и балахъ, и на холостыхъ пирушкахъ военной молодежи:

---

³⁸⁾ Въ описаніи Кишиневскихъ знакомствъ и жизни Пушкина мы руководствуемся отчасти изустными разсказами и указаниями добраго пріятеля его *В. П. Горчакова*, за которые обязаны ему великою признательностію. Онъ съ любовью и нѣжнымъ участіемъ къ памяти Александра Сергѣевича передавалъ намъ разныя подробности, которыя были необходимы для пониманія прошедшей обстановки. Кроме того и пользовался печатными его статьями, *Выборками изъ Дневника*, въ *Москвитяинѣ* 1850 г. кн. 2, стр. 146—182; кн. 3-я, стр. 233—264 и кн. 7-я, стр. 166—198; и *Воспоминаніемъ о Пушкинѣ* въ 19 номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 1858 года. Нельзя не пожелать продолженія этихъ статей: никакое изслѣдованіе не можетъ замѣнить живыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ современника-очевидца. — Нѣсколько указаній заимствовано еще изъ статьи покойнаго профессора Одесскаго лицея, *К. Зеленецкаго*: «Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Кишиневъ и въ Одессъ, и примѣчанія къ описанію Одессы, въ Евгеніи Оныгинѣ» (въ *Москвитяинѣ* 1854 г. № 9.) Зеленецкій говоритъ, что онъ ѣздилъ нарочно въ Бессарабію для собиранія свѣдѣній о Пушкинѣ и писалъ со словъ *Д. А. Вороновскаго*, *И. С. Пушкина*, покойнаго *Марини*, *В. П. Горфинскаго*, *И. С. Леонарда*, *В. З. Исаренка* и студента *Ратко*.

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

Приступая теперь къ разсказу о жизни Пушкина въ Кишиневѣ, я весьма затрудняюсь соблюденіемъ строгой хронологической послѣдовательности, которая по моему мнѣнію составляетъ первѣйшее условіе при передачѣ біографическихъ матеріаловъ. Затрудненіе это происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ скудости и отрывочности имѣющихся свѣдѣній. Да и вообще чрезвычайно трудно схватить главные черты разсѣянной, тревожной и разнообразной кишиневской жизни Пушкина. Писемъ, этихъ фотографическихъ снимковъ жизни, у насъ очень мало, а какія и дошли до насъ, тѣ большею частью одного литературнаго содержанія.

Сколько извѣстно, Пушкинъ прожилъ въ Кишиневѣ около трехъ лѣтъ, съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 г. до весны 1823-го; но въ этотъ срокъ, какъ видно будетъ ниже, онъ очень часто отлучался, то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи. Пріѣхавъ въ Кишиневъ, онъ остановился въ одной изъ тамошнихъ глиняныхъ мазанокъ, у русскаго переселенца Ивана Николаева, состоявшаго при квартирной комиссіи и весьма извѣстнаго въ городѣ, смышленнаго мужика. Но Инзовъ скоро позаботился о лучшемъ для него помѣщеніи. Онъ далъ ему квартиру въ одномъ домѣ съ собою. Домъ этотъ, принадлежавшій боярину Доничу и нанимавшійся для намѣстниковъ на городскія деньги, находится въ концѣ стараго Кишинева, на небольшомъ возвышеніи. Въ то время онъ стоялъ одиноко, почти на пустырѣ. Сзади примыкалъ къ нему большой садъ, расположенный на скатѣ, съ виноградникомъ. Кому любопытно, тотъ можетъ найдти видъ его при Одесскомъ Альманахѣ

1840 года. Развалины до сихъ поръ цѣлы ³⁹⁾. Это было довольно большое двухъ-этажное зданіе; вверху жилъ самъ Инзовъ, внизу двое трое его чиновниковъ. При домѣ въ саду находился птичій дворъ со множествомъ канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, до которыхъ намѣстникъ былъ большой охотникъ. Рассказываютъ, что Пушкинъ изъ шалости, и желая подтрунить надъ цѣломудріемъ своего стараго начальника-холостяка, нашель средство выучить одну изъ его сорокъ какимъ то нескромнымъ словамъ ⁴⁰⁾. Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, сзади на право отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшотками, выходившія въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшій въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течетъ рѣчка Быкъ, образуя небольшое озеро. Лѣвѣе—каменодоми Молдаванъ, и еще лѣвѣе новый городъ. Вдали горы съ бѣлѣющими домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненій въ стрѣльбѣ изъ пистолета, вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая, или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣр-

³⁹⁾ Домъ этотъ подвергался нѣсколько разъ разрушенію отъ землетрясеній. Дальнѣйшія подробности о помѣщеніи Пушкина взяты изъ статьи Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1834 г., № 4 Г. Бергъ говоритъ, что домъ этотъ зовутъ въ Кишиневѣ домомъ Инзова, но что онъ принадлежитъ живущему за границей боярину Доницъ. Но на фотографическомъ снимкѣ съ него, присланномъ изъ Кишинева М. П. Погодину, находится надпись, въ которой сказано, что домомъ владѣлъ Инзовъ, и что на немъ до сихъ поръ лежитъ казенное запрещеніе по дѣлу о начетѣ на Инзова, отъ провіантскаго департамента.

⁴⁰⁾ Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля

ному и преданному слугѣ его Никитѣ, который между прочимъ остался въ памяти кишиневскихъ его пріятелей по двумъ стихамъ какого-то шуточного стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:
Въ метрополіа звонять.

Это значило, пора идти къ обѣднѣ, въ новый, верхній городъ. Въ этомъ-то домѣ Пушкинъ прожилъ почти все время; онъ оставался тамъ и послѣ землетрясенія 1821 года, отъ котораго треснулъ верхній этажъ, что заставило Инзова на время перемѣститься въ другую квартиру. Воображенію Пушкина могла даже казаться заманчивою жизнь подъ развалинами. Впрочемъ большую часть дня онъ обыкновенно проводилъ гдѣ-нибудь въ обществѣ, возвращаясь къ себѣ ночевать и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмомъ. Стола, разумѣется, онъ не держалъ, а обѣдывалъ у Инзова, у Орлова, у гостепріимныхъ кишиневскихъ знакомыхъ своихъ и въ трактирахъ. Такъ, въ первое время, онъ нерѣдко заходилъ въ тагъ называемый *Зеленый трактиръ*, въ верхнемъ городѣ, недалеко отъ метрополіа. Тамъ прислуживала молодая молдаванка *Маріонилла*, и одну изъ ея пѣсень Пушкинъ переложилъ въ русскіе стихи—это *Черная шаль*⁴¹⁾.

⁴¹⁾ Изъ Записокъ В. Г. Теплякова, см. *Общезанимательный Вѣстникъ* 1837, № 1. Въ печати подъ *Черною шалью* выставлено 14 ноября 1820; но это вѣроятно число отсылки ея въ Петербургъ;—піеса написана нѣсколько раньше, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Пушкинъ былъ доволенъ ею и послалъ въ Петербургъ. Она появилась въ апрѣльскомъ, 15-мъ номерѣ *Сына Отечества* 1821, но съ ошибками; Пушкинъ разсердился и послалъ вторично въ 5-й номеръ *Благонамѣреннаго* 1821 г., гдѣ въ примѣчаніи и было сказано, что стихи перепечатываются ради ошибокъ, съ которыми ихъ напечатали въ *Сынѣ Отечества*

По приѣздѣ въ Кишиневъ, Пушкинъ уже засталъ тамъ *Михаила Ѳедоровича Орлова*. Они сошлись вѣроятно еще въ Кіевѣ или въ Петербургѣ, гдѣ Пушкинъ былъ довольно близко знакомъ съ его роднымъ братомъ, недавно умершимъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, которому и написалъ въ 1818 году извѣстное посланіе:

О ты, который сочеталъ
 Съ душою пылкой, откровенной,
 Любезность, разумъ просвѣщенный и пр.

Раевскіе безъ сомнѣнія поручали Пушкина вниманію Орлова; но онъ и самъ радъ былъ знакомству съ поэтомъ. Орловъ славенъ своимъ горячимъ участіемъ ко всему, что выступаетъ изъ обыкновенной, будничной жизни. Страсть къ просвѣщенію (онъ занимался въ Кіевѣ дѣлами библейскаго общества), страсть къ словесности и наукѣ (онъ участвовалъ въ Арзамасскомъ обществѣ подъ именемъ *Рейна* и писалъ сочиненіе о финансахъ), страсть къ искусствамъ (онъ былъ основателемъ московской школы живописи и ваенія), наконецъ къ высокой политической дѣятельности, всю жизнь волновали эту благородную и пылкую душу. Подъ Аустерлицемъ онъ храбро дрался, и получивъ знакъ отличія въ одно время съ вѣстью о томъ, что сраженіе проиграно, горько заплакалъ. Участникъ 1812 года и заграничныхъ войнъ, онъ былъ близко извѣстенъ государю, первый изъ русскихъ вступилъ въ Парижъ и договаривался о сдачѣ его, которую потомъ описалъ въ особой запискѣ ⁴²⁾. Около 1820 года была самая живая пора его дѣятельности; его не даромъ называли цвѣтомъ рус-

⁴²⁾ Записка эта, сочиненная пофранцузски, была напечатана, въ русскомъ переводѣ, но къ сожалѣнію неполная, въ альманахѣ *Утрення Заря* 1843 г.

скихъ генераловъ. Онъ заботился о распростра-
неніи грамотности между солдатами, старался
смягчить трубыя отношенія къ подчиненнымъ, за
что вскорѣ и пострадалъ. Въ Кишиневъ онъ
построилъ манежъ и въ новый 1822 годъ далъ
въ немъ большой завтракъ, на которомъ сверхъ
обыкновенія, были угощены, тутъ же, въ од-
нихъ стѣнахъ съ начальствомъ, всѣ нижніе чины.
На первыхъ порахъ знакомства, Пушкинъ пи-
салъ о немъ къ Чадаеву: „Le seul homme que
j'aie vu qui est heurieux à force de vanité,“ что,
къ сожалѣнію, говорятъ, до нѣкоторой степени
вѣрно ⁴³⁾; но этотъ отзывъ не помѣшалъ
впослѣдствіи Пушкину цѣнить и любить Орло-
ва. Они тѣснѣе сблизились въ 1821 г., когда
Орловъ женился на старшей дочери Раевского,
Екатерины Николаевны, любезной и высокоува-
жаемой пріятельницы Пушкина по Юрзуфу. Ор-
ловъ занималъ въ новомъ Кишиневѣ два боль-
шіе дома; у него какъ у начальника, постоянно
собирались военные люди, и кромѣ того пріѣз-
жали и гащивали Раевскіе, Давыдовы и родной
братъ его Федоръ Федоровичъ, великанъ рос-
томъ, георгиевскій кавалеръ, безъ ноги по ко-
лѣно, котораго, какъ кажется, Пушкинъ хотѣлъ
потомъ изобразить героемъ романа изъ рус-
скихъ нравовъ. Пушкинъ цѣлые дни проводилъ
въ умномъ и любезномъ обществѣ, собирав-
шемся у М. Ѳ. Орлова, и тамъ-то за генераль-
скими обѣдами слуги обносили его блюдами, на
что онъ такъ забавно жалуется. Бесѣда опять
таки шла, по большей части на французскомъ
языкѣ. „Пиши мнѣ по-русски — требуетъ Пуш-
кинъ отъ брата въ письмѣ отъ 27 июня 1821 г. —
потому что, слава Богу, съ моими... друзьями я

⁴³⁾ Слышано отъ П. Я. Чадаева

скоро позабуду русскую азбуку.“ Свобода обращенія, смѣлость, а иногда рѣзкость отвѣтовъ, небрежный нарядъ Пушкина, столь противоположный военной формѣ, которая такъ строго наблюдалась и соблюдается въ полкахъ, все это не разъ смущало нѣкоторыхъ посѣтителей Орлова. Однажды кто-то замѣтилъ генералу, какъ онъ можетъ терпѣть, что у него на диванахъ валяется мальчишка въ шароварахъ. Орловъ только улыбался на такія рѣчи; но одинъ разъ, полушутя, онъ сказалъ Пушкину, пародируя басню Дмитриева (*Башмакъ — мѣрка равенства*):

Твои, мои права одни,
Да мой сапогъ тебѣ не въ пору.

„Эка важность, сапоги! возразилъ Пушкинъ; если мѣряться, такъ у слона больше всѣхъ сапоги.“ Этимъ все и кончилось, и размолвки между ними никогда не было.

—

Въ первыхъ числахъ ноября 1820 года, кочевая труппа нѣмецкихъ актеровъ давала представленіе въ бѣдномъ Кишневскомъ театрѣ, кое какъ освѣщенномъ сальными свѣчами. Въ числѣ посѣтителей находился молодой офицеръ генеральнаго штаба, В. П. Горчаковъ, недавно пріѣхавшій на службу къ Орлову, и изъ своихъ креселъ наблюдалъ новое для него общество. „Въ числѣ многихъ — рассказываетъ онъ — особенно обратилъ мое вниманіе вошедшій молодой человѣкъ, небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ приемахъ, часто смѣющийся въ избыткѣ непринужденной веселости, и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Черты лица его были неправильны и некрасивы, но вы-

раженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобою? какая грусть мрачить твою душу? Одежду незнакомца составляли черный фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и такого же цвѣта шаровары. Кто бы это, подумалъ я, и тутъ же узналъ отъ Алексѣева, что это Пушкинъ, знаменитый уже пѣвецъ Руслана и Людмилы. Послѣ перваго акта какой-то драмы, весьма дурно игранный, Пушкинъ подошелъ къ намъ; въ разговоръ съ Алексѣевымъ онъ довърчиво обращался ко мнѣ, какъ бы желая познакомиться. "Замѣчаніе Горчакова, что игру актеровъ разбирать нечего, что каждый играетъ дурно, а всѣ вмѣстѣ очень дурно, разсмѣшило Пушкина; онъ началъ повторять эти слова и тутъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ, содержаніе которому дали воспоминанія о петербургскихъ артистахъ, о Семеновѣ, Колосовой и другихъ. Поэтъ невольно задумался. „Въ этомъ расположеніи духа онъ отошелъ отъ насъ—замѣчаетъ В. П. Горчаковъ — и пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка, остановился передъ какою-то дамою.... мрачность его исчезла; ее смѣнилъ звонкій смѣхъ, соединенный съ непрерывною рѣчью.... Пушкинъ непрерывно краснѣлъ и смѣялся; прекрасные его зубы выказывались во всемъ своемъ блескѣ, улыбка не угасала.“

На другой день они опять встрѣтились у Ѳ. Ѳ. Орлова. „Въ это утро — продолжаетъ новый знакомецъ Пушкина — много было говорено о молдаванской пѣснѣ *Черная шаль*, на дняхъ имъ только написанной. Не зная самой пѣсни, я не могъ участвовать въ разговорѣ. Пушкинъ это замѣтилъ, и по просьбѣ моей и Орлова, обѣщалъ мнѣ прочесть ее; но повторивъ въ раз-

рывъ нѣкоторыя строфы, вдругъ схватилъ рапиру и началъ играть ею: припрыгивалъ, становился въ позу... Въ эту минуту вошелъ Другановъ. Пушкинъ едва давъ ему поздороваться съ нами, сталъ предлагать ему биться. Другановъ отказывался, Пушкинъ настоятельно требовалъ, и какъ живой ребенокъ сталъ шутя затрогивать его рапирой. Другановъ отвелъ рапиру рукой, Пушкинъ не унимался; Другановъ начиналъ сердиться. Чтобы предупредить раздоръ новыхъ моихъ знакомцевъ, я снова попросилъ Пушкина прочесть мнѣ молдаванскую пѣсню. Пушкинъ охотно согласился, бросилъ рапиру и началъ читать съ большимъ одушевленіемъ: каждая строфа занимала его, и, казалось, онъ вполне былъ доволенъ своимъ новорожденнымъ твореніемъ.... „Какъ же, замѣтилъ я, вы говорите: *въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ*, и потомъ: *вхожу въ отдаленный покой?*“ — Такъ что жъ—прервалъ Пушкинъ, съ быстротою молніи, вспыхнувъ самъ какъ зарница,—это не значитъ, что я ослѣпъ.—Сознаніе мое, что это замѣчаніе придиричиво, что оно почти шутка, погасило мгновенный взрывъ Пушкина, и мы пожали другъ другу руки. При этомъ Пушкинъ, смѣясь, началъ мнѣ рассказывать, какъ одинъ изъ кишиневскихъ армянъ сердится на него за эту пѣсню.“ Читатели припомнятъ стихъ:

Невърную дѣву любалъ армянинъ.

Въ это время М. Ѡ. Орловъ по должности ѣздилъ осматривать пограничную, охранительную линію по Дунаю и Пруту. Онъ возвратился въ Кишиневъ 8 ноября. Офицеры поспѣшили ему представиться, это же былъ день его именинъ. Вмѣстѣ съ другими пришелъ и Пушкинъ. В. П. Горчаковъ передаетъ эту встрѣчу. Орловъ обнялъ Пушкина, и тотчасъ же сталъ декламиро-

вать: *Когда легковѣренъ и молодъ я былъ.* Въ числѣ кишиневскихъ новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкинъ засмѣялся и покраснѣлъ. — Какъ, вы уже знаете? спросилъ онъ. „Какъ видишь,“ отвѣчалъ тотъ. — То-есть, какъ слышишь, замѣтилъ Пушкинъ смѣясь. Генералъ на это замѣчаніе улыбнулся привѣтливо. „Но шутки въ сторону, продолжалъ онъ, а твоя баллада превосходна, въ каждомъ двухъ стихахъ полнота неподражаемая,“ заключилъ онъ, и при этихъ словахъ выраженіе его лица приняло глубокомысленность знатока-мецената.“

Въ декабрѣ того же года В. П. Горчаковъ ѣхалъ черезъ Кіевъ: тамъ уже твердили и повторяли наизусть молдаванскую пѣсню.

Въ концѣ 1820 года, въ Кишиневѣ Пушкинъ написалъ еще два небольшія стихотворенія несравненно выше *Черной шали*, это — *Виноградъ и Дочери Карагеорія*. По поводу первого изъ нихъ можно вспомнить, что любоваться виноградомъ Пушкинъ могъ изъ оконъ своей кишиневской комнаты:

Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины златной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

Что касается до превосходныхъ стиховъ къ дочери Сербскаго князя, я не знаю навѣрное, былъ ли Пушкинъ знакомъ съ нею, или писалъ только по слухамъ. Понятно, что его поэтическое вниманіе остановилось на грозномъ образѣ пастуха-героя, освободителя своей родины. Черный Георгій, за три года передъ тѣмъ погибшій отъ руки убійцы, жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а его семейство долго потомъ оставалось, если не ошибаюсь, въ городѣ Хотинѣ, не

далеко отъ Кишинева. Подобно Стеньгъ Разину, Пугачеву, Мазепѣ, Кирджали, Донъ-Жуану, этотъ герой съ характеромъ разбойника поразилъ воображеніе нашего Пушкина. Въ посланіи къ его дочери мѣтко схвачена его физиономія.

Гроза луны, свободы воинъ,
 Покрытый кровію святой,
 Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
 И ужаса людей и славы былъ достоинъ.

Разказы о Карагеоргіи Пушкинъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, въ послѣднюю Турецкую войну сражавшихся вмѣстѣ съ Сербами и въ Сербіи, а особливо отъ своего Кишиневскаго знакома, отставнаго драгунскаго полковника, Алексѣя Петровича Алексѣева. Этотъ Алексѣевъ, старый служака и георгіевскій кавалеръ, былъ человекъ весьма оригинальный и добродушный. Вѣчно въ полной формѣ, онъ нарочно отклонялъ отъ себя повышенія по своей службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ, чтобы не мѣнять своего любимаго и дорогаго мундира. Будучи областнымъ почтмейстеромъ, онъ первый узнавалъ всѣ новости и любилъ дѣлиться ими. Кромѣ того онъ охотно разсказывалъ про свою славную военную службу. Пушкинъ довольно часто бывалъ у него, и впоследствии породнился: братъ жены Алексѣева, Н. И. Павличевъ, женился на сестрѣ Александра Сергѣевича. Вообще надо замѣтить, что въ Кишиневѣ Пушкинъ встрѣчалъ Болгаръ и Сербовъ, обращалъ на нихъ вниманіе, и оттого можетъ быть съ такимъ умѣніемъ перекладывалъ впоследствии пѣсни западныхъ Славянъ ⁴⁴⁾).

⁴⁴⁾ Читатели могли замѣтить, какой важный матеріалъ для біографіи Пушкина представляютъ собственныя его сочиненія; иногда одно слово, одно прилагательное служатъ самымъ на-дежнымъ указаніемъ. Поэтому весьма нужно знать, когда именно что писано. Отчасти онъ самъ помогъ этому, рас-

Новый 1821 годъ онъ встрѣтилъ, кажется, въ Кишиневѣ; но въ февралѣ видимъ его въ Кіевѣ, куда онъ уѣхалъ безъ сомнѣнія, чтобъ повидаться съ Раевскими. Туда еще долго рвалась душа его. Кто-то изъ знакомыхъ, неожиданно встрѣтись съ нимъ въ Кіевѣ, спросилъ, какъ онъ попалъ туда. „Языкъ до Кіева доведеть,“ отвѣчалъ Пушкинъ, намекая на причину своего удаченія изъ Петербурга. Въ Кіевѣ, 8 февраля

положивъ по годамъ стихи свои въ тѣхъ пяти книжкахъ, которыя вышли при его жизни, одна въ 1826 и четыре въ 1829—1835 годахъ. Тутъ главное хронологическое указаніе. Потому въ рукописяхъ его сохранились нѣкоторыя числовыя отмѣтки, уже не только годовъ, но и дней. Нѣкоторые изъ нихъ переданы въ изданіи Анненкова и повторены въ изданіи Исакова. Но въ обоихъ этихъ лучшихъ изданіяхъ, стихотворенія Пушкина расположены только по годамъ, въ самыхъ же годахъ перепутаны и слѣдовательно опять таки не могутъ представлять точной новѣической лѣтнениси, гдѣ иногда важны мѣсяцы и даже дни созданія пѣснь. Для будущаго изданія, которое вѣроятно не замедлитъ появиться, предлагаемъ для примѣра расположить стихи 1820 года въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Доридъ	}	писаны еще въ Петербургѣ.
2. Дорида		
3. Эпилогъ къ Руслану и Людмигѣ.		
4. Погасло дневное свѣтило.		
5. Увы, за чѣмъ она блистаетъ.		
6. О дѣва роза, я въ оковахъ.		
7. Чадаеву съ морскаго берега Тавриды		
8. Фонтану Бахчисарайскаго дворца.		
9. Неренда.		
10. Рядъеть облаковъ летучая гряда.		
11. Виноградъ.		
12. Черная шаль.		
13. Дочери Карагеоргія.		

Въ 7-мъ томѣ изд. Анненкова, къ 1820-му году еще отнесены стихи *Записка къ Пріятелю* (о кухмистерѣ Тардифѣ), *Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой*, а въ изданіи Исакова еще *Платонизмъ*, но не сказано, на какомъ основаніи. Эти стихи могли быть написаны и нѣсколько раньше, и нѣсколько позже; ихъ надо отнести къ неизвѣстнымъ по времени, означивъ годъ предположительно.

1821 г. написалъ онъ свои стихи *Земля и море*, изъ которыхъ видно, что мысль его все еще жила у береговъ Тавриды; 14 февраля написана *Муза* (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила). Къ этой же порѣ слѣдуетъ отнести стихотвореніе *Желаніе*, очевидно вызванное свиданіемъ съ Раевскими, и все проникнутое воспоминаніями о Юрзуфѣ:

Скажите мнѣ, кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ невѣстный?..
Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Саггира
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

Конецъ февраля мѣсяца Пушкинъ провелъ опять въ Каменкѣ у Давыдовыхъ, въ это время сблизился съ женою Александра Львовича, какъ это видно изъ стиховъ къ Аглаѣ, весьма любопытныхъ въ біографическомъ отношеніи:

Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы... ⁴⁵⁾

20 февраля въ Каменкѣ онъ оканчиваетъ *Кавказскаго Пльнника*, а 22 числа того же мѣсяца пишетъ стихи: *Я пережилъ свои желанья*, при которыхъ въ рукописи помѣтка: „Изъ поэмы *Кавказъ*.“

Кавказскій Пльнникъ, по нашему мнѣнію, весьма важенъ по отношенію къ внутренней жизни сочинителя. Поэма собственно состоитъ изъ двухъ довольно рѣзко отдѣляющихся частей: съ

⁴⁵⁾ Соч. Пушкина, VII, 27.

Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы — старшей дочери своей,
Я — своему меньшему брату.

одной стороны описанія Кавказа, которыя суть ничто иное какъ отчетъ недавно совершеннаго путешествія и которыми Пушкинъ былъ впоследствии недоволенъ, называя ихъ голицовской прозой въ сравненіи съ поэзіей Кавказской природы; съ другой характеръ героя. Въ этомъ характерѣ безъ сомнѣнія есть нѣкоторыя, если не черты, то временныя ощущенія поэта. Пушкинъ тогда еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы совершенно отвлекаться отъ своей личности и въ изображенія своихъ героевъ не вносить собственныхъ чувствъ. Конечно тутъ участвовало вліяніе Байрона, съ которымъ онъ тогда былъ уже знакомъ; но по свойству молодаго творчества, увлекаясь своимъ созданіемъ, поэтъ невольно поддавался тому настроенію, которое хотѣлъ описать въ главномъ лицѣ поэмы. Тутъ особенно любопытны откинутые въ печати эпиграфы *Кавказскаго Пльнника* ⁴⁶⁾, явно указывающіе на собственное элегическое состояніе, которымъ проникнуты и другія его произведенія 1821 года. Уныніе осталось на душѣ отъ неудовлетворенной любви; ожививъ въ своемъ воображеніи жизнь на Кавказѣ и въ Крыму, онъ жалбеть о ней, и стремится туда душою. Наконецъ, посылая *Пльнника* В. П. Горчакову, онъ прямо говоритъ: „характеръ Пльнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не возжусь въ герои романтическаго стихотворенія.“ Пушкинъ недоволенъ былъ этой новою поэмой, самъ лучше всѣхъ указывалъ

⁴⁶⁾ Эпиграфы эти приведены въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 95: одинъ изъ Гёте: *Gieb meine Jugend mir zurück*, и другой изъ итальянскаго, мало у насъ извѣстнаго поэта Пиндемонта: «О счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу сладкой земли своего народа; сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ ему нѣтъ надежды увидѣть снова.» Именно это чувство замѣчаемъ въ Пушкинѣ и когда онъ писалъ *Пльнника* и еще года два послѣ.

на ея недостатки, и все-таки писать о *Плѣнникѣ*: „Признаюсь, люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца.“ Мы конечно не имѣемъ полной возможности слѣдить за тайнымъ ходомъ душевныхъ настроеній Пушкина; но смѣемъ догадываться, что страсть, столь пламенная въ Гурзуфѣ, теперь за недостаткомъ взаимности, и вслѣдствіе разлуки, ослабѣла и остыла, оставивъ ему какое-то разочарованіе. Онъ однако очень дорожилъ волновавшимъ его чувствомъ и долго тайлъ про себя тѣ поэтичeskія замѣтки, въ которыхъ оно высказалось.

Внѣшнимъ содержаніемъ *Кавказскому Плѣннику* послужилъ разсказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника Нѣмцова, челоѣка, страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды разсказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ Горцамъ и былъ освобожденъ Черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи *Кавказскаго Плѣнника* самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому⁴⁷⁾. Можетъ быть также, образъ петербургской актрисы Истоминой, родомъ Черкешенки, за которой онъ ухаживалъ въ Петербургѣ и которую потомъ такъ блистательно вывелъ въ *Онѣгинѣ*, носился въ его воображеніи, когда онъ писалъ *Кавказскаго Плѣнника*.

Въ первыхъ числахъ марта Пушкинъ уже былъ опять въ Кишиневѣ и жилъ безвыѣздно

⁴⁷⁾ Нѣмцовъ былъ пасынокъ извѣстнаго-московскаго стихотворца и остряка, Алексѣя Михайловича Пушкина. Его жена, мать Нѣмцова, Елена Григорьевна (урожд. Воейкова) была очень дружна съ Жуковскимъ, который и передавалъ ей это, уже по смерти Александра Сергѣевича. Слышано отъ ея внуки, Марьи Ивановны Посниковой, урожд. Пушкиной.

до мая. Въ эти два мѣсяца онъ много работалъ. Вообще должно замѣтить, что только по наружности жизнь Пушкина могла казаться совершенно праздною и разсѣянною; мы знаемъ, какъ плодотворны бывали для него и самые досуги. Но не одна поѣтическая мысль его находилась въ постоянной дѣятельности. Въ тиши своей комнаты онъ часто и много читалъ.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Выше упомянуто о библиотекѣ въ Гурзуфѣ; въ Киевѣ у Раевскихъ и въ Каменкѣ у Давыдовыхъ безъ сомнѣнiя тоже было довольно книгъ. Младшiй Раевскiй прислалъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ. Въ Кишиневѣ онъ бралъ книги у Инзова, у Орлова, Пушкина, и всего чаще у Ивана Петровича Липранди, владевшаго въ то время отличнымъ собранiемъ разныхъ этнографическихъ и географическихъ книгъ. Въ числѣ разнообразныхъ сочиненiй, занимавшихъ Пушкина въ эту пору, прежде всего слѣдуетъ назвать Байрона, съ которымъ онъ началъ знакомство еще въ Петербургѣ, гдѣ учился по-англiйски и бралъ для того у Чадаева книжку Газлита: *Разказы за столомъ* (Nazlîte, Table-talk)⁴⁸⁾. Самъ онъ признается, что, живя въ Кишиневѣ, сходилъ съ ума отъ Байрона. Другимъ его любимцемъ былъ тогда Овидiй, котораго онъ читалъ вѣроятно во французскомъ переводѣ, потому что, по его же словамъ, по выходѣ изъ Лицея не раскрывалъ латинской книжки и могъ только

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale.

⁴⁸⁾ Отъ П. Я. Чадаева.

Элегіи Овидія могли особенно нравиться Пушкину между прочимъ и потому, что въ собственной участи своей онъ любилъ находить нѣкоторое сходство съ судьбою римскаго поэта-изгнанника. Самая близость Овидіополя напоминала о немъ Пушкину.

Обыкновенно Пушкинъ почиталъ осеннее время самымъ благопріятнымъ для своихъ литературныхъ работъ; весна, напротивъ, только раздражала его силы и лишала необходимаго для занятій покою. Но 1821-й годъ былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Ни въ одну весну, сколько знаемъ, ему не случалось трудиться такъ много, какъ этотъ годъ. Погостивъ у Равскихъ въ Кіевѣ и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, онъ около трехъ мѣсяцевъ сряду прожилъ безвыѣздно въ Кишиневѣ. Тутъ ему вѣроятно приходилось чаще прежняго оставаться дома: М. Ѳ. Орловъ, въ обществѣ котораго онъ проводилъ обыкновенно цѣлые дни, теперь уѣхалъ жениться въ Кіевъ. Можетъ статься, что собранія у Орлова и памятные вечернія бесѣды въ Каменкѣ, гдѣ обсуживались разные общественные вопросы, заставляли молодаго Пушкина пристальнѣе глядѣть на самаго себя и въ то же время вообще направляли его мысли къ занятіямъ умственнымъ. Мы знаемъ, что уже въ Лицеѣ онъ начиналъ записывать важнѣйшіе случаи своей жизни⁴⁹⁾, и потомъ, когда одинъ изъ его товарищей (Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ) отправлялся въ кругосвѣтное плаваніе, онъ убѣдилъ его вести записки, и подалъ совѣтъ, какъ слѣдуетъ вести ихъ. По его собственнымъ словамъ, онъ нѣсколько разъ принимался за еже-

⁴⁹⁾ Отрывки этихъ первоначальныхъ Записокъ Пушкина см. въ Матеріалахъ Анненкова, стр 20—23 и 26.

дневныя записки, но отступался изъ лѣности (V, 3). Весною 1821 года видимъ его снова за этою работою, какъ показываютъ удѣльнѣшіе отрывки тогдашняго дневника его, наприм. „3-го (апрѣля). Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жидаы: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; совсѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе всѣхъ.“ (V, 9). Кромѣ того, тогда же въ 1821 году, какъ самъ онъ сказываетъ, начата имъ автобіографія, которую потомъ онъ продолжалъ заниматься нѣсколько лѣтъ сряду. Она, къ несчастію, истреблена; по словамъ самаго Пушкина, въ ней говорилъ онъ „о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства“ (V, 3).

Въ этому же, вѣроятно времени, слѣдуетъ отнести большой отрывокъ статьи его, писанной не для печати, о Россіи въ XVIII столѣтія: онъ удѣльлъ въ бумагахъ Кяшиневскаго пріятели его Н. С. Алексѣева. Тутъ Пушкинъ широкимъ взглядомъ обозрѣваетъ исторію нашего внутренняго развитія, и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, нельзя довольно надивиться, съ какою мѣткостью, смѣлостью и трезвостью мысли судилъ 22 лѣтній юноша. Такъ, напр. онъ утверждаетъ, что отнятіемъ имѣній у духовенства и ограниченіемъ монастырскихъ доходовъ нанесенъ сильный ударъ просвѣщенію народному. Вообще отрывокъ этотъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не весь изданный, показываетъ, какъ разнообразно и дѣльно было тогдашнее чтеніе Пушкина.

Читалъ онъ большею частію съ перомъ въ рукахъ, очень часто дѣланъ про себя разныя замѣтки и выписки.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
. . . . . душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крѣпкомъ.

Съ какимъ увлеченіемъ Пушкинъ предавался иногда работѣ, видно изъ его обращенія къ своей чернильницѣ:

Какъ часто, другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокаль.

Тутъ же онъ передаетъ намъ нѣсколько подробностей о самомъ ходѣ своего творчества:

Завѣтный твой кристалъ
Хранить огонь небесный,
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То вдвой шутки соль,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоле

Это писано 11-го апрѣля 1821 г. и, разумѣется, не для печати. Піеса оканчивается воспоминаніемъ о Чадаевѣ, къ которому въ это самое время Пушкинъ писалъ большое посланіе (начато 6-го, кончено 20 апрѣля), столь замѣчательное не въ одномъ художественномъ смыслѣ, но и какъ душевная исповѣдь. Поэтъ рассказываетъ петербургскому другу о тогдашнемъ своемъ состояніи. Онъ былъ доволенъ этимъ произведеніемъ, и вскорѣ отослалъ его въ Пе-

тербургъ, гдѣ оно появилось въ *Сынъ Отечества* (№ 35), съ полнымъ именемъ Пушкина:

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнутьъ отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блестить, тогда какъ сердце
дремлетъ

И правду пылкую приличій хладъ объеменить.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ пѣтну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружень умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ на равнѣ.
Богини мира вновь явились музы мнѣ
И независимыя досугамъ улыбнулись.
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись...

Вообще нельзя не замѣтить, что Пушкинъ какъ-то отрезвѣлъ и успокоился на это время:

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ;
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ.

Пріѣхавъ снова въ Кишиневъ, онъ хочетъ оправдаться передъ друзьями, которые упрекали его за долгое молчаніе. Въ томъ же стихотвореніи къ *Черныльницѣ*, читаемъ:

Но здѣсь, на лонѣ гѣни
Я слышу нѣжныя пѣни
Заботливыхъ друзей ...
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль и хоремъ
Для прозы почтовой...
Мои надежды, чувства,
Безъ лести, безъ искусства
Бумагъ передай...

Болтливостью небрежной,
И вѣтреной и вѣжной,
Сердца ихъ угѣшай.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ послѣднихъ трехъ стихахъ схваченъ характеръ его дружеской переписки.

Въ это же самое время Пушкинъ посылаетъ Д. В. Давыдову извѣстные стихи

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Напѣдника читалъ,⁵⁰⁾

возобновляетъ сношенія съ петербургскимъ пріателемъ своимъ Катенинымъ и 5 апрѣля пишетъ ему письмо со стихами объ актрисѣ Колосовой. Еще раньше, 23 марта, послано большое письмо къ барону Дельвигу, прозой и стихами: „Что до меня, моя радость—пишетъ Пушкинъ между прочимъ—скажу тебѣ, что кончилъ я новую поему *Кавказскій Пльщикъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ея не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, — но что теперь ничего не пишу, а перевариваю воспоминанія, и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не

⁵⁰⁾ *Уставомъ напѣдника* Пушкинъ называетъ только что вышедшую тогда книжку Давыдова: *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія*. М. 1821 г. Пушкинъ прочиталъ ее и потому, что цѣнилъ талантъ Давыдова, и потому еще, что военное дѣло было не совсѣмъ чуждо ему: онъ безпрестанно проводилъ время съ офицерами.—Въ посланіи къ Давыдову, говорятъ, есть пропускъ. Пушкинъ легко могъ познакомиться съ Давыдовымъ еще въ Царскомъ Селѣ, въ обществѣ лейбъ-гусароу, а потомъ встрѣчаться у его родственниковъ въ Кіевѣ и Каменкѣ.

воспоминаніями.“ „Другъ мой, есть у меня до тебя просьба—узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человекъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ—другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца. Въ этомъ найдутъ выгоду; но я чувствую, что мы будемъ друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.“ Пушкинъ вѣроятно подозрѣвалъ, что домашніе его станутъ твердить Льву Сергѣевичу, чтобы онъ не бралъ примѣра съ ссыльнаго брата. Между тѣмъ примѣръ былъ соблазнителенъ: Левъ Сергѣевичъ самъ принялся за стихи, Пушкинъ поспѣшилъ остановить его, вѣроятно замѣтивъ тотчасъ же отсутствіе настоящаго дарованія. Въ этомъ случаѣ дружеское чувство не ослѣпляло его, какъ въ отношеніи къ Дельвигу и къ другимъ. Еще отъ 24 сентября 1820 г. онъ писалъ брату: „Благодарю тебя за стихи; боже благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкой, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками, но влюбиться въ нее безразсудно.“—Или въ другомъ письмѣ: „Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ).“ Надо замѣтить, что именно въ концѣ 1820 года Левъ Сергѣевичъ былъ исключенъ изъ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ, за то, что съ товарищами побилъ одного изъ надзирателей ⁵¹⁾. Это

⁵¹⁾ Слышано отъ одного изъ товарищей его, С. А. С—каго

обстоятельство конечно только умножило въ Пушкинѣ сердечное, нѣжное участіе къ судьбѣ брата.

Можетъ быть, вскорѣ послѣ того, и какъ намъ кажется, въ 1821 г., возвратясь изъ Каменки, онъ написалъ къ нему то французское письмо, въ которомъ излагаетъ правила жизни, извлеченныя, какъ онъ говоритъ, изъ собственнаго опыта. Письмо это крайне замѣчательно, не потому чтобы Пушкинъ самъ всегда слѣдовалъ высказаннымъ въ немъ правиламъ, а какъ изложеніе тогдашнихъ его понятій о связяхъ общественныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти убѣжденія были не тверды, и Пушкину случалось измѣнять имъ, но во всякомъ случаѣ они искренни и необыкновенно важны для оцѣнки его. Прежняя жизнь его заставляеть думать, что онъ дѣйствительно могъ извлечь ихъ изъ собственнаго опыта. Не даромъ лучшіе друзья предостерегали его отъ сношеній со знатью. Приводимъ письмо вполнѣ, въ нашемъ переводѣ.

„Въ твои лѣта—пишетъ Пушкинъ—слѣдуетъ подумать объ избираемомъ пути; я говорилъ тебѣ, почему военная служба, по моему мнѣнію, лучше всѣхъ другихъ. Во всякомъ случаѣ твоимъ поведеніемъ на долго опредѣлится и мнѣніе, которое о тебѣ составятъ, и можетъ быть твое счастье.“

„Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Съ самага начала думай о нихъ какъ только возможно хуже: весьма рѣдко придется тебѣ отставать отъ такого мнѣнія. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю и благороднымъ и добрымъ и которое вдобавокъ еще молодо. Презирай ихъ со всевозможною вѣжливостью; и тебя не будутъ раздражать мелкіе предрасудки и мелкія страсти, на

которыя ты натолкнешься при вступленіи въ свѣтъ.

„Будь со всѣми холоденъ; черезчуръ сближаться всегда вредно; особливо берегись близкихъ сношеній съ людьми, которые выше тебя, какъ бы ни были они предупредительны. Ихъ ласки тотчасъ очутятся у тебя на головѣ, и ты легко потерпишь униженіе, самъ того не ожидая.

„Не будь угодливъ, и гони отъ себя прочь чувство доброжелательства, къ которому ты, можетъ быть, склоненъ. Люди не понимаютъ его и часто почитаютъ за низость, потому что всегда ради судить о другихъ по себѣ.

„Никогда не принимай благодаренія. Оно всего чаще выходитъ предательствомъ. Не нужно покровительства, оно порабощаетъ и унижаетъ.

„Мнѣ слѣдовало бы также предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но я не смѣю черствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ ея мечтаній. Что касается до женщинъ, то мои слова были бы совершенно для тебя бесполезны. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше вѣроятности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ лишь старрой обезьяны 18-го вѣка⁵²⁾. Относительно жен-

⁵²⁾ Тоже самое Пушкинъ повторяетъ потомъ въ Онегинѣ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся ей,
И тѣмъ вѣрнѣе ее губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей,
. . . . .

Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ.

(Онегинъ, гл IV, строфа 7).

Строфа эта появилась въ печати только въ 1828 году, т. е. около семи лѣтъ послѣ того какъ она первоначально создавалась въ головѣ поэта.

щины, которую ты полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

„Никогда не забывай умышленной обиды; тутъ не нужно словъ, или очень мало; за оскорбленіе никогда не мсти оскорбленіемъ.

„Коль скоро твое состояніе или обстоятельство не дозволяютъ тебѣ блистать въ свѣтѣ, не думай скрывать своихъ лишеній; лучше держись другой крайности: цинизмомъ въ наготѣ его можно внушить къ себѣ уваженіе и привлечь легкомысленную толпу, тогда какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ насъ смѣшными и вызываютъ презрѣніе.

„Никогда не занимай, лучше терпи нужду. Повѣрь, она не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; гораздо ужаснѣе то, что, занимая, иногда по неволѣ можно подвергнуть сомнѣнію свою честность.

„Правила, которыя предлагаю тебѣ, добыты мною горькимъ опытомъ. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ отъ меня и чтобъ тебѣ не пришлось извлекать ихъ самому. Слѣдуя имъ, ты не испытаешь минутъ страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; она тяжела будетъ для моего тщеславія, но я не пощажу его, какъ скоро дѣло идетъ о счастіи твоей жизни“⁵³).

---

⁵³) Приводимъ отрывки изъ подлинника въ обращеніи того, какъ Пушкинъ владѣлъ тогда французскимъ языкомъ: «Je vous observerai seulement que moins on aime une femme et plus on est sur de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sarajou du 18 siecle.... .. Le cynisme dans son apreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité nous rendent ridicules et méprisables.

Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse experience.... Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession. Elle pourra couler à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui

Такъ думалъ или такъ хотѣлъ думать Пушкинъ на 22-мъ году жизни. Столкновенія съ людьми успѣли охолодить отъ природы мягкое и довѣрчивое сердце его. Возвращаясь къ нашему хронологическому разсказу, повторимъ замѣченное выше, что именно въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, т. е. весною 1821 года, видно, какъ Пушкинъ оглядывается на самого себя, хочетъ привести въ порядокъ и мысли, и отношенія, и дѣла свои. Самая наружность его нѣсколько измѣнилась противу прежняго. До сихъ поръ онъ ходилъ въ молдавской шапочкѣ или фесѣ, съ обритою головою — слѣдствіе горячки. Теперь, по замѣчанію одного пріятеля, который съ нимъ встрѣтился послѣ трехмѣсячной отлучки, „фесъ замѣнили густыя, темнорусыя кудри, и выраженіе взора получило болѣе опредѣлительности и силы“⁵⁴). Такого рода минуты приходили къ нему довольно часто; но молодость и пылкость брали свое, и онъ мигомъ выбивался изъ ровной колеи жизни.

Тогда жилъ нѣкоторое время въ Кишиневѣ поэтъ *В. Г. Тепляковъ*, впоследствии пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность своими *Оракійскими* элегіями и книгою: *Воспоминанія о Болгаріи*. Пушкинъ съ нимъ сблизился. Они вмѣстѣ восхищались Байрономъ. Въ обыкновенной жизни Тепляковъ былъ большой оригиналъ, ходилъ въ какомъ-то странномъ нарядѣ, и вездѣ носилъ съ собою тяжелую дубинку съ надписью: *Memento mori*. Пушкинъ прозвалъ его *Мелѣмо-*

---

m'arreterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie». Письмо напечатано въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859 г. № 1. Тамъ приложенъ и русскій переводъ, но онъ показался намъ не совсѣмъ вѣренъ.

⁵⁴) См. выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

томъ-скитальцѣмъ ⁵⁵⁾. Тепляковъ также велъ дневникъ и 1 апрѣля 1821 г. записалъ: „Вчера былъ у Александра Сергѣевича. Онъ сидѣлъ на полу и разбиралъ въ огромномъ чемоданѣ какія-то бумаги. — „Здравствуй, Мельмотъ, сказалъ онъ, дружески пожимая мнѣ руку; помоги, дружище, разобрать мой старый хламъ, да чуръ не воровать!“ Тутъ были старыя, перемаранные лицейскія записки Пушкина, разныя неконченныя прозаическія статейки, стихи его и письма Дельвига, Баратынскаго, Языкова и другихъ. Болѣе часа разбирали мы всѣ эти бумаги; но разбору конца не предвидѣлось. Пушкинъ утомился, всочилъ на ноги и схвативъ всѣ разобранныя и неразобранныя нами бумаги въ кучу, сказалъ: „Ну ихъ къ чорту!“; свомкалъ ихъ кое-какъ и втискалъ въ чемоданъ.“

Тепляковъ выпросилъ себѣ на память стихи *Старица-пророчица* и небольшую статью въ прозѣ о Байронѣ. „Что тебѣ за охота возиться съ дрянью, замѣтилъ Пушкинъ, статейка о Байронѣ не помню когда написана; а стихи *Старица—лицейскіе грѣхи*, я писалъ ихъ для Дельвига. Пожалуй возьми ихъ, да чуръ нигдѣ не печатать, разсержусь, проклянѹ на вѣкъ.“

Замѣтка о Байронѣ важна въ томъ отношеніи, что Пушкинъ хочетъ оправдать своего любимого поэта отъ обвиненій въ безвѣріи ⁵⁶⁾.

⁵⁵⁾ *Мельмотъ* — французскій романъ, сочиненіе Maturin. Пушкинъ очень любилъ этотъ романъ и называлъ его гениальнымъ произведеніемъ. — Выдержку изъ записокъ Теплякова смъ въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ* 1857 г., № 6, стр. 221 и слѣд.

⁵⁶⁾ «Вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной» VII, 154. Статейка о Байро-

Впослѣдствіи Пушкинъ ее передѣлалъ, и она появилась въ *Литературной газетѣ* Дельвига (1830, № 53). Любопытно, что Пушкинъ внимательно слѣдилъ за жизнью Байрона и въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ замѣчаетъ: „Байронъ много читалъ и спрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмѣхъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую карикатуру, изданную въ Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію прѣхать на Кавказъ.“ V, 22.

Весною 1821 г. Пушкинъ былъ свидѣтелемъ событія чрезвычайнаго и имѣвшаго важное историческое значеніе. 11 марта Александръ Ипсиланти,* съ толпою сообщниковъ, перешелъ Прутъ, вступилъ въ Молдавію и поднялъ знамя возстанія противъ Турокъ. Можно себѣ представить, какъ много было толковъ въ Кишиневѣ, когда этотъ флигель-адъютантъ русской службы, пріятель М. Ѡ. Орлова, пошелъ воевать съ цѣлою Турецкою имперіею. Многіе не могли повѣрить, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ понялъ и оцѣнилъ всю важность начальнаго греческаго движенія. „2 апрѣля, вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка—отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. —Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью Греками я одинъ говорилъ какъ Грекъ. Всѣ отчаявались въ успѣхъ предпріятія этеріи; я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ и что

нѣ можетъ послужить образкомъ тѣхъ замѣчаній и отмѣтокъ, которыми Пушкинъ часто сопровождалъ свое чтеніе.

2,500,000 Турокъ ⁵⁷⁾ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера иThemistocles. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства кромѣ храбрости необыкновенной; храбрости достанетъ и у Ипсиланти.“ V, 9. Въ Кишиневѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Русскіе батальоны, подъ начальствомъ Болховскаго, разставлены были на самомъ Прутѣ, на другомъ берегу котораго происходила знаменитая схватка подъ Скулянами, и все это въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Кишинева. Война съ Турціей казалась неизбѣжною; отношенія къ ней держались на волоскѣ. Г. Анненковъ, имѣвшій доступъ къ бумагамъ Пушкина, говоритъ (Матеріалы, стр. 95), что онъ велъ журналъ греческаго возрожденія, но что вскорѣ бросилъ его. Если это было дѣйствительно такъ, то можетъ быть этотъ журналъ впоследствии пригодился Пушкину для его статьи объ одномъ изъ участниковъ молдавскаго движенія, Кирджали. Въ ней находятся любопытнѣйшія подробности, собранныя и записанныя очевидно изъ первыхъ рукъ. Ипсиланти изображенъ именно такъ, какъ его послѣ обличила исторія. Набросанное Пушкинымъ описаніе дѣла подъ Скулянами имѣетъ всѣ достоинства подлинной исторической записки ⁵⁸⁾. Рассказывая про арнаутовъ, бѣжавшихъ въ Рос-

---

⁵⁷⁾ Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина напечатано 25,000,000; странно, что не замѣтили этой опечатки: Пушкинъ не могъ не знать, что въ Европейской Турціи нѣтъ такого числа Турокъ.

⁵⁸⁾ Нѣкоторыя черты этого разсказа были переданы Пушкину В. П. Горчаковымъ, который по распоряженію начальства ѣздилъ подъ Скуляны для собранія свѣдѣній о происходившемъ сраженіи

сію послѣ молдавскаго разгрома, Пушкинъ представляетъ: „Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ.“ V, 495.

Греки были разбиты, Молдавія успокоилась, и Русскія войска не двинулись въ походъ, какъ можно было ожидать. Наступило затишье, и Пушкинъ опять соскучился въ Кишиневѣ. Его живому нраву необходима была частая смѣна впечатлѣній. Еще въ мартѣ 1821 г. онъ пишетъ Дельвигу: „Скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.... разнообразіе спасительно для души.“

Въ половинѣ мая видимъ его въ Одессѣ. Просто ли захотѣлось ему воспользоваться близостью и взглянуть на новый, веселый городъ, или ѣздилъ онъ туда для морскаго купанья, до котораго былъ великой охотникъ, только Инзовъ далъ ему новый отпускъ, и 15 мая, какъ показываютъ его тетради, онъ пишетъ въ Одессѣ эпилогъ къ *Кавказскому Пльнику* и посвященіе поэмы Н. Н. Раевскому-сыну. (Матеріалы Анненкова, стр. 80). Поэма дѣйствительно принадлежала Раевскимъ, хотя Пушкинъ и замѣчаетъ: „Н. и А. Раевскіе и я мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.“ V, 29. Посвященіе *Кавказскаго Пльника*, кажется намъ, по стиху довольно небрежно и слабо въ сравненіи съ самою поэмою.

Когда мнѣ бѣдствія грозили,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили;
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

Намъ ничего не извѣстно объ этой первой

пѣздкѣ Пушкина въ Одессу; вѣроятно она была не продолжительна ⁵⁹).

Въ июль мѣсяцѣ, именно 18-го числа, 1821 года, въ Кишиневѣ пришло извѣстіе о смерти Наполеона (23 апрѣля ст. стили). Намъ теперь трудно составить понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ. Чудесный примѣръ его возбуждалъ отвагу въ молодыхъ людяхъ; ибо никакое начинаніе не было дерзкимъ въ сравненіи съ его поприщемъ. Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковывало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ съ дѣтства останавливать свои думы на немъ, и въ Лицеѣ писалъ стихи по случаю возвращенія его съ острова Эльбы. Съ нашествіемъ Французовъ лично для Пушкина связывались яркія воспоминанія его лицейской жизни. Теперь, когда не стало этого *властителя его думъ*, онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что накопилось въ теченіи лѣтъ отъ размышленій о немъ и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи *Чудесный жребій совершился* по внѣшнимъ приемамъ вышли чѣмъ-то въ родѣ оды. Что касается внутрен-

---

⁵⁹ Вѣроятно, онъ тогда же заѣзжалъ въ Акерманъ и Овидіополь. Въ *Полярной Звѣздѣ*, 1823 года, въ Обзорѣни русской словесности, (стр. 25), Бестужевъ своимъ кудрявымъ слогомъ выражается про *Кавказскаго Пльнника*, что онъ писанъ «въ виду съдовласаго Кавказа и на могилѣ Овидіевой.»

няго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ ни тогда, ни долго послѣ, не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Ёто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлыя томы русскихъ стихотвореній о немъ, и Пушкину пришлось писать на эту по видимому избитую тему ⁶⁰⁾. Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное. Высоко нравственная мысль оды уже одна дѣлаетъ величайшую честь поэту. Въ послѣдней строфѣ онъ захотѣлъ придать кончинѣ Наполеона современный политическій смыслъ. Впрочемъ эту послѣднюю идею, о невозможности послѣ Наполеона всемірнаго владычества, Пушкинъ думалъ развить въ особомъ стихотвореніи, которое не кончено имъ, но по справедливому замѣчанію Анненкова, принадлежитъ несомнѣнно къ тому же времени и вызвано извѣстіемъ о смерти великаго человѣка. Этотъ превосходный отрывокъ стихотворенія, въ которомъ Наполеонъ сопоставленъ съ императоромъ Александромъ, и какъ можно навѣрное догадываться, долженъ былъ передать ему завѣщаніе о свободѣ міра, особенно любопытенъ для насъ тѣми строфами, въ

⁶⁰⁾ См. *Сынъ Отечества* 1814, № 41.

Одомаратели всѣ сдѣлались судьями,
И каждый произнесъ свой строгій приговоръ,
Какъ нынѣ водится, Наполеону.
«Сорвемъ съ него корону!»
— Повѣсимъ! — Нѣтъ сождемъ!
Нѣтъ, это жестоко! Въ Каенну отвеземъ!...
.... Нѣтъ, сказалъ насмѣшливый Филонъ,
Вы съ большей лютостью дни изверга скончайте,
На Эльбѣ виршами до смерти зачитайте;
Ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ овл!

которыхъ описана фizioномія Наполеона. Они показываютъ, какъ Пушкинъ прилежно вглядывался въ его портреты и какъ глубоко его образъ запечатлѣлся въ душѣ нашего поэта:

Ни тучной праздности лѣвивыя морщины,
 Ни поступь тяжкая, ни равнiя сѣдины,
 Ни пламень гаснущiй нахмуренныхъ очей,
 Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
 Мученiемъ покоя

Въ моряхъ казненнаго—по манiю царей.
 Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неумовимый,
 То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
 Какъ боевой перутъ, какъ молнiя сверкала;
 Во цвѣтѣ здравiя и мужества и мощи
 Владыкъ полунощи

Владыка Запада грозящiй предстояль.

Неизданныя досель первыя, прекраснѣйшiя строфы отрывка свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ слѣдилъ внимательно за современными событiями. Самую мысль подаль ему отчасти Жуковскiй въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ 1816 году для праздника англiйскаго посла лорда Каткарта, который торжествовалъ тогда годовщину отреченiя Наполеона:

И все, что рушилъ онъ, природа
 Своей кривою облека,
 И по слѣдамъ его свобода
 Съ дарами жизни протекла ⁶¹⁾.

Пѣвецъ мира и любви, Жуковскiй какъ будто совѣстился обращаться съ упреками къ великому, и еще живому челoвѣку и не захотѣлъ потомъ перепечатать этой пiесы въ собранiяхъ

⁶¹⁾ Г. Анненковъ напечаталъ эти превосходные стихи въ 7-мъ томѣ сочиненiй Пушкина, и при томъ въ искаженномъ видѣ: вѣроятно онъ такъ нашелъ ихъ въ рукописяхъ Пушкина. Весьма правдоподобно предположенiе, высказанное въ *Библиографическихъ Запискахъ*, что когда Пушкинъ сочинялъ своего Наполеона, ему пришли въ голову стихи Жуковскаго, и онъ написалъ ихъ для себя, довѣря единственно памяти; оттого и вышли ошибки.—Стихи эти вошли уже въ посмертное изданiе сочиненiй Жуковскаго.

своихъ сочиненій. Стоитъ замѣтить, что тѣнь Наполеона преслѣдовала лучшихъ русскихъ поэтовъ: кромѣ Пушкина, который нѣсколько разъ обращался къ нему, Наполеонъ внушилъ лучшія произведенія Лермонтову, Тютчеву и Хомякову. Оно и понятно: русскимъ людямъ легче другихъ оцѣнить великое явленіе западнаго міра. Имъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ честь безпристрастін: въ стихахъ названныхъ поэтовъ о Наполеонѣ нѣтъ и слѣдовъ народной ненависти и господствуетъ полное примиреніе съ прошедшимъ. Возвращаясь къ Пушкину, надо сказать, что онъ долго не хотѣлъ напечатать своего стихотворенія, сокращалъ и исправлялъ его, и выпустилъ въ свѣтъ только въ 1826 г. въ первомъ собраніи стиховъ своихъ.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, гдѣ былъ и какъ проводилъ время Пушкинъ въ теченіи остальнаго лѣта и въ началѣ осени 1821 года. Всего вѣроятнѣе, онъ продолжалъ жить въ Кишиневѣ, куда тогда возвратился М. Ѳ. Орловъ съ молодою супругою, и гдѣ кажется были сборы и смотры войскъ. Пушкинъ куда-то собирался въ дорогу, какъ видно по выраженію въ его письмѣ къ брату отъ 27 іюня 1821 г.: „Пиши ко мнѣ покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ.“ „Пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности—продолжаетъ Пушкинъ: — Что такое *Сотвореніе міра* Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ *С. О.* прошлаго года ⁶²⁾? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится, ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ

---

⁶²⁾ Въ этихъ вопросахъ изложена была критика на Руслана и Людмилу. *Сынъ Отечества* 1820, ч. 44. Они написаны Д. П. Зыковымъ, см. у Анненкова, *Матеріалы*, стр. 67.

Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно.“ Надо напомнить читателямъ, что изъ всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ только одинъ Ѳ. Н. Глинка печатно выразилъ свое сочувствіе ссыльному поэту, въ особомъ посланіи къ нему, появившемся въ *Сынъ Отечества* 1820 г. (№ 38).

Кто-то другая сдѣлалась предметомъ любви Пушкина, и онъ снова въ грустномъ расположеніи: 23 августа этого года написана элегія:

Умолкну скоро я, но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью....

и потомъ, въ ночь съ 24 на 25 августа, тоже элегическіе стихи:

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ,
И юности моей мятежное теченье ...
Не требуй отъ меня опасныхъ откровений,
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я ..

Мы остановились на осени 1821 года. Пушкинъ въ это время обжилъ въ Кишиневѣ. Хотя мысли его постоянно рвались въ Петербургъ, и онъ безпрестанно ждалъ оттуда благопріятныхъ для себя вѣстей, но эта надежда получить свободу, не оправдывалась; до поры до времени онъ повидимому мирился съ своимъ положеніемъ, и часто всею душою отдавался мѣстнымъ интересамъ. Понятіе о тогдашнемъ Кишиневѣ можно отчасти составить вообще по нашимъ губернскимъ городамъ: таже жажда новостей съ сѣвера, таже усердіе слѣдовать во всемъ послѣдней модѣ, тѣ же мелочи и иногда сплетни во взаимныхъ отношеніяхъ. Но городъ, какъ мы уже замѣтили, былъ довольно оживленъ, благодаря пестротѣ полуевропейскаго народонаселенія, благодаря своему положенію почти на гра-

ницѣ имперіи, и военному постою. Тамъ былъ и театръ, и музыканты, и безпрестанно устроивались вечеринки и балы. Пушкинъ въ первый разъ въ жизни очутился въ такого рода средѣ, и съ любопытствомъ сталъ наблюдать эту губернскую жизнь. Гдѣ только собиралось большое общество, онъ былъ тутъ. Въ отношеніи къ Молдаванамъ-боярамъ, первымъ лицамъ мѣстнаго населенія, Пушкинъ не умѣлъ иногда скрывать чувствъ своего превосходства и не въ силахъ бывалъ также удерживаться отъ врожденной ему, русской насмѣшливости; но все же онъ посѣщалъ ихъ за неимѣніемъ другаго общества въ этомъ родѣ, а нѣкоторыхъ, напримѣръ семейство Варсоломея, даже и любилъ за простую привѣтливость и радушное гостепримство. Рассказываютъ также, что онъ былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ какого-то кишиневскаго негодяя *В. А. К—ва*, и въ альбомѣ дочери его, Нины Вонифатьевны, вышедшей потомъ за г. *Попандонуло*, сохранились хвалебные (но плохіе) стихи его, писанные 30 октября 1820 года ⁶³). Не рѣдко хаживалъ онъ также обѣдать къ вице-губернатору Крупянскому, жена котораго, Екатерина Христофоровна, жила и кормила по-русски, что не могло не нравиться Пушкину, потому что ему надоѣдали пладинды и каймаки другихъ кишиневскихъ хлѣбосоловъ. Эта Крупянская, изъ царскаго рода Комненовъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и въ полутурецкомъ Кишиневѣ сохраняла привычки любезной Пушкину Петербургской жизни. Пушкинъ

⁶³) См. статью г. Грена въ *Общезамим. Вѣстникѣ*. 1857 г. № 1, стр. 25. Тамъ приведено и большое стихотвореніе это, не появившее въ собраніи сочиненій Пушкина; впрочемъ стихи такъ слабы, что не вѣрится, какъ могъ ихъ написать Пушкинъ.

между прочимъ забавлялся сходствомъ своего лица съ ея восточною физиономіею. Бывало, рассказываетъ В. П. Горчаковъ, нарисуетъ Крупянскую—похожа; разчертитъ ей вокругъ лица волоса,—выдетъ самъ онъ; на ту же голову накинеть карандашемъ чепчикъ — опять Крупянская.

Одна изъ родственницъ Крупянскаго (урожденная Мило), была за чиновникомъ горнаго вѣдомства, статскимъ совѣтникомъ Эльфректомъ, и слыла красавицей. Пушкинъ хаживалъ къ нимъ и нѣкоторое время былъ очень любезенъ съ молоденькою женою нумизмата, въ которую влюбился и его пріятель Н. С. Алексѣевъ и которая, окружая себя разными родственниками Молдаванами и Греками, желала казаться равнодушною къ русской молодежи. Эти отношенія послужили поводомъ посланію Пушкина къ Алексѣеву:

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты!
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты.

У молодой Эльфректъ была племянница Зоя, дѣвушка не очень привлекательной наружности. Пушкинъ, обращаясь въ Эльфректъ, писалъ:

Ни блескъ ума, ни стройность платья,
Не могутъ васъ обворожить:
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда Зоя —
Женюсь и буду вамъ родня.

Дальше слѣдовали такія подробности, что уже нельзя было отдать стиховъ той, кому они назначались ⁶⁴).

⁶⁴) См. Выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

Кромѣ того, временными предметами вниманія, а иногда и минутной любви Пушкина въ Кишиневѣ была молодая молдаванка *Россети*, которой ножки, какъ всѣ увѣрены тамъ, будто воспыты въ первой главѣ Онѣгина, потомуъ *Пульхерія Егоровна Вареоломей*, вышедшая за греческаго консула въ Одессѣ г. Мано; дѣвица *Прункуль* и другія.

Случаи къ любезностямъ и болтовнѣ съ женщинами, до которой Пушкинъ всегда былъ большою охотникъ, всего чаще представлялись въ танцахъ. Пушкинъ охотно и много танцовалъ. Ему нравились эти пестрыя собранія, гдѣ турецкая чалма и венгерка появлялись рядомъ съ самыми изысканными, выписанными изъ Вѣны, нарядами. Въ Кишиневѣ тогда славились и приглашались на всѣ вечера домашніе музыканты боярина Вареоломея, изъ цыганъ. „Въ промежуткахъ между танцами — рассказываетъ В. П. Горчаковъ — они пѣли, акомпанируя себѣ на скрипкахъ, *кобзахъ* и *тростянкахъ*, которыя Пушкинъ по справедливости называлъ цѣвницами. И дѣйствительно, устройство этихъ тростянокъ походило на цѣвницы, какія мы привыкли встрѣчать въ живописи и ваяніи... Пушкина занимала извѣстная молдаванская пѣсня *тю юбески пими-масура*, и еще съ большимъ вниманіемъ прислушивался онъ къ другой пѣсни *арде-ма, фриде-ма*, съ которою породнилъ насъ своимъ дивнымъ подражаніемъ въ poemѣ Цыганы: *Жги меня, рѣжь меня*. Его занимала и *мититика* пляска съ пѣніемъ, но въ особенности тагъ называемый *сербешти*“ (сербская пляска) ⁶⁵⁾. Пушкинъ попросилъ кого-то положить на ноты упомянутую

⁶⁵⁾ См. Воспоминанія В. П. Горчакова въ *Москов. Вѣдомостяхъ*. 1858 г. № 19.

цыганскую пѣсню, и впоследствии напечаталъ эти ноты ⁶⁶⁾).

Кстати о балахъ и танцахъ. Въ Кишиневѣ до сихъ поръ Пушкичу приписываютъ разные стишки, и въ томъ числѣ слѣдующіе, которые мы приводимъ, потому что, хотя они вѣроятно и не его, но отчасти изображаютъ тамошнее общество:

Музыка Вареломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй живѣе,
И играй на славу *джокъ*.
Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой,
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Стамовой женой ⁶⁷⁾).

Катакази — губернаторъ; *Стамо*, урожденная Симфераки — супруга одного дипломатическаго чиновника.

Вотъ еще стихи, уже въ самомъ дѣлѣ Пушкинскіе. Они принадлежатъ собственно къ январю 1823 года, но этого рода отношенія оставались одни и тѣже. Прошелъ служъ, что въ одинъ изъ понедѣльниковъ, Вареломей намѣренъ дать большой балъ и пригласить славныхъ музыкантовъ Якутскаго полка (стоявшаго передъ тѣмъ съ Воронцовымъ въ Мобежѣ). Пушкина, какъ и всѣхъ, занималъ этотъ балъ, и желая разузнать о немъ, онъ писалъ В. П. Горчакову записку:

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,

⁶⁶⁾ Въ *Москов. Телеграфѣ* 1825 г., № 21, гдѣ была помещена пѣсня Земфиры. *Телеграфъ* замѣтилъ при этомъ: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи».

⁶⁷⁾ См. статью Зеленецкаго, въ *Москвит.* 1854 г., № 9. Молдаванскій таецъ называется *джокъ*, а не *дрокъ*, какъ тамъ напечатано.

Сижу я дома какъ бездѣльникъ;
 Но ты, душа души моей,
 Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
 Что скажетъ нашъ Вареоламей⁶⁸⁾.

Выше замѣчено, что оживленію Кишинева много способствовали стоявшія въ немъ войска. Пушкинъ по цѣлымъ днямъ проводилъ съ офицерами генеральнаго штаба и 16-ой дивизіи, и близко познакомился съ военнымъ бытомъ. „Жизнь армейскаго офицера известна, рассказываетъ онъ въ повѣсти *Выстрѣлъ* (черты которой очевидно принадлежать Кишиневу). Утромъ ученье, манѣжъ, обѣдъ у полковаго командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ — пуншъ и карты.“ Но осенью 1821 года, эта жизнь, хотя и шумная, но довольно однообразная, вдругъ получила новое движеніе и заволновалась. Пронесся слухъ, что войска двинутся въ походъ, и что объявлена будетъ война съ Турціей. Стоя войны тогда нѣсколько разъ ожидали. И за границей, и у насъ, всѣ были увѣрены, что наши напряженныя отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что императоръ Александръ открытымъ образомъ вступится за Грековъ, которые тогда начали борьбу уже въ самой Греціи и на островахъ Архипелага. На недавнемъ конгрессѣ въ Люблинахъ (Лайбахъ) Меттернихъ едва-едва успѣлъ отвести глаза императору Александру отъ Греціи. Слухи о войнѣ взволновали Кишиневъ и Пушкина. 29 ноября пишетъ онъ стихи *Война*, изъ которыхъ можно заключать, что, по крайней мѣрѣ на ту минуту, вспыхнуло въ немъ давнишнее желаніе поступить въ военную службу:

⁶⁸⁾ См. Воспоминанія В. П. Горчакова. Надо припомнить, что домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ, стоялъ почти на пустырь, и къ воротамъ надо было проходить довольно далеко.

Родисься ль ты во мнѣ слѣшая славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свѣрѣпый жаръ героевъ!
 Вънокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
 Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
 И все умереть со мною: надежды юныхъ дней,
 Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
 Воспоминаніе и брата и друзей,
 И мыслей творческихъ напрасное волненье,
 И ты, и ты любовь? .. Ужель ни бранный шумъ,
 Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
 Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
 Я таю, жертва злой отравы:
 Покой бѣжитъ меня, нѣтъ власти надъ собой,
 И тягостная лѣнь душою завладѣла..
 Что жь медлитъ ужась боевой?
 Что жь битва первая еще не закипѣла? .

Стихи эти появились въ печати, черезъ полтора года, безъ подписи.

Войны сверхъ чаянія опять не было. Русскіе полки, собранные у границъ имперіи и уже давно находившіеся въ полномъ составѣ и на такъ называемомъ военномъ положеніи, остались на своихъ мѣстахъ. Кишиневская, для Пушкина довольно скучная, жизнь вошла въ прежнюю ровную колею.

Значительную долю времени Пушкинъ отдавалъ картамъ. Тогда игра была въ большемъ ходу, и особливо въ полкахъ. Пушкинъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ: всякая быстрая перемѣна, всякая отвага были ему по душѣ; онъ пристрастился къ азартнымъ играмъ и во всю жизнь попомъ не могъ отстать отъ этой страсти. Она разжигалась въ немъ надеждою и вѣроятностью внезапнаго большаго выигрыша, а денежные дѣла его были, особенно тогда, очень плохи. За стихи онъ еще ничего не выручалъ, и приходилось жить жалованьемъ и скудными присылками изъ родительскаго дому. Играть Пушкинъ началъ, кажется еще въ лицей; но скуч-

ная, порою, жизнь въ Кишиневѣ сама подводила его къ зеленому столу.

Страсть къ банку! Ни любовь свободы,
 Ни фебъ, ни дружба, ни пиры,
 Не отвлекли бъ въ минувши годы
 Меня отъ карточной игры.
 Задумчивый, всю ночь до свѣта,
 Бывалъ готовъ я въ эти лѣта,
 Допрашивать судьбы завѣтъ,
 На лѣво ль выпадеть ваять.
 Уже раздался звонъ обѣднѣ,
 Среди разбросанныхъ колодъ
 Дремалъ усталый банкочетъ,
 А я все тотъ же бодръ и блѣднѣ,
 Надежды полнъ, закрывъ глаза,
 Гнулъ уголь третьяго туза

Играли обыкновенно въ штосъ, въ экарте, но всего чаще въ банкъ. Однажды Пушкину случилось играть съ однимъ изъ братьевъ З., офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ замѣтилъ, что З. играетъ навѣрное, и проигравъ ему, по окончаніи игры, очень равнодушно и со смѣхомъ сталъ говорить другимъ участникамъ игры, что вѣдь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти конечно разнеслись, вышло объясненіе, и З. вызвалъ Пушкина драться. Это былъ второй поединокъ въ жизни поэта⁶⁹⁾. Против-

⁶⁹⁾ Первый,—по выходѣ изъ Лицея, около 1818 года, съ лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекеромъ, котораго Пушкинъ очень любилъ, но надъ которымъ часто подшучивалъ Кюхельбекеръ, какъ и многие тогдашніе молодые стихотворцы, хаживалъ къ Жуковскому, и отчасти надвдалъ ему своими стихами. Однажды Жуковский куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его послѣ спросили, отчего онъ не былъ, Жуковский отвѣчалъ: «Я еще наканунѣ разстроилъ себѣ желудокъ; къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома». Это разсмѣшило Пушкина, и онъ сталъ преслѣдовать неотвязчиваго поэта стихами:

За ужиномъ объѣлся я,
 Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
 Такъ было мнѣ, мои друзья,
 И Кюхельбекерно и тошно.

ники отправились на такъ называемую *малину*, виноградникъ за Кишиневымъ. Пушкина не легко было испугать; онъ былъ храбръ отъ природы и старался воспитывать въ себѣ это чувство. Не даромъ онъ записалъ для себя одно изъ наставленій фн. Потемкина Н. Н. Раевскому: „Старайся испытать, не трусь ли ты; если нѣтъ, то укрѣплай врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ неприятелемъ.“ Еще въ лицѣ учился онъ стрѣльбѣ въ дѣль, и въ стѣнахъ кишиневской комнаты своей насаживалъ пулю на пулю.—Подробности этого поединка, сколько извѣстно, втораго въ жизни Пушкина, намъ неизвѣстны; но нѣкоторыя обстоятельства, его онъ самъ передалъ въ повѣсти *Выстрѣлъ*, вложивъ рассказъ въ уста Сильвіо и приписавъ собственныя дѣйствія молодому талантливому графу. „Это было на разсвѣтъ—разсказываетъ Сильвіо—я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника.... Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему на встрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ.... Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и

Выраженіе *млт. Кюхельбекерно* сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ взбѣсился и требовалъ дуели. Никакъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять своего товарища; но тотъ неистово кричалъ: стрѣлай, стрѣлай! Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что невозможно стрѣлять, потому что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились. (Изъ Записки о дуеляхъ Пушкина, написанной В. И. Далемъ вскорѣ послѣ кончины Пушкина) Яковъ—слуга Жуковского.

выплывавая косточки, которыя долетали до меня.“ И дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ и въ томъ числѣ В. П. Горчакова, бывшаго тогда въ Кишиневѣ, на поединокъ съ З. Пушкинъ явился съ черешнями и завтракалъ ими, пока тотъ стрѣлялъ. Но З. поступилъ не такъ, какъ герой Пушкинскои повѣсти Сильвіо. Онъ стрѣлялъ первый и не попалъ. „Довольны вы?“, спросилъ его Пушкинъ, которому пришелъ чередъ стрѣлять. Въмѣсто того, чтобы требовать выстрѣла, З. бросился съ объятіями. „Это лишнее“, замѣтилъ ему Пушкинъ, и нестрѣляя удаллся ⁷⁰⁾. Эту послѣднюю подробность (не называя противника) приводитъ и В. И. Даль въ своей замѣткѣ о кончинѣ Пушкина ⁷¹⁾.

Поединокъ съ З. разумѣется тотчасъ сдѣлался предметомъ общаго говора, и поведеніе Пушкина чрезвычайно подняло его въ общемъ мнѣніи. Но Инзовъ, по должности, не имѣлъ права оставить этотъ случай безъ вниманія, и можетъ быть въ видѣ наказанія, и желая на время удалить Пушкина изъ Кишинева, отправилъ его, вѣроятно съ какимъ-нибудь служебнымъ порученіемъ, въ Акерманскія степи. Впрочемъ навѣрное мы этого не знаемъ, а только заключаемъ такъ по ходу дѣлъ. Несомнѣнно одно, что Пушкинъ, въ исходѣ 1821 г., видѣлъ устья Днѣстра, былъ въ Акерманѣ и противлежащемъ Овидіополѣ. Старинная Акерманская крѣпость, расположена на мысу, который выдается въ Днѣстровскій лиманъ, и съ двухъ сторонъ омываема волнами, отражающими ея высокія башни. Видъ на лиманъ необыкновенно хорошъ. Н. И. Надеждинъ, посѣтившій

⁷⁰⁾ Со словъ В. П. Горчакова.

⁷¹⁾ *Москов. Медицин. Газета* 1860 г., № 49

эти мѣста лѣтъ черезъ двадцать, говоритъ, что одинъ учитель Акерманскаго уѣзднаго училища показывалъ ему прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ цѣлую ночь, и что башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевой. „Не потому ли, прибавляетъ онъ, что поэтъ здѣсь, можетъ быть велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнію Овидія? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о Римскомъ изгнанникѣ такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда виднѣется на краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ“⁷²⁾.

Но мы знаемъ, что Овидій уже давно занималъ Пушкина. Еще въ посланіи къ Чадаеву, въ апрѣлѣ 1821 г. онъ уже поминаетъ его. Сочиненія Овидія вѣроятно были съ нимъ въ Акерманѣ. Какъ внимательно читалъ онъ ихъ, видно между прочимъ изъ примѣчанія къ первой главѣ Онѣгина и изъ критической статьи его въ *Современникѣ* о стихотвореніяхъ Теплякова, который также обращался къ тѣни Овидіевой. Изъ сочиненій Овидія послѣ Превращеній онъ отдаетъ особенное предпочтеніе Понтійскимъ элегіямъ. „Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы!... Овидій добродушно признается, что онъ и съ молодю не былъ охотникомъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать съдину свою шлемомъ и трепетной рукой хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. *Trist. Lib. IV, El. I.*)“⁴⁾. При стихотвореніи Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку о томъ, сколько лѣтъ Овидій прожилъ въ изгнаніи. Стихо-

⁷²⁾ *Одесскій Альманахъ* 1840 г., стр. 330.

твореніе вышло плодомъ изученія; оттого-то онъ такъ любилъ его и предпочиталъ даже Наполеону. Въ немъ дѣйствительно много задушевности. „Каковы стихи къ Овидію? — пишетъ Пушкинъ брату по выходѣ ихъ въ свѣтъ — душа моя, и *Русланъ* и *Пльнникъ* и *Noel*, и все дрянъ въ сравненіи съ ними“. Въ нѣкоторыхъ стихахъ, обращенныхъ къ Овидію слышится намекъ на собственную участь сочинителя, отчего можетъ быть, въ печати Пушкинъ не выставилъ подъ ними своего имени (въ *Полярной Звѣздѣ* 1823 г.).

Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть;
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть...
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните! •

Около этого времени Пушкинъ дѣйствительно хлопоталъ о помилованіи и писалъ въ Петербургъ, чтобы ему выпросили позволеніе возвратиться въ столицу.

Подъ стихами къ Овидію выставлено 1821. Декабря 26 г. Что они писаны на предполагаемомъ мѣстѣ Овидіевой ссылки, видно изъ самаго стихотворенія.

Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой замучивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторялъ твои, Овидій, пѣсноушья,
И ихъ печальныя картины повзрѣлъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ:
Ужъ пасмурный декабрь на Русскіе луга
Слоями разстлалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ, а съ вѣшной теплотою
Здѣсь солнце яркое катилось надо мною.

Поѣздка въ Акерманъ была непродолжительна, и къ новому году Пушкинъ возвратился въ Ки-

шиневъ: его видѣли въ толпѣ офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ, 1-го января 1822 года, на достопамятномъ праздникѣ, о которомъ мы говорили выше, и которымъ М. Ѡ. Орловъ открывалъ устроенный имъ манежъ своей дивизіи ⁷³⁾. На святкахъ Кишиневъ особенно оживился, и Пушкинъ не пропускалъ случая потанцовать и повеселиться. Но вскорѣ по возвращеніи ему опять пришлось драться. На этотъ разъ противникомъ его былъ человекъ достойный и всѣми уважаемый. Это былъ полковникъ и командиръ егерскаго полка *Семенъ Никитичъ Старовъ*, извѣстный въ арміи своею храбростію въ отечественную войну и въ заграничныхъ битвахъ. Старовъ вступился за своего офицера, котораго по его мнѣнію оскорбилъ Пушкинъ. Дѣло было такъ. На вечерѣ въ Кишиневскомъ *казино*, которое служило мѣстомъ общественныхъ собраній, одинъ молодой егерскій офицеръ приказалъ музыкантамъ играть русскую кадрили; но Пушкинъ еще раньше условился съ А. П. Полторацкимъ начинать мазурку, захопалъ въ ладоши и закричалъ, чтобъ играли ее. Офицеръ-новичокъ повторилъ было свое приказаніе; но музыканты послушались Пушкина, котораго они давно знали, даромъ что онъ былъ не военный, и мазурка началась. Полковникъ Старовъ все это замѣтилъ, и подозвавъ офицера, совѣтовалъ ему требовать, чтобъ Пушкинъ по крайней мѣрѣ извинился передъ нимъ. Застѣнчивый молодой человекъ началъ мяться, и отговаривался тѣмъ, что онъ вовсе не знакомъ съ Пушкинымъ. „Ну такъ я за васъ поговорю,“ возразилъ полковникъ, и послѣ танцовъ подошелъ къ Пушкину съ вопросами, вслѣд-

⁷³⁾ Отъ В. П. Горчакова.

ствіе которыхъ на другой день положено быть поединку.

Они стрѣлялись верстахъ въ двухъ за Кишиневымъ, утромъ въ девять часовъ. Секундатомъ Пушкина былъ Н. С. Алексѣевъ, а однимъ изъ совѣтниковъ и распорядителей И. П. Липранди, мнѣніемъ котораго поэтъ дорожилъ въ подобныхъ случаяхъ (вспомнимъ опять, что повѣсть *Выстрѣлъ* слышана отъ Липранди). Но погода помѣшала дѣлу; противники два раза принимались стрѣлять, и стало быть вышло четыре промаха: мятель съ сильнымъ вѣтромъ не давала возможности прицѣлиться какъ должно. Положили отсрочить поединокъ, и тутъ-то Пушкинъ, по дорогѣ, захвативъ къ А. П. Полторацкому и не заставъ его дома, написалъ экспромптъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по всей Россіи и повторяемый съ разными измѣненіями:

Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не конченъ ⁷⁴⁾.

Незнавшіе подробностей дѣла, говорили, будто Пушкинъ не захотѣлъ воспользоваться своимъ выстрѣломъ и, разрядивъ пистолеть на воздухъ, воскликнулъ:

Полковникъ Старовъ
Слава Богу здоровъ.

---

⁷⁴⁾ Изъ Воспоминаній В. П. Горчакова и вышеупомянутой записки В. И. Даля, который впрочемъ рассказываетъ нѣсколько иначе (онъ записывалъ съ чужихъ словъ): «На балѣ, гдѣ обращеніе гораздо вольнѣ нашего, по юевропейская образованность, барыни въ модныхъ вѣскихъ нарядахъ, мушкетеры въ чалмахъ и огромныхъ шапкахъ,—Пушкинъ разпался. Онъ взялъ даму на вальсъ, и захопавъ кричалъ музыкантамъ: вальсъ, вальсъ! Офицеръ подошелъ съ замѣчаніемъ, что будутъ танцовать не вальсъ, а мазурку Пушкинъ отвѣчалъ: «Ну, я вальсъ, а вы мазурку»; музыка заигра, и Пушкинъ провальсировалъ».

Еъ счастію поединокъ не возобновлялся. Полторацкому съ Алексѣевымъ удалось свести противниковъ въ рестораціи Николетти. „Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ,“ сказалъ Пушкинъ. „И хорошо сдѣлали, Александръ Сергѣевичъ, сказалъ въ свою очередь Старовъ; я долженъ сказать по правдѣ, что вы также хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете.“ Такой отзывъ храбраго человѣка, участника 1812 года, не только обезоружилъ Пушкина, но привелъ его въ восторгъ. Онъ кинулся обнимать Старова, и съ этихъ поръ считалъ долгомъ отзываться о немъ съ великимъ уваженіемъ. Такъ, напри- мѣръ, черезъ нѣсколько дней, въ той же рестораціи, молодые молдаване, играя на билиардѣ и толкуя о недавней дуели, позволили себѣ обвинять Старова въ трусости. Пушкинъ, игравшій тутъ же, тотчасъ имъ замѣтилъ, что онъ не потерпитъ такихъ отзывовъ, и что впередъ будетъ считать ихъ для себя личною обидою ⁷⁵⁾. Но въ городѣ не всѣ знали о примиреніи Старова съ Пушкинымъ; о каждомъ изъ противниковъ разнеслись двусмысленные слухи, изъ которыхъ для Пушкина выросла новая и крайне неприятная исторія.

Между кишиневскими помѣщиками-Молдаванами, съ которыми велъ знакомство Пушкинъ, былъ нѣкто Балшъ. Жена его, еще довольно молодая женщина, вездѣ вывозила съ собою, не смотря на ранній возрастъ, дѣвочку-дочь, лѣтъ 13. Пушкинъ за нею ухаживалъ. Досадно ли это было матери, или можетъ быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то разсердилась и стала въ нему при-

⁷⁵⁾ Тамъ же.

дираться. Тогда въ обществѣ много говорили о какой-то ссорѣ двухъ Молдаванъ: имъ слѣдовало драться, но они не дрались. „Чего отъ нихъ требовать! замѣтилъ какъ-то Липранди, у нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько человекъ, да ихъ руками отдубасить противника.“ Пушкина очень забавлялъ такой легкій способъ отмщенія. Вскорѣ, у кого то на вечерѣ, въ разговорѣ съ женою Балша, онъ сказалъ: „Экая тоска! хоть бы кто нанялъ подраться за себя!“ Молдаванка вспыхнула. „Да вы деритесь лучше за себя,“ возразила она.—Да съ кѣмъ же? — „Вотъ хоть съ Старовымъ; вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили.“ На это Пушкинъ отвѣчалъ, что если бы на ея мѣстѣ былъ ея мужъ, то онъ сумѣлъ бы поговорить съ нимъ; потому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ. Прямо отъ нея Пушкинъ идетъ къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызываетъ его и объясняетъ въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ распросить жену, но та ему отвѣчала, что Пушкинъ наговорилъ ей дерзостей. „Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену,“ сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомеріемъ, что Пушкинъ не вытерпѣлъ, тутъ же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша ⁷⁶⁾. Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха вышла страшная, и противниковъ кое-какъ ризвели. На другой день, по настоянію Крюпанскаго и П. С. Пушина (который вомандо-

⁷⁶⁾ См. въ повѣсти *Выстрѣлъ* (стр. 171): «Офицеръ почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ, схвативъ со стола мѣдный шандаль, пустилъ его въ Сильвію, которой едва успѣлъ отклониться отъ удара».

валъ тогда дивизіей за отъѣздомъ Орлова), Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для того пришелъ къ Крупянскому. Но каково же ему было, когда къ нему явился, въ длинныхъ одеждахъ своихъ, тяжелый Молдаванинъ, и вмѣсто извиненія началъ: „Меня упростили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?“ Не говоря ни слова, Пушкинъ далъ ему пощечину, и вслѣдъ за тѣмъ вынулъ пистолетъ. Прямо отъ Крупянскаго Пушкинъ пошелъ на квартиру къ Пушкину, гдѣ его видѣлъ В. П. Горчаковъ, блѣднаго какъ полотно и улыбающагося. Инзовъ посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли; чѣмъ дѣло кончилось, не знаемъ. Дуели не было, но еще долго послѣ этого Пушкинъ говорилъ, что не рѣшается ходить безъ оружія, на улицахъ вынималъ пистолетъ и съ хохотомъ показывалъ его встрѣчнымъ знакомымъ ⁷⁷⁾).

Возмутительную исторію Пушкина съ Балшемъ мы относимъ къ февралю мѣсяцу 1822 г. Она произошла, какъ можно соображать по рассказамъ о ней, около масленицы. Итакъ, въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ-четыреухъ мѣсяцевъ, три исторіи, три вспышки необузданнаго, африканскаго нрава: въ исходѣ 1821 года, поединокъ съ З. изъ-за картъ, въ январѣ 1822-го съ Старовымъ изъ за свѣтскихъ отношеній. Можно себѣ представить, сколько въ Кишиневѣ пошло толковъ, какъ возмущались всѣ степенные люди поведеніемъ молодаго человѣка, каково было кишиневскимъ Молдаванамъ послѣ оскор-

---

⁷⁷⁾ Подробности отъ В. П. Горчакова. Сущность этой исторіи передана Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ его статьѣ о братѣ въ *Москвит.* 1854, № 10, стр. 50—58, гдѣ названо и полное имя Балша.

бленія, нанесеннаго имъ въ лицѣ Балша. Пушкина стали бояться въ городѣ. Но за него былъ его добрый начальникъ, приставлявшій часовыхъ къ его комнатѣ, присылавшій ему книгъ для успокоенія и развлеченія. Инзовъ и еще нѣсколько человекъ въ Кишиневѣ хорошо знали, что Пушкину было можно и было за что прощать его увлеченія. За беспорядочною жизнью, за необузданностью нрава, за дерзкими рѣчами не скрывалось отъ нихъ существо, необычайно умное и свыше одаренное. Дѣло въ томъ, что уже въ это время въ Пушкинѣ замѣтно обозначилось противорѣчіе между его вседневною жизнью и художественнымъ служеніемъ. Уже тогда въ немъ было два Пушкина, одинъ—Пушкинъ человекъ, и другой — Пушкинъ поэтъ. Это раздвоеніе онъ хорошо сознавалъ въ себѣ; порою, оно должно было мучить его, и отсюда-то, можетъ быть, меланхолическій характеръ его пѣсенъ, та глубокая симпатическая грусть, которая примѣшивается почти ко всему, что ни писалъ онъ, и которая невольно вызываетъ участіе въ читателѣ. Онъ былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался, и чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Справедливо отзывались близкіе друзья его, что его задушевные бесѣды стоили многихъ его печатныхъ сочиненій, и что вельзя было не полюбить его, покороче узнавши. Но, по замѣчательному, и въ психологическомъ смыслѣ чрезвычайно важному побужденію, которое для поверхностныхъ наблюдателей могло казаться простымъ капризомъ, Пушкинъ какъ будто вовсе не заботился о томъ, чтобы устранять названное противорѣчіе; напротивъ прикидывался буйномъ, развратникомъ, какимъ-то яростнымъ вольнодумцемъ. Это состояніе души можно бы наз-

вать юродствомъ поэта. Оно замѣчается въ Пушкинѣ до самой его женитьбы, и можетъ быть еще позднѣе. Началось оно очень рано, но становится ярко замѣтнымъ въ описываемую нами пору. „Какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? — пишеть онъ по поводу обвиненій Байрона въ безбожіи. — Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставить на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни одѣвши своими странностями.“ (VII, 151).

Въ одно время съ дуелями шла сильная внутренняя и художественная работа. По удаленіи изъ Петербурга, въ 1820 году, написано имъ, кромѣ Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, какъ мы видѣли, *десять* стихотвореній. Въ 1821 году онъ написалъ *Кавказскаго Пльнника* и кромѣ утраченной автобіографіи, дневника, записокъ о греческомъ возстаніи и мелкихъ прозаическихъ отрывковъ — *тридцать одно* стихотвореніе. Мы предлагаемъ расположить ихъ будущимъ издателямъ его сочиненій въ слѣдующемъ, по времени, порядкѣ. Жизнь Пушкина лучше всего выражается въ его сочиненіяхъ.

1. Земля и море. *Кіевъ, 8 февраля.*
2. Желаніе.
3. Муза. *14 февраля—5 апрѣля.*
4. Я пережилъ свои желанья. *Каменка, 22 февраля.*
5. Дельвигу. (Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ). *Кишиневъ. 23 марта.*
6. Катенину. (Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ). *5 апрѣля.*

7. Наперсница волшебной старины. (Муза).
8. Сѣтованіе. (Д. В. Давыдову).
9. Чадаеву. *Кишиневъ. 6—20 апрѣля.*
10. П-лю.
11. Бѣ Чернилицѣ. *11 апрѣля.*
12. Еврейкѣ. (Христосъ воскресъ, моя Ревекка). *12 апрѣля, Кишиневъ.*
13. Кинжалъ.
14. Недвижный стражъ дремалъ.
15. Наполеонъ. *Іюнь.*
16. Десятая заповѣдь.
17. Умоляю скоро я. *23 августа.*
18. Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ. *24—25 августа.*
19. Гробъ юноши.
20. Бѣ Аглаѣ (И вы повѣрять мнѣ могли).
21. Иной имѣлъ мою Аглаю.
22. Война или Мечта война. *29 ноября.*
23. (Видію: 26 декабря.
24. Алексѣеву. (Мой милый, какъ несправедливый).
25. Бѣ портрету кн. Вяземскаго.
26. Примѣты.
27. Дѣва.
28. Подруга милая, я знаю отчего.
29. Діонея.
30. Красавицѣ передъ зеркаломъ.
31. Эпиграмма на Баченовскаго. (Клеветникъ безъ дарованья) ⁷⁸⁾

⁷⁸⁾ Последнія 8 стихотвореній принадлежатъ къ 1821 г., но къ какимъ мѣсяцамъ, мы пока опредѣлить не можемъ. Въ изданіи Анненкова (II, 288) къ 1821 году отвесено еще стихотвореніе Къ *** (*За чѣмъ безвременную службу*), и въ примѣчаніяхъ сказано, что, по свидѣтельству рукописей, оно написано на *Пле—сееву*; но въ VII-мъ дополнителномъ томѣ того же изданія, въ росписи стиховъ (стр. 165) при немъ означено *К—кери*. Слова эти можно читать *Плецсееву* или

Послѣ удаленія изъ Петербурга, въ полтора съ небольшимъ года, слышномъ сорокъ однихъ мелкихъ стихотвореній, да поэма, да сочиненія въ прозѣ. Но молодой Пушкинъ подавалъ собою примѣръ удивительной художественной воздержности. Беспорядочный, беспечный, порою легкомысленный въ жизни, онъ уже тогда былъ необыкновенно строгъ, осмотрителенъ и совѣстливъ какъ писатель. Изъ всѣхъ названныхъ трудовъ, онъ напечаталъ всего четыре стихотворенія, именно въ 1820 году элегію *Погасло дневное свѣтило*, и то безъ имени, а въ 1821-мъ появились въ апрѣлѣ *Черная шаль*, въ юнѣ *Муза*, въ сентябрѣ *Посланіе къ Чадаеву*, всѣ въ *Сынъ Отечества*, съ полнымъ именемъ, съ обозначеніемъ мѣста и времени⁷⁹⁾. Это были пер-

Кюхельбекеру, какъ и прочелъ Г. Н. Геннади, въ послѣднемъ Исаковскомъ изданіи. У насъ въ рукахъ собственноручный списокъ стихотворенія, доставленный г. Калошинимъ. Подъ нимъ Пушкинъ означилъ: *1 ноября 1826. Москва*. Въ текстѣ измѣненій нѣтъ противъ печатнаго, только во 2-мъ стихѣ вмѣсто *думю* Пушкинъ поставилъ было *грустію* и потомъ зачеркнулъ.—Ожидая поясненій, думаемъ, что можетъ быть стихи и дѣйствительно написаны въ 1821 году, а въ 1826 Пушкинъ написалъ ихъ просто кому-нибудь въ знакъ памяти: его тогда часто просили писать въ альбомы, и чтобы отдѣлаться, онъ иногда писалъ свои старыя стихи. Напечатаны они въ первый разъ въ 1827 г. въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, № 2.

⁷⁹⁾ Кромѣ того, безъ его вѣдома, напечатаны были въ *Сынъ Отечества* 1821 года въ № 11 (мартъ) шутивая записка къ В. Л. Пушкину въ прозѣ и стихахъ, написанная въ 1816 г., да въ № 52 (декабрь) посланіе къ Жуковскому по прочтеніи его книжекъ *для немногихъ*, 1819 года. *Сынъ Отечества* въ 1821 году издавался А. Ф. Воейковимъ и Н. И. Гречемъ Первый, какъ извѣстно, не слишкомъ уважалъ права литературной собственности и напечаталъ названные стихи, взявъ ихъ у В. Л. Пушкина и у Жуковского и не спросясь сочинителя. Да еще во 2-мъ номерѣ журнала *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1821 года появилась эпиграмма его: *Исторія стихотворца*.

вые стихи Пушкина изъ ссылки. Если не ошибаемся, въ Петербургѣ ждали отъ Пушкина, чтобы онъ показаль раскаяніе, посвятивъ талантъ свой, по примѣру предшественниковъ, восхваленію отечества, славѣ Россіи, описанію воинскихъ подвиговъ и т. п. Такое ожиданіе по временамъ высказывалось и въ печати. Такъ въ *Сынъ Отечества* 1822 года въ № X (мартъ), въ посланіи какого-то А. М. *Къ сочинителю поэмы Русланъ и Людмила*, читаемъ между прочимъ:

Почто же восторги священныхъ часовъ
Ты тратишь для пѣсней любви и забавы? .
Оставь сладострастье коварнымъ женамъ!
Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!
Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтахъ
Ревнивыхъ прелестницъ, пусть ищутъ другіе
Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ!
Храни для героевъ восторги правые!

Въ *Литературныхъ Листкахъ* Булгарина (1824, № I, стр. 25) прямо сказано: „Геній Пушкина общааетъ много для Россіи; мы бы желали, чтобъ онъ своими гармоническими стихами прославиль какой-нибудь отечественный подвигъ. Это дань, которую должны платить дарованія общей матери, отечеству. Нѣкоторые отрывки въ *Кавказскомъ Пльнникѣ* показываютъ, что Пушкинъ столь же искусно умѣеть изображать славу какъ и грацій.“

Но Пушкинъ не хотѣлъ насиловать своего таланта, онъ повиновался со всею искренностію единственно внушеніямъ внутреннимъ, и можетъ быть, въ отвѣтъ на подобнаго рода вызовы, слышанные имъ безъ сомнѣнія и въ Кишиневѣ, сказалъ про себя:

Но не унижилъ вѣкъ извѣной незаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной. ⁸⁰⁾

⁸⁰⁾ Эти стихи первоначально находились въ концѣ стихотворенія къ Овидію. Въ печати Пушкинъ долженъ былъ ис-

Кромѣ художественной добросовѣстности, и желанія исправить и усовершенить свои созданія, были еще и другія причины и соображенія, вѣдствие которыхъ, въ описываемую нами пору, стихи Пушкина такъ рѣдко появлялись въ свѣтъ. Во-первыхъ не всѣ они могли быть напечатаны, а во-вторыхъ у него бродила мысль издать ихъ отдѣльною книжкою. Еще въ Петербургѣ, въ концѣ 1819 или въ началѣ 1820 года, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, онъ согласился на предложеніе пріятелей напечатать собраніе своихъ стиховъ. Считая съ лицейскими, ихъ и тогда уже было довольно много. Рѣшили открыть подписку на изданіе, и друзья Пушкина успѣли уже роздать отъ 30 до 40 билетовъ, какъ вдругъ Пушкину вѣдно было ѣхать въ Екатеринославль. Въ торопяхъ и на безденежь онъ взялъ у пріятеля своего, тогдашняго богача Н. В. Всеволожскаго, тысячу рублей, и за нее отдалъ ему рукопись свою. Весьма вѣроятно, что Всеволожскій и не имѣлъ настоящаго намѣренія издавать книгу, а изъ благороднаго побужденія воспользовался случаемъ, чтобы выручить поэта, не затрогивая его самолюбія. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ въ ссылкѣ своей ожидалъ выхода своей книжки, или *антологіи*, какъ онъ называетъ ее въ одномъ письмѣ (вѣроятно потому, что стихи все были въ греческомъ духѣ, воспѣвалась любовь и наслажденія жизни). Изъ Кишинева, отъ 27 іюня 1821 года, Пушкинъ пишетъ брату: „Постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзья-

---

ключить ихъ; но ими не могло заключаться стихотвореніе, какъ сказано въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1858, № XI, столб 342.

ми, — экземпляровъ 30.⁴ Между тѣмъ время шло, а книжка не выходила. Въ 1822 году князь Александръ Лобановъ-Ростовскій вздумалъ купить у Всеволожскаго право изданія ⁸¹⁾. Пушкина это встревожило; онъ уже сталъ тогда, какъ мы видѣли, гораздо строже смотрѣть на свою литературную дѣятельность, хотѣлъ исправить прежніе стихи, прибавить новые и вообще явиться передъ публикою съ произведеніями отборными. Всего проще было бы возвратить Всеволожскому его тысячу рублей и вытребовать назадъ тетрадь свою. Но гдѣ было взять денегъ? Лучше терпѣть нужду чѣмъ заниматься, говорилъ онъ тогда, ибо занимая и не имѣя потому возможности отдать, по неволѣ подвергаешь сомнѣнію свою честность. Кн. Лобановъ далъ знать Пушкину о своемъ намѣреніи черезъ общаго ихъ знакомаго Я. Н. Толстаго, и дѣлалъ ему, какія-то новыя предложенія, т. е. вѣроятно обѣщалъ денегъ. Это могло быть около августа 1822 года. Пушкинъ пишетъ брату изъ Кишинева, отъ 4 сентября 1822 г.: „Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому, и скажи ему, чтобъ онъ ради Христа погостилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покущику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы, само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить“; а Я. Н. Толстому онъ отвѣчалъ (отъ 26 сентября): „Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему само-

⁸¹⁾ Не тотъ ли это кн. Лобановъ, который напечаталъ въ 1821 году въ Парижѣ *Молитвы при божественной литургіи*?—Я. Н. Толстой, съ которымъ Пушкинъ сходился у Всеволожскаго на вечерахъ *Зеленой Лампы*, самъ печаталъ статьи въ тогдашнихъ журналахъ.

любю, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ, и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Нивитѣ Всеволожскому и самому отступить отъ изданія. Разуется, что за розданные билеты я долженъ заплатить, и это первое условіе. Вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ князю Александру, но... милый другъ! Подождемъ еще два-три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ и пр.⁸²⁾

Такимъ образомъ изданіе было приостановлено. Мы увидимъ ниже, что за него брались А. А. Бестужевъ и Н. И. Гнѣдичъ; надѣясь самъ побывать въ Петербургѣ, Пушкинъ отклонялъ предложенія, и книжка вышла въ свѣтъ уже только въ 1826 г. Но конечно она много выиграла оттого въ содержаніи.

Когда шла вышеизложенная переписка, въ печати уже появилась новая поэма Пушкина *Кавказскій Пльщикъ*. Она обновила имя ссыльнаго поэта въ памяти публики и друзей его. Можетъ быть, успѣхомъ ея отчасти и возобновлена

⁸²⁾ См. у Анненк. въ Матеріалахъ, стр. 186 — 187. Тамъ сказано, что письмо писано въ 1823 году; но въ VII томѣ, въ перечнѣ сочиненій Пушкина, при немъ поставлено *Книжечко, 26 сентября 1822*. Время, впрочемъ, определяется выраженіемъ въ концѣ письма: «два года и шесть мѣяцевъ никто ни строки, ни слова.»

мысль объ изданіи мелкихъ стихотвореній. Своего *Пльмика* еще въ исходѣ 1821 года, Пушкинъ послалъ въ Петербургъ Н. И. Гречу, съ предложеніемъ напечатать. Гречъ издавалъ безспорно лучший тогдашній журналъ, *Сынъ Отечества*, и Пушкинъ уже былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, помѣстивъ у него стихи свои. Но издатель первой поэмы, *Руслана и Людмилы*, Н. И. Гнѣдичъ, выразилъ неудовольствіе, отчего Пушкинъ опять не обратился къ нему. „Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ—пишетъ Пушкинъ брату (изъ Кишинева, 24 января 1822)—онъ правъ: я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой; но у меня шла голова кругомъ; отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать, и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему *Пльмика*. Въ тому же ни Гнѣдичъ со мною, ни я, съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться какъ со всякимъ брадатымъ пѣнителемъ книжнаго ума.“ Пушкинъ ошибался. Н. И. Гречъ самъ отклонилъ его предложеніе приобрести право на изданіе поэмы⁸³). Тогда Пушкинъ поручилъ изданіе уже Гнѣдичу и при этомъ передалъ ему собственный, чрезвычайно мѣткій судъ надъ поэмой, говоря, что долго не могъ рѣшиться ее напечатать,—такъ явны ея недостатки, но что передѣлывать не въ силахъ⁸⁴).

⁸³) За разъясненіемъ этихъ сношеній я обращался къ Н. И. Гречу. Въ отвѣтномъ письмѣ, которымъ онъ почтилъ меня (Спб. 16 іюля 1861), сказано: „Гнѣдичъ предлагалъ мнѣ, убѣждалъ меня приобрести рукопись *Кавказскаго Пльмика* для изданія ея на мой счетъ; но я не могъ принять этого предложенія.“

⁸⁴) У Аявенкова, въ матеріалахъ, стр. 96 и 97, помѣщено это письмо къ Гнѣдичу, съ черноваго оригинала, оставшагося въ бумагахъ Пушкина.

Кавказскій Пльнникъ появился въ Петербургѣ изъ типографіи Греча, въ послѣднихъ числахъ августа 1822 года, тетрадкою въ 16 долю листа, на 53 стр. (цензурное дозволеніе А. Бирюкова, 12 іюня 1822 г.)⁸⁵). Къ нему приложенъ былъ портретъ автора, гравированный Е. Гейтманомъ. Пушкинъ изображенъ лѣтъ 15, лицеистомъ, въ рубашкѣ, какъ рисовали тогда Байрона, подперши голову рукою, и въ задумчивости. Тутъ явственнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ портретахъ, арабскія черты его фізіономіи.

Издатель прислалъ Пушкину въ Кишеневъ одинъ экземпляръ поэмы, съ письмомъ, и съ приложеніемъ 500 р. за право изданія. Плата показала Пушкину мала, но на безденежьи онъ и тому былъ радъ⁸⁶); потому что хотя пе-

⁸⁵) Въ 35 № *Сына Отечества* (отъ 2 сентября), въ первомъ извѣщеніи о выходѣ *К. Пльнника*, сказано: «Цена на веленовой бумагѣ 7 р., на любской 5 руб. Продается у издателя, Кол. Сов. Ник. Ив. Гнѣдича, въ домѣ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библ., на Невскомъ проспектѣ.» Гнѣдичъ тогда же издалъ и *Шильонскаго узника* Жуковскаго. Про портретъ сказано: «*Издатели* (?) сей повѣсти говорятъ: «Думаемъ, что пріятно сохраить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія означены даромъ необыкновеннымъ!» Портретъ этотъ перерисованъ въ *Русскомъ Художественномъ Листкѣ* въ 32-мъ номерѣ нынѣшняго года; но еще прежде онъ былъ повторенъ вскорѣ по смерти Пушкина, въ *Художественной Газетѣ* 1837 г., № 9 и 10. Тамъ сказано, что портретъ этотъ нарисованъ былъ съ памяти, безъ натуры, художникомъ *К. Б.*, «въ нѣжной молодости уже обратившимъ на себя вниманіе.» Не означаютъ ли буквы *К. Б.* Карла Брюлова? Въ такомъ случаѣ съ этимъ портретомъ связываются двѣ дорогія памяти русской жизни.—Когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, тамошній учитель рисованія и надзиратель лицействъ Чириковъ снялъ съ него портретъ, но гдѣ онъ теперь, не извѣстно.

⁸⁶) Въ 1851 г. В. П. Горчаковъ передалъ намъ письмо къ нему Пушкина съ замѣчаніями на *Кавк. Пльнника*. Г. Анненковъ списалъ его у насъ и помѣстилъ въ своихъ матеріалахъ, стр. 97—98; но приложенныя къ письму поправки пе-

редъ тѣмъ книгопродавецъ Сленинъ купилъ остальные экземпляры *Руслана и Людмилы*, но деньги, вырученные за это, не доходили до Пушкина (письмо къ брату отъ 21 іюля 1822 года). „Сважи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой *Пльнникъ*? *A-t-il produit du scandale*, пишетъ мнѣ Orlof, *voilà l'essentiel*. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характеръ *Пльнника*, онъ для нихъ созданъ; душа моя, я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки, не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.“ Передъ тѣмъ (отъ 4 сентября 1822 г.) онъ поручаетъ брату: „Сважи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ ... *Сына (течества* 2-ю половину года. Можетъ вычестъ что стоить изъ своего долга.“

Лжившись въ печати съ новою поэмою, Пушкинъ естественно любопытствовалъ узнать мнѣнія о ней. Успѣхъ былъ полный, Россія съ жадностью читала *Кавказскаго Пльнника*. Можно навѣрное сказать, что если первая поэма Пушкина имѣла успѣхъ благодаря лишь легкости стиха и содержанія, всѣмъ равно понятнаго и доступнаго, то *Кавказскій Пльнникъ* былъ встрѣченъ уже съ любовью и съ участіемъ къ молодому сочинителю: во-первыхъ всѣ знали, что это произведеніе ссыльнаго, во-вторыхъ въ поэмѣ уже много теплыхъ, задумшевныхъ стиховъ.

чатнаго текста, сдѣланныя Пушкинымъ въ посвященіи поэмы, переданы у Анненкова не вполнѣ. Пушкинъ очевидно хотѣлъ возстановить текстъ, искаженный вслѣдствіе особенныхъ соображеній. Въ третьемъ стихѣ посвященія *вм. пустынной лиры* первоначально было *изгнанной лиры*; въ 4-мъ отъ конца стихъ вмѣсто нынѣшняго: *Но сердце укрѣпиевъ терпильемъ* стояло: *Но сердце укрѣпиевъ свободой и терпильемъ*. Надпись письма: «Горчакову въ Гурогубинѣ» (мѣстечко въ 40 верстахъ отъ Киншинева, куда Горчаковъ ѣздилъ по службѣ).

Еще весной прошлаго года, кончивъ *Плѣнника*, Пушкинъ писалъ Дельвигу, что у него въ головѣ уже бродятъ новыя поэмы. Онъ начиналъ ихъ, но былъ самъ недоволенъ ими, и либо во все бросалъ, либо уничтожалъ написанное. Только одна изъ этихъ поэмъ, именно *Бахчисарайскій Фонтанъ*, дошла до насъ вполнѣ; *Вадимъ* остался неконченнымъ, а *Разбойниковъ* онъ самъ сжегъ, и теперешній текстъ ихъ есть только отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевского (сына). Кромѣ того есть извѣстiе, что Пушкинъ началъ было писать, вѣроятно тогда же, сатирическую поэму, дѣйствию которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны; сохранилось лишь нѣсколько стиховъ о карточной игрѣ. (VII, 88). Къ 1822-му же году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненiи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаявался, и которая впоследствии возбудила противъ него справедливое негодованiе людей благомыслящихъ и навлекла неприятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ, и сердился, когда ему напоминали о ней. Увѣряютъ, что онъ позволилъ себѣ сочинить ее, просто изъ молодаго литературнаго щегольства. Ему захотѣлось показать своимъ прiателямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни⁸⁷⁾.

Лѣтомъ 1822 года покинули Кишиневъ двое близкихъ знакомыхъ Пушкина: П. С. Пущинъ и М. Ѳ. Орловъ; первый былъ уволенъ вовсе отъ службы, второй отъ должности дивизионнаго на-

⁸⁷⁾ Отъ П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкаго и другихъ.

чальника, съ причисленіемъ къ арміи, оба, по непріятностямъ съ своимъ корпуснымъ генераломъ Сабанѣевымъ. Дивизією въ Кишиневъ сталъ командовать Нилусъ. Орловъ съ женою уѣхалъ въ Крымъ, куда такъ хотѣлось Пушкину, который писалъ тогда свой *Бахчисарайскій Фантанъ*.

Приду на склонъ пригорскихъ горъ,
Воспоминаній гайныхъ полный,
И вновь Таврическаго воина
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

Но ему пришлось сдѣлать совсѣмъ другаго рода путешествіе, и при этомъ обогатиться новыми впечатлѣніями, плодомъ которыхъ въ послѣдствіи была четвертая поэма *Цыганъ*. Во второй половинѣ 1822 года съ нимъ случилась опять исторія. Подробности намъ неизвѣстны, но есть положительное свидѣтельство, что въ это время Пушкинъ опять за картами повздоривши съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, снялъ сапогъ и подошвою ударилъ его въ лице. Инзовъ разослалъ ихъ: Пушкина въ Измаиль, а противника его въ Новоселицу⁸⁸⁾. Г. Анненковъ (матеріалы, стр. 90) говоритъ, что на этотъ разъ Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи, и въ доказательство приводитъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ между прочимъ сказано:

Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный.

Между тѣмъ изъ этого еще нельзя заключать, чтобы стихи были вызваны посвѣщеніемъ мѣста Кагульской битвы: памятника тамъ, сколько мы знаемъ, нѣтъ никакого, и стихи вѣрнѣе будутъ

⁸⁸⁾ Зеленецкій, въ *Москвит.* 1854, № 9, стр. 6, передавая этотъ случай со словъ одного изъ чиновниковъ Намѣстничьей Канцеляріи, В. З. Писаренко, прибавляетъ, что П. С. Пушина тогда уже не было въ Кишиневъ, а что Инзовъ послѣ помирилъ противниковъ.

отнести къ 1827 г., къ известной колоннѣ Румянцева въ Царскомъ, селѣ.

Гораздо опредѣлительнѣе указываетъ на тогдашнюю поѣздку Пушкина небольшое стихотвореніе 1822 года *Баратынскому изъ Бессарабіи*:

Еще до нынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ . .
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега *крутаго*.

Берегъ Дуная въ Измаилѣ дѣйствительно крутъ, а выраженіе про тамошнюю сторону: *она Державинимъ воспѣта* прямо относится къ известной одѣ на взятіе Измаила.

Во всякомъ случаѣ поѣздка въ Измаилъ, по Буджацкой пустынѣ, надолго осталась памятна Пушкину. Онъ наскучилъ кишиневскою жизнью; ему надоѣли городскіе толки, возбужденные его горячностью, и вообще городская жизнь. Въ степяхъ онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевою жизнью, снизойти на первую ступень человѣческаго общежитія. Встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Что это было дѣйствительно такъ, что воспитанникъ богатаго царскосельскаго лица, проводилъ ночи на голой землѣ, у костровъ и подъ шатрами, свидѣтельствуемъ братъ его, сообщившій одно выпущенное прежде мѣсто изъ поэмы *Цыганы*:

За ихъ лѣнливыми толпами
Въ пустыняхъ празный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

То же самое говоритъ Пушкинъ, рассказывая о своей музѣ:

И позабывъ столицы дажной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры

Племень бродящихъ посѣщала,
 И между ними одичала
 И позабыла рѣчь боговъ
 Для скудныхъ, странныхъ языковъ
 Для пѣсень степи, ей любезной....

Любопытно, что въ бумагахъ его нашлась замѣтка о происхожденіи и нравахъ Цыганъ ⁸⁹⁾. Опять виденъ умный и зоркій наблюдатель, умѣвшій собирать съ жизни двойную дань поэзіи и знанія. Казалось бы, что чудныя южныя ночи у цыганскихъ костровъ, съ такою роскошью описанныя имъ, вполнѣ принадлежатъ міру поэзіи; но поэтическое упоеніе въ этой крѣпкой природѣ не исключало хладнокровной наблюдательности. Въ этомъ-то и сила Пушкина. Мѣстами (напримѣръ въ *Цыганахъ*) поэзія его, какъ самыя роскошныя душистые цвѣты, почти что отуманиваетъ голову, и рядомъ тутъ же читатель отрезвляется стройными образами самаго яснаго, разумнаго міросозерцанія.

Поэма *Цыганы*, написанная позже, и внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ своимъ вполнѣ принадлежитъ этому степному странствованію. Весьма вѣроятно, что у Цыганъ Пушкинъ и назывался именемъ *Алеко* (Александръ). Можно догадываться, что тутъ не обошлось также безъ

⁸⁹⁾ «Долго не знали въ Европѣ происхожденія *Цыгановъ* и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донинѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что *Цыганы* принадлежатъ къ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ *Паріа*. Языкъ ихъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни—вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью—вездѣ утомила шфры, принятыя для преобразованія празднои жизни сихъ бродягъ. Они вочують въ Россіи, какъ и въ Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первѣихъ потребностей, торгуютъ лошадами, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками »

любви. Отъ того такая искренность, такая жизненность поэмы. Въ жилахъ поэта текла тоже восточная кровь. Покинувъ душный городъ, гдѣ ему было столько непріятностей, Пушкинъ радовался широкою волею степной жизни:

Подъ сѣнью мирнаго забвенья,
 Пускай цыгана бѣдный внукъ
 Не знаетъ явьгъ и пресыщенья
 И гордой суеты наукъ. ..
 Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
 Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
 Трепеща тайной жаждой мести.
 О Боже! еслибъ мать моя
 Меня родила въ чащѣ лѣса.
 Иль подъ юртой Остяка
 Въ глухой развѣивъ угеса! (VII, 69)

Дорогою въ Измаиль, или можетъ быть на обратномъ пути, Пушкинъ завѣзжалъ въ Тульчинъ, гдѣ находилась, какъ мы сказали, главная квартира корпуса и жили нѣкоторые знакомые его: при одномъ анакреонтическомъ стихотвореніи: *Мальчикъ, солнце встрѣтитъ должно*, означено имъ: *Тульчинъ, 1822.*

Кажется, что къ ноябрю мѣсяцу этого же года слѣдуетъ отнести новую и послѣднюю повѣзку его въ Чигиринскій повѣтъ кievской губерніи, въ село Каменку, въ Давыдовымъ. Тамъ встрѣтился съ нимъ одинъ его петербургскій знакомый, изъ записокъ котораго извлекаемъ слѣдующее мѣсто: „Пріѣхавъ въ Каменку,—разсказываетъ онъ— я былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.... Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я, мы пробыли у Давыдовыхъ цѣлую недѣлю. Пушкинъ и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько же. Мы всякій день

обѣдали внизу у старушки матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостиной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена А. Л. Давыдова, въ послѣдствіи вышедшая въ Парижъ за генерала Себастьяни, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался, и подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала что дѣлать и готова была заплакать. Мнѣ стало ея жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: посмотрите, что вы дѣлаете! Вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дѣтя. „Я хочу наказать кокетку, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня.“ Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общезитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности не ловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ селѣ. При этомъ онъ рассказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то пошло. За то, когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ

поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ одно изъ его неизданныхъ стихотвореній, и онъ очень удивился какъ я его знаю.... Въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ наизусть его запрещенныхъ стиховъ ⁹⁰⁾.

Съ 1822 года положеніе Пушкина въ Кишиневѣ становится все тяжелѣе и для его горячаго нрава невыносимѣе. Разсказанныя нами исторіи должны же были оставить свои слѣды на немъ. Сонъ передъ поединкомъ Пушкинъ въ послѣдствіи сравнивалъ съ ожиданіемъ замѣшкавшейся карты въ азартной игрѣ (VII, 139), и мы уже знаемъ, что онъ дѣйствительно не слишкомъ дорожилъ жизнью и любилъ отважно идти на всякую опасность; но все же эти встрѣчи со смертью необходимо потрясали все его нравственное существованіе и не могли проходить даромъ. Конечно, глядя теперь со стороны, можно съ увѣренностію утверждать, что кишиневская жизнь была полезна Пушкину, какъ поэту, что эти страсти разрабатывали его душу и вызывали намъ изъ нея новые живые звуки, которыми теперь мы такъ наслаждаемся; но каково было самому поэту въ болѣзненные минуты поэтическаго развитія? Вотъ вопросъ. Нашлись ли люди, возлѣ которыхъ онъ могъ отдохнуть, которыхъ участіе было бы не оскорбительно, кому бы онъ могъ вполнѣ открыться и довѣриться? Онъ отвѣчаетъ отрицательно. У него были въ

---

⁹⁰⁾ Въ запискахъ Я—на эта встрѣча съ Пушкинымъ отнесена къ ноябрю мѣсяцу 1820 г.; но, по соображенію обстоятельствъ, это указаніе кажется намъ не точнымъ. Пушкинъ могъ быть въ Каменкѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ либо 1821-го, либо 1822 года.

Кишиневъ добрые пріятели, Алексѣевъ, Горчаковъ, Полторацкій и другіе; но не было настоящаго друга въ родѣ Дельвига, Малиновскаго, Пушина (И. И.), или какимъ былъ позднѣе П. В. Нащокинъ; не было и такихъ людей, какъ Карамзинъ и Жуковскій, къ которымъ бы онъ могъ придти, рассказать все, требовать совѣта и не оскорбляясь выслушать упреки и наставленія. Въ добавокъ, на ту пору, разбрелся и кружокъ М. Ѳ. Орлова. Правда, ихъ горячія, иногда только заносчивыя рѣчи и требованія, въ виду практической неисполнимости, которая не могла укрываться отъ наблюдательнаго и зоркаго поэта, должны были порою тревожить его и наводить грусть; но онъ искренно дорожилъ этими людьми, и отсутствіе ихъ, безъ сомнѣнія было ему чувствительно.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?

Кто не измѣнитъ намъ одинъ?

Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ

Услужливо на нашъ аршинъ?

Кто клеветы про насъ не светъ?

Кому порокъ нашъ не бѣда?

Кто не наскучитъ нѣкогда? (IV, 87).

Такого человѣка, конечно, не было. Между тѣмъ изъ Петербурга приходили неутѣшительныя вѣсти, надежда на возвращеніе изъ ссылки оставалась по прежнему только надеждою, положеніе при Инзовѣ, безъ опредѣленной дѣятельности, было какое-то праздное и двусмысленное, и въ довершеніе всего недостатокъ денежный. Впослѣдствіи Пушкинъ могъ говорить про себя, вспоминая прошедшее:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
 Въ безумствѣхъ внутренней свободы,
Въ неволю, въ бѣдность, въ чужихъ стѣнахъ
 Мои утраченные годы.... (I, 197).

Само собою разумѣется, что большинство людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Кишиневѣ,

не могли дорожить высокими достоинствами поэта, и всего чаще лишены были способности открывать и замѣчать ихъ. Къ тому же имъ досадно бывало видѣть, какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высоко поставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается, и все ему проходитъ. Степенное кишиневское чиновничество не въ силахъ было простить ему напр. небрежнаго наряда. Каково имъ было смотрѣть, какъ онъ разгуливаетъ съ генералами, въ своемъ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, неприбранный и нечесанный, и размахиваетъ желѣзною дубинкою. Въ добавокъ, не попадайся ему, оборветъ какъ разъ. Молодой Пушкинъ не сдерживалъ въ себѣ порывовъ негодованія и насмѣшливости, а въ кишиневскомъ обществѣ было, какъ и вездѣ, не мало такихъ сторонъ, надъ которыми изощрался умъ его. Находчивостью, рѣзкостью возраженій и отвѣтовъ, онъ выводилъ изъ терпѣнья своихъ противниковъ. Языкъ мой—врагъ мой, пословица, ему хорошо знакома. Сюда относится большая часть анекдотовъ, которые ходятъ про него по Россіи. Такъ, напр., на одномъ обѣдѣ въ Кишиневѣ, какой-то солидный господинъ, охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, вздумалъ увѣрять, что водка лучшее лекарство на свѣтѣ, и что ею можно вылечить даже отъ горячки. „Позвольте усумниться,“ замѣтилъ Пушкинъ. Господинъ обидѣлся, и назвалъ его *молокососомъ*.—„Ну, ужъ если я *молокососъ*, сказалъ Пушкинъ, то вы конечно *винососъ*.“—И вотъ уже врагъ, готовый радоваться всякой ошибкѣ и распускать вся-

кую клевету! Какая-то дама, гордая своими прелестями и многочисленностью поклонниковъ, принудила Пушкина написать ей стихи въ альбомъ. Стихи были написаны, и въ нихъ до небесъ восхвалялась красота ея, но внизу, сверхъ чаянія, къ полѣйшей досадѣ и разочарованію, оказалась помѣтка: *1 Апрель* ⁹¹⁾. Подобныхъ случаевъ, безъ сомнѣнія, было не мало. Кто-то выразился про Пушкина, играя словомъ *бессарабскій* съ намекомъ на его фizioномію: *бѣсъ-арабскій*. Иногда поэту приходилось тяжело въ обществѣ, враждебно противъ него настроенномъ. Въ альбомѣ Онѣгина есть строфа, въ которой выражены эти отношенія:

Меня не любятъ и клеветуютъ;
 Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
 Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
 Косятся дамы на меня.
 За что? За то, что разговоры
 Врѣзать мы рады за дѣла,
 Что важнымъ людямъ важны вздоры,
 Что глупость вътрена и зла;
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

Такъ онъ писалъ про себя, сознавая хорошо свое положеніе. Но пенять на судьбу, жаловаться на то, что его не понимаютъ, выставлять себя на показъ, было вовсе не въ его нравъ. „Бюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ,“ — только этимъ и выражались его пени, даже и въ письмахъ къ ближайшимъ людямъ. Озлобленія въ немъ незамѣтно. Съ гордымъ равнодушіемъ, онъ продолжалъ являться всюду, и по прежнему посѣщалъ разнообразное кишиневское общество. На ту пору оно сдѣлалось еще пестрѣе. Вслѣдствіе греческаго возстанія, которое въ 1822

⁹¹⁾ В. П. Горчакова: *Выдержки изъ Дневника*.

году охватило уже всю Турцію, многія семейства изъ княжествъ и изъ самой Турціи, спасались бѣгствомъ въ Россію, и находили убѣжище между прочимъ въ Кишиневѣ. Такъ, напр., въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ Пушкинъ мимоходомъ упоминаетъ, что въ 1822 году, какая-то „старая молдаванская княгиня, набѣденная и нарумяненная,“ умерла въ его присутствіи отъ холерныхъ припадковъ (I, 281). Къ тому же 1822 году относится временное сближеніе его съ однимъ греческимъ семействомъ, какъ показываютъ тогдашніе стихи въ *Гречанкѣ* (*Ты рождена воспламенить воображеніе поэтовъ*). Это была извѣстная въ Кишиневѣ Калипсо, пріѣхавшая изъ Константинополя вмѣстѣ съ матерью своею Полихроніей и съ другими Греками. Калипсо была красавица, но ее нѣсколько безобразилъ длинный носъ. Она прекрасно пѣла съ гитарой турецкія пѣсни: Пушкинъ тогда восхищался Байрономъ, а про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встрѣтилась съ знаменитымъ лордомъ и впервые познала любовь въ его объятіяхъ:

Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ; —
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой,
И ты склоняся къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ....

Сближеніе съ Байрономъ безъ сомнѣнія придавало Калипсѣ особенную заманчивость въ глазахъ Пушкина; но любовь къ ней была минутнымъ увлеченіемъ. Стихи свои (великолѣпные, но сравнительно-холодные) Пушкинъ скоро отдалъ въ печать (съ полнымъ своимъ именемъ), и уже одно это обстоятельство достаточно показываетъ, что настоящей любви тутъ не могло

быть. Черезъ годъ Пушкинъ знакомилъ съ Калипсо и ея матерью одного прїѣзжаго ⁹²⁾, и по словамъ его, въ немъ уже не оставалось и слѣдовъ любовнаго жара.

Другое стихотвореніе, біографическаго содержанія, принадлежащее къ 1822 году, это къ *Друзьямъ*. Оно написано послѣ прощальной пирушки, которая устроилась у братьевъ Полторацкихъ по случаю отъѣзда изъ Кишинева общаго прїятеля ихъ свитскаго офицера *Валерія Тимофеевича Кека*. Пушкинъ говоритъ, что друзья отличили его особой почетной чашею:

... жажду скинскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

Пили изъ складныхъ походныхъ стакановъ, которые вставляются одинъ въ другой; Пушкину дали самый большой, наружный:

Я пилъ, и дуною сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Превосходный, художественный разборъ этой піесы, которая такъ живо изображаетъ положеніе ссыльнаго поэта въ Кишиневъ, среди военной молодежи, находимъ у Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 330). „Пушкинъ—говоритъ онъ—никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звѣнитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души, и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхиваетъ головою, какъ левъ гривую, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бод-

---

⁹²⁾ Ф. Ф. Вигеля, прїѣхавшаго тогда на службу въ Кишиневъ. Покойный Вигель, въ 1853 году, позволилъ намъ сдѣлать отмытки изъ его Записокъ и выписать мѣста, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ.

рости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ.“

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей

Поэтъ самъ былъ доволенъ этими стихами, и отослалъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они потомъ прочитаны были въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ домѣ Д. А. Державиной, и въ печати появились съ полнымъ его именемъ ⁹³⁾.

Совсѣмъ другаго содержанія, но также въ біографическомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и важны стихи 1822 года: *Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный*, набросанные, неконченныя Пушкинымъ, и сохранившіеся въ двоякомъ видѣ, черновомъ и болѣе отдѣланномъ (II, 323—325):

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпаго,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покровя!
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя:
Ты чуждо мысли человека.
Тебя страшится гордый умъ!...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?

⁹³⁾ Въ XXII-й части Трудовъ Вол. Общества Люб. Р. Словесности (1823 года) въ Лѣтописяхъ общества, въ описаніи этого публичнаго засѣданія, (22 мая), на стр. 296 и 297 сказано, что одинъ изъ членовъ общества, «цензоръ бібліографіи» А. А. Бестужевъ прочелъ *Процаніе*, сочиненіе А. С. Пушкина (въ стихахъ). Такого стихотворенія за то время мы не знаемъ у Пушкина, и думаемъ, что *Процаніе* названы здѣсь стихи къ *Друзьямъ*.

Эти мысли о смерти, о загробной жизни, о бессмертіи души, находятся очевидно въ связи съ тогдашними его обстоятельствами. Можетъ быть, стихи эти и написаны навалунѣ одного изъ поединковъ.

Наконецъ есть еще стихотвореніе 1822 года, въ которомъ отразилась его Кишиневская жизнь, это *Уединеніе*. Послѣ сообщенныхъ выше подробностей, тутъ каждое слово становится понятно и получаетъ смыслъ автобіографическій:

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали *взыскательныхъ* невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глушца,
Отъ пробудителя нахала.

Такъ и видится Пушкинъ въ его уединенной комнатѣ, подъ развалинами, на отдаленномъ концѣ Кишинева; онъ на время мирится съ судьбою и работаетъ, полный памятью о прежнихъ веселыхъ дняхъ и оживляемый надеждою на болѣе свѣтлое будущее.

Эти воспоминанія и надежды относились къ Петербургу. Почти все время Кишиневской жизни Пушкинъ рассчитывалъ, что ссылка его скоро кончится, и что ему позволятъ возвратиться въ столицу. Еще въ 1821 году, въ письмѣ къ брату (27 іюля) онъ говоритъ: „Пиши ко мнѣ, покамѣсть я еще въ Кишеневѣ.“ Въ письмахъ 1822 года безпрестанно выражается надежда на скорое свиданіе. Къ брату онъ пишетъ, отъ 24 января: „Постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе“; 21 іюля: „Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться, мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь“; 6 октября:

„Я карабкаюсь, и можетъ быть явлюсь у васъ, но не прежде будущаго года.“ Тоже самое въ письмѣ къ Катенину, отъ 19 іюля, говоря о постановкѣ на сцену Корнелевой трагедіи Сиды, переведенной Катенинымъ: „Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимою, по крайней мѣрѣ постараюсь“; или къ Я. Н. Толстому, отъ 26 сентября: „Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ.“

Такъ какъ официальной ссылки не было, то Пушкинъ вѣроятно надѣялся, что его переведутъ по службѣ обратно въ Петербургъ, или хоть уволятъ въ отпускъ. Черезъ кого шли эти сношенія, у кого именно просилъ онъ ходатайства, опредѣлительно мы не можемъ сказать, по крайней мѣрѣ по имѣющимся у насъ матеріаламъ. Знаемъ только, что онъ писалъ письмо къ гр. Нессельроду, который тогда завѣдывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ ^{*)}). Весьма вѣроятно, что заступниками и ходатаями были тѣ же лица, что и прежде, Карамзинъ, Жуковскій и братья Тургеневы. Но испросить помилованіе было довольно трудно. Обстоятельства не только не улучшились сравнительно съ 1820-мъ годомъ, когда Пушкинъ оставилъ Петербургъ, напротивъ сдѣлались еще тяжелѣе. Въ самый годъ удаленія Пушкина, произошла Семеновская исторія; въ министерствѣ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ по роду своей дѣятельности, наступили времена крутыя; профессора Куницынъ и Арсеньевъ потерпѣли по службѣ; имѣлъ большое вліяніе знаменитый ревизоръ Магницкій, торжествовало его

^{*)} Въ письмѣ къ брату отъ 6 октября 1822 г.: „Министру я писалъ, онъ и въ усъ не дуетъ.“

направление, и въ 1822 году даже самый Царскосельскій Лицей переданъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Къ тому же, удаленный по Высочайшему (хотя и не гласному) повелѣнію, Пушкинъ не иначе могъ быть и возвращенъ. Отлучки императора Александра, его безпрестанныя поѣздки то во внутреннія губерніи, то за границу, на Люблянскій и Веронскій конгрессы, тоже могли быть помѣхою. Къ императору естественно посылались только дѣла первой важности, и отнюдь не могла быть послана бумага о перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое какого-нибудь коллежскаго секретаря Пушкина. Отъ того Пушкина такъ занимаетъ вопросъ, когда возвратится государь. (Письмо къ брату отъ 30 января 1823 года). Неувѣренность въ своемъ положеніи, надежда, что можетъ быть завтра выдетъ разрѣшеніе ускакать изъ Кишинева, должны были усиливать душевную тревогу Пушкина. Онъ жилъ изо дня въ день, какъ-будто не на мѣстѣ, и безпрестанно собираясь въ дорогу.

За невозможностью свиданія, сношенія съ петербургскими друзьями ограничивались перепискою, и то довольно рѣдкою, отрывочною. Переписка эта далеко не вся обнародована, и можетъ быть значительная часть ея утратилась: время и быстрая смѣна обстоятельствъ истребляютъ слѣды прошедшаго, и къ тому же не въ нашихъ нравахъ было дорожить письмами и беречь ихъ. Впрочемъ, просимъ читателей помнить, что мы не пишемъ полной и связной біографіи Пушкина, а только собираемъ и приводимъ въ порядокъ матеріалы для нея. Доступа къ бумагамъ Пушкина и его ближайшихъ друзей мы не имѣли; можетъ быть, многое изъ тогдашней переписки его еще сберегается и совреме-

немъ будетъ сообщено во всеобщее свѣдѣніе. Сколько можно судить по тому, что у насъ есть, Пушкинъ хотя и переписывался со многими лицами, но довольно рѣдко. Онъ былъ слишкомъ молодъ и безпеченъ и слишкомъ надѣялся на скорое свиданіе, чтобы вести правильную и постоянную переписку за полторы тысячи верстъ. — Съ Карамзинимъ, какъ кажется, онъ вовсе не переписывался: лѣта и положенія были слишкомъ разны. Не знаемъ, удѣляли ли письма его къ А. И. Тургеневу; но онъ навѣрное писалъ къ нему. Самъ Тургеневъ говоритъ въ одномъ изъ отрывковъ своей *Хроники Русскаго изъ Паризжа*, что перебирая бумаги, попалъ на письмо къ нему Пушкина изъ Кишинева, отъ 21 августа 1821 года. „Письмо коротко, замѣчаетъ Тургеневъ, но ноготокъ востеръ“⁹⁵⁾. Въ 1822 году онъ ему послалъ свою *Письмъ о вѣщемъ Олгий*, такъ какъ Тургеневъ былъ большой охотникъ до русской старины. Черезъ Жуковскаго шли, кажется, переговоры о возвращеніи изъ ссылки; но Пушкинъ жалуется брату, что рѣдко получаетъ письма отъ Жуковскаго, просить, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ продиктовалъ своему человѣку Якову нѣсколько строчекъ къ нему. Дѣло въ томъ, что Жуковскій въ 1820 и 1821 г. ѣздилъ за границу съ великой княгиней Александрой Теодоровной и потомъ былъ обремененъ своею должностію при дворѣ. Тогдашнія письма къ Чадаеву, какъ мы видѣли, утратились; но Пушкинъ не забывалъ своего друга, что показываютъ два стихотворныя посланія, одно изъ Крыма, другое изъ Бессарабіи. Писемъ къ Баратынскому, тоже, какъ мы слышали, не сохранилось, хотя они навѣрное были, какъ вид-

⁹⁵⁾ См. *Современникъ* 1841 года, томъ XXV, стр. 5.

но по двумъ обращеніямъ къ нему въ стихахъ (1822), находящимся въ печати. Безъ сомнѣнія также шла переписка съ Н. Раевскимъ-сыномъ, съ М. Ѡ. Орловымъ послѣ его отъѣзда изъ Кишинева, съ Д. В. Давыдовымъ и др. Изъ тогдашнихъ писемъ къ П. А. Катенину напечатано въ изданіи Анненкова (I, 58) только одно письмо отъ 19 іюля 1822 года, и тамъ же изложены бывшія между ними недоумѣнія. Въ письмѣ этомъ особенно видно для біографіи Пушкина слѣдующее, для насъ пока не совсѣмъ понятное, мѣсто: „Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ былъ я жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ?“ *Минутные друзья минутной молодости*, общество гусарское и Зеленой Лампы, Всеволожскій, Каверинъ, Юрьевъ, Мансуровъ, Молоствовъ, Василій Олсуфьевъ и другіе забыли Пушкина въ его далекой ссылке: „Два года и шесть мѣсяцевъ нити ни строки, ни слова“, пеняетъ Пушкинъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ одному изъ нихъ, Я. Н. Толстому (I, 187). Не знаемъ, была ли переписка съ Малиновскимъ и И. И. Пущинымъ; но къ третьему лицейскому другу своему, барону Дельвигу, Пушкинъ написалъ изъ ссылки въ первый разъ только въ мартѣ 1821 года (см. выше) извѣстное письмо прозою и стихами. Все-таки, если бы можно было собрать и издать эти письма вмѣстѣ съ отвѣтами, такая книга вышла бы наилучшимъ поясненіемъ жизни нашего поэта, и въ то же время была бы живою картиною тогдашняго умственнаго и литературнаго движенія въ Россіи.

Переписка, болѣе или менѣе непрерывная, поддерживалась, кажется, только съ братомъ. Къ сожалѣнію и она дошла, по крайней мѣрѣ

до насъ, не вполнѣ; вопервыхъ мы не имѣемъ отвѣтныхъ писемъ брата, вовторыхъ самыя письма Александра Сергѣевича очевидно не всѣ уцѣлѣли ⁹⁶⁾. Левъ Сергѣевичъ, не кончивъ курса въ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ, проживалъ въ Петербургѣ въ домѣ родителей, не имѣя опредѣленныхъ занятій и не торопясь поступать на службу. Въ 1822 году, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, ему было всего 16 лѣтъ. Онъ былъ очень похожъ на брата и лицомъ, и отчасти нравомъ. Пріатели Пушкина любили его, онъ имъ живо напоминалъ ссыльнаго поэта. Къ тому же онъ имѣлъ родовую склонность къ занятіямъ словесностью. Такимъ образомъ Левъ Сергѣевичъ прямо съ ученической скамейки вступилъ въ кружокъ друзей своего брата. Пушкинъ покинулъ его въ Петербургѣ еще совсѣмъ мальчикомъ, и долгое время потомъ сохранялъ въ отношеніи къ нему нѣжное и въ тоже время покровительственное чувство старшаго брата. Въ воспоминаніяхъ о Петербургѣ онъ занималъ у него первое мѣсто, и мы видѣли, какъ онъ заботливо поручаетъ его Дельвигу. Переписываться съ нимъ, знать о немъ было для него потребностью сердца. Выше приведено письмо его къ брату съ рассказомъ о

---

⁹⁶⁾ Левъ Сергѣевичъ скончался въ Одессѣ въ 1854 году. Тогда же я обратился съ просьбою къ опекуну дѣтей его, С. А. Соболевскому, поискать въ его бумагахъ писемъ Пушкина. Изъ нижегородской деревни прислана была пачка писемъ, всего 34. С. А. Соболевскій позволилъ намъ снять съ нихъ копіи, которыми мы теперь и пользуемся. Потомъ письма эти были напечатаны въ *Библиогр. Запискахъ* 1858 г. (№ 1 2 и 4), но не вполнѣ, и не въ строгомъ порядкѣ.— Писемъ было конечно больше, нежели сколько теперь у насъ въ рукахъ. Недавно найдено еще одно чрезвычайно любопытное письмо (1825 года) г. Титовымъ въ бумагахъ П. М. А—вой и напечатано въ *Библиогр. Запискахъ* 1861, № 13.

путешествіи, и другое, французское, съ наставленіями, какъ вести себя въ свѣтъ. Отъ 1821 года уцѣлѣло только одно письмо (27 іюля) изъ котораго два отрывка, съ вопросами о новостяхъ словесности, и съ порученіемъ къ Всеволожскому, также приведены выше. „Здравствуй, Левъ,—пишетъ онъ ему — не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь; я называю дѣльнымъ все что касается до тебя. Пиши ко мнѣ пока мѣсть (sic) и еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью.... Скажи ему (Всеволожскому), что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, лампу его и все елико друга моего ⁹⁷⁾. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія Калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.“ Эти порученія ввели Льва Сергѣевича въ общество Зеленой Лампы и познакомили совсѣми его шалостями. „Принимай мнѣ Тавриду Боброва,“ заключаетъ Пушкинъ. *Таврида или мой льтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ* — старинная псэма, сочиненіе Семена Боброва (Николаевъ 1798). Пушкину захотѣлось взглянуть на нее: онъ тогда занятъ былъ своимъ *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ*.

---

⁹⁷⁾ V. C. P.—значить *Veuve Cliquot Pontchadrain*—клеймо на пробкахъ шампанскаго. Что такое L. D., не знаемъ. Авдотья Ивановна Овошникова—петербургская тапцовщица. Калмыкъ—мальчикъ, слуга у Всеволожскаго. См. о немъ замѣтку г. Журавлева въ *Москов. Вѣдом.* 1855 г., № 143. —Для характеристики этого общества молодыхъ повѣсь можно прибавить, что у нихъ напр. разыгрывалось *Изгнаніе Адама и Евы изъ рая*, а одинъ изъ нихъ назывался *содоомскимъ гражданиномъ*. Кто такіе были Юрьевъ и Мансуровъ—не знаемъ.

Отъ 1822 года сохранилось четыре письма къ брату. „Сперва хочу съ тобою поборниться — пишеть Пушкинъ 24 генваря — какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полу-французское письмо, ты не московская кузина; во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки: ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ. Жалѣю: болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынь (sic) не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать мою эгегическую мизантропію, — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя, это меня бѣситъ. Я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ, чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе.“ Далѣе говорится о посылкѣ *Кавказскаго Пльнника* Гречу, что приведено у насъ выше. „Спроси Дельвига, здоровъ ли онъ—продолжаетъ Пушкинъ — все ли, слава Богу, пьеть и кушаетъ; каково нашеъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ *Сынъ* (безъ подписи и безъ ошибокъ)³⁸⁾. Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, въ ней каждый стихъ правда.“ Слѣдуютъ двѣ эпиграммы: *Иной имѣлъ мою Аглаю*, и другая на Каченовскаго. „Покушай, пожалуйста — кончаетъ онъ—Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.“ И стихи, и особенно эпиграммы, разумѣется, разнеслись по Петербургу. Левъ Сергѣевичъ становился вездѣ пріятнымъ гостемъ:

³⁸⁾ Какіе именно эти стихи, мы не могли доискаться.

отъ него можно было узнать новые стихи и остроты ссыльнаго брата.

Отъ 21 іюля: „Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не сважу. Мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ русской службѣ должно непременно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь, слѣдственно разочти. Тебѣ сважутъ: учишь, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи, ученіе не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все въ лучшему. Свужи мнѣ, выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человекомъ. Скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ *И сплетней разбирать игривую затлю*; я получилъ отъ него полукислое письмо, онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ. Не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя. Что мой *Русланъ*? Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? Читалъ ли ты мои стихи ему посланные? Что *Пльнникъ*? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ

писали, что Батюшковъ помѣшался. Быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь, и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? Есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. Отцу пишу въ деревню^{4 99)}.

Отъ 4 сентября. „На прошедшей почтѣ (виновать съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чѣмъ. Во-первыхъ о службѣ. Ес-либъ ты пошелъ въ военную, вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевского, скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію. Раевскій и Киселевъ оба не откажутся. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слѣгка, дѣло идетъ о жизни. Теперь, моя радость, поговорю о себѣ.“

⁹⁹⁾ Батюшковъ въ это время, вернувшись изъ Италіи, жилъ на Каменномъ острову, уже нѣсколько поврежденный въ умъ. Вскорѣ его послали лечиться въ Крымъ; въ Симферополь онъ покушался было на жизнь свою, но потомъ къ нему опять приходили ясныя минуты, умъ его проявился во всемъ своемъ природномъ блескѣ и онъ даже писалъ прекрасные стихи. Въ январь 1823 г. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ брату: «Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутить» — Дельвигъ служилъ тогда въ имп. публичной библіотекѣ. — В. К. Кюхельбекеръ, кажется, жилъ въ Парижѣ, на службѣ въ канцеляріи Нарышкина — Баратынскій, тогда подпрапорщикъ Нейшлотскаго пѣхотнаго полка, пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Фридрихсгама. Нѣкоторое сходство участи влекло особенно къ нему Пушкина. — О В. И. Козловъ знаемъ только, что въ 1823 году онъ издавалъ съ Воейковымъ *Новости Литературы*.

Слѣдуетъ опять порученіе къ Всеволожскому касательно запродаанныхъ стиховъ.

Какъ ни мало печаталъ Пушкинъ въ сравненіи съ другими писателями, но литературное значеніе его быстро возрастало. Еще до появленія въ печати *Кавказскаго Пльнника*, къ Пушкину обращены уже были ожиданія любителей словесности и читающей публики. Издатели журналовъ начинали заискивать его участія. Въ первой половинѣ 1822 года, гвардіи драгунскаго полка поручикъ *Александръ Александровичъ Бестужевъ* и отставной артиллеріи подпоручикъ *К. Р.* задумали составить сборникъ изъ разныхъ новыхъ произведеній русской словесности, на подобіе тѣхъ литературныхъ календарей или альманаховъ, которые тогда въ Германіи и Англіи во множествѣ выходили къ каждому новому году. У насъ, кажется, такого рода изданій прежде не было, если не считать *Домидъ* Карамзина, появившихся еще въ прошломъ столѣтіи. Оба издателя, люди молодые и талантливые, побывавшіе съ войсками въ чужихъ краяхъ и въ Парижѣ, были уже довольно пзвѣстны въ печати. *Р.* помѣстилъ въ журналахъ нѣсколько историческихъ *Думъ*, а Бестужевъ еще до 1822 года принадлежалъ къ замѣчательнымъ дѣятелямъ въ словесности. Перебирая тогдашніе журналы съ 1819 года, безпрестанно встрѣчаешь его имя и удивляешься разнообразію его занятій. Онъ переводитъ съ польскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, обнаруживаетъ замѣчательныя познанія и въ русской исторіи и въ старинной нашей словесности, представляетъ въ общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія (гдѣ былъ цензоромъ библіографіи) какой-то каменный лень, пишетъ повѣсти и рассказы, изъ

которыхъ сдѣлалась особенно извѣстною *По-
яздка въ Ревель*, но всего чаще является какъ
остроумный критикъ ¹⁰⁰). Мнѣнія его были всег-
да оригинальны и свѣжи, выражались смѣло и
съ убѣжденіемъ. Преслѣдуя, напр., своими за-
мѣчаніями Катенина, одного изъ представите-
лей шишковской партіи, онъ въ тоже время не
только не увлекается Карамзинымъ, но даже
отвергаетъ предложенія его почитателей, кото-
рые хотѣли познакомить его съ исторіогра-
фомъ ¹⁰¹).

Изъ своей ссылки Пушкинъ не могъ не обра-
тить на него вниманія. Впрочемъ и Р. и Бес-
тужевъ встрѣчались съ Пушкинымъ еще до 1820
года, и были потомъ хорошо знакомы съ его
пріятелями барономъ Дельвигомъ и Баратын-
скимъ. Собираясь издать *Полярную Звѣзду*,
Бестужевъ обратился къ Пушкину съ просьбою
о стихахъ для этого альманаха, или, какъ они
тогда называли, календаря. Вотъ отвѣтное пись-
мо Пушкина, изъ Кишинева, отъ 21 іюня 1822
года: „Милостивый государь Александръ Алек-
сандровичъ, давно собирался я напомнить вамъ
о своемъ существованіи. Почитая прелестное
ваше дарованіе и, признаюсь, неволью любя
ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться
съ вами на письмѣ не изъ одного самолюбія,
но также изъ любви въ истинѣ. Вы предупре-

---

¹⁰⁰) Псевдонимъ *Марлинскаго*, подъ которымъ впослед-
ствіи такъ прославился Бестужевъ въ нашей словесности,
былъ имъ принятъ еще въ 1822 году. Въ *Сынъ Отече-
ства* встрѣчаются его критическіе разборы съ этою под-
писью: *Марли*—такъ называется одинъ изъ Петергофскихъ
дворцовъ. Тамъ вѣроятно стоялъ драгунскій полкъ, въ кото-
ромъ служилъ Бестужевъ.

¹⁰¹) См. *Русскій Вѣстникъ* 1861, мартъ и апрѣль, въ
письмахъ Бестужева къ братьямъ Полевымъ.

дили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю по неволѣ, и благодарю васъ какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобы они вамъ пригодились. Бланияйтесь отъ меня NN, старинной моей пріятельницѣ. Кажется, голубушка еще не поумнѣла. Не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія. Отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Старушку повидимому настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напримѣръ, услужливаго П—ва, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по *Тавриду*). Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. О. Рылѣва; они порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.“

Этимъ начались сношенія. Вскорѣ Пушкинъ заочно подружился съ Бестужевымъ, и между ними завязалась довольно дѣятельная переписка, продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ сряду, и судя потому, что у насъ есть изъ нея, очень важная для исторіи Русской словесности. Въ то время Бестужевъ еще принадлежалъ къ числу пылкихъ почитателей Пушкина. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ перемѣнилъ мнѣнія свои.

Бессарабскими бреднями, отданными въ *Полярную Звѣзду*, Пушкинъ называетъ *Мечту*

воина, Овидію, Гречанкѣ и Элегію (*Увы! зачѣмъ она блистаетъ*). О первыхъ трехъ стихотвореніяхъ мы уже говорили; кому или про кого написано четвертое, относящееся къ 1819—1820 годамъ, намъ неизвѣстно. Печатаніе стиховъ видимо занимало Пушкина. „Въ посланіи къ Овидію—поручаетъ онъ брату (4 сент. 1822)—перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ, дивись, Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненъе жизни ратной,
Привыкнувъ и пр.....”

Мы уже видѣли, что любимые стихи эти появились въ печати не такъ, какъ они были написаны. Въ это же самое время вышелъ въ свѣтъ и *Кавказскій Пльнникъ*. Пушкинъ, какъ кажется, оживился; письма его наполняются запросами о томъ, что дѣлается въ литературѣ. „Кстати объ стихахъ — продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ—то что я читалъ изъ *Шильонскаго узника*, прелесть. Съ нетерпѣніемъ жду успѣха *Орлеанской*....; но актеры, актеры! 5-стопные стихи безъ риемы требуютъ совершенно новой декламациі. Слышу отсюда драмо торжественный ревъ *Глухорева*. Трагедія будетъ сыграна тономъ смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ какъ она окружена: Господи защити и помилуй, но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя.“ Предположенія Пушкина не сбылись: Жуковскій не ставилъ на сцену своего перевода *Орлеанской дѣвы*, и актеру Глухареву не пришлось декламировать пятистопныхъ стиховъ безъ риемы.—Далѣе въ томъ же письмѣ Пушкинъ говоритъ о литературныхъ упражненіяхъ своего товарища Кюхельбекера, какихъ именно, мы не могли доискаться: „Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ!

Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ мифологіей и героизмомъ, славянорусскими стихами, цѣлкомъ взятыми изъ Іереміи. Чтобы сказали Гомеръ и Пиндаръ, но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? *Ода къ Ерм.* лучше, но стихъ: *Такъ пльзъ въ Суворова влюбленъ Державинъ.* .. слишкомъ уже греческой. Стихи къ Грибоводову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: *Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрешенный, толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людямъ принадлежацій и проч.* Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига.⁴ Видно, какъ Пушкинъ весь былъ преданъ словесности, какъ его занимали самыя мелочи въ этомъ отноше- ній.

Слѣдующее за тѣмъ мѣсто того же письма дало Пушкину новаго корреспондента изъ Петербурга и повело потомъ къ крѣпкой на всю жизнь дружеской связи. Мы говоримъ о возникшей въ 1822 год, перепискѣ нашего поэта съ другимъ тогдашнимъ критикомъ и стихотворцемъ *Петромъ Александровичемъ Плетневымъ.* Въ первый разъ П. А. Плетневъ встрѣтилъ Пушкина въ домѣ его родителей, когда онъ былъ еще лицеистомъ. Потомъ, служа вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ въ Екатерининскомъ институтѣ, онъ черезъ него сошелся и подружился съ Дельвигомъ. Всѣ трое хаживали на литературныя субботніе вечера къ Жуковскому, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ. Тамъ они и познакомились. Любовь къ словесности соединяла молодыхъ людей. Поздними вечерами они возвращались вмѣстѣ отъ Жуковского, и въ одушевленныхъ

бесѣдахъ не замѣчали дальнихъ разстояній столицы. Плетневъ напечаталъ тогда романъ одного своего покойнаго товарища студента *Ивана Георгіевскаго: Евгений или письма къ другу*“ (Спб. 1818. 12^о 2 части), и къ этому довольно слабому произведенію написалъ предѣловіе, въ которомъ рассказана жизнь рано умершаго сочинителя. „Зачѣмъ вы напечатали романъ—замѣтилъ ему Пушкинъ — вамъ бы выдать одно предисловіе, это вещь прелестная.“ Сношенія пока ограничивались обыкновеннымъ знакомствомъ, а потомъ Пушкинъ уѣхалъ. Въ 1821 году, въ 8-мъ (февральскомъ) номерѣ *Сына Отечества* появилась безъ подписи Элегія Плетнева, подъ заманчивымъ заглавіемъ *Б—овъ изъ Рима*¹⁰²). Поэтъ Батюшковъ жилъ тогда въ Италіи, и отъ него ждали новыхъ стиховъ. Вышла забавная мистификація. Профессоръ Кошанскій въ Лицеѣ, прочитавъ Элегію своимъ слушателямъ, говорилъ: Вотъ сей часъ видѣнъ талантъ, чувствуется стихъ Батюшкова. Въ литературныхъ кружкахъ разошелся слухъ, будто Элегія написана Батюшковымъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; но въ 1822 году поэтъ возвратился въ Петербургъ, и какъ извѣстно, въ безпокойномъ, близкомъ къ помѣшательству, состояніи. Слухъ объ Элегіи дошелъ до него, и по справкѣ оказалось, что она получена въ журналъ отъ Плетнева. Батюшковъ подозрѣвалъ тогда, что у него множество враговъ, желающихъ уронить его славу, что противъ него какой-то заговоръ и что Плетневъ нарочно выбранъ, чтобъ повредить ему. Пушкину обо всемъ написали въ Кишиневъ, и на это онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Ба-

¹⁰²) Въ *Сынѣ Отечества* 1822 г., № 7 напечатано стихотвореніе Плетнева *Ж—ий изъ Берлина*, съ подписью Жуковскій передъ тѣмъ ѣздилъ въ Берлинъ.

тюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣствъ я бы съ ума сошелъ со злости. *Б. изъ Рима* не имѣеть человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ очень мила ¹⁰³). Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза нѣжели (sic) стихи. Онъ не имѣеть никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ какъ мертвецъ. Влѣняйся ему отъ меня и пр.“ Левъ Сергѣевичъ не отличался скромностью. Письма отъ брата читались у него цѣлою компанією. Тогда Плетневъ послалъ въ Кишиневъ по почтѣ извѣстное прекрасное посланіе свое:

Я не сержусь на вѣдкій твой упрекъ:
 На немъ печать твоей открытой силы;
 И можетъ быть, взыскательный урокъ
 Ослабшія мои возбудитъ крылы.
 Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
 Утѣшишь хваши простонародной:
 Я узнаю судью моихъ стиховъ,
 А не льстеца съ улыбкою холодной.
 Притворство прочь. На поприщѣ моемъ
 Я не свершилъ достойное поэта:
 Но мысль моя божественнымъ огнемъ
 Въ минуты думъ не разъ была согрѣта и пр.

Читая теперь это посланіе, видишь, какъ сбылось предчувствіе, выраженное въ концѣ его:

Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано,
 Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ ¹⁰⁴).

Такое простое, благородное и откровенное обращеніе не могло не тронуть Пушкина; онъ отвѣчалъ Плетневу какъ давнишнему пріятелю, а своему брату написалъ 6 октября: „Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть,

¹⁰³) Чтò такое *Новость на Олимпѣ*, намъ не понятно.

¹⁰⁴) Въ то время не спѣшили печатаніемъ. Посланіе Плетнева появилось въ свѣтъ только въ 1824 году, въ *Трудахъ Вольнаго Общ. Люб. Рус. Слов.* въ XXVI-й (апрѣльской) части.

то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнѣмъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами; вся моя ссора съ Толстымъ ¹⁰⁵⁾ происходитъ отъ нескромности к. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его шесса, которая вырвалась отъ полноты чувства. Она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднѣмъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему.“—Надо прибавить, что передъ тѣмъ, въ іюльской (XIX) части *Трудовъ Общества Любителей Русской Словесности* появилась статья Плетнева объ антологическихъ стихотвореніяхъ, гдѣ нѣсколько теплыхъ, сочувственныхъ страницъ посвящено разбору Пушкинскихъ стиховъ *Муза*, а въ слѣдующей за тѣмъ октябрьской части того же журнала напечатанъ его разборъ *Кавказскаго Пльнника*, замѣчательный по строго-нравственному требованію, предъявленному критикомъ въ отношеніи характера самаго *Пльнника* (стр. 41 и 42) „Несчастнѣмъ любовникъ могъ бы сказать ей: „мое сердце чуждо новой любви;“ но кто имѣетъ причину признаваться, что онъ *не стоитъ восторговъ* невинности, тотъ разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности... Впрочемъ, встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи.“ Къстати ска-

¹⁰⁵⁾ Съ гр. Ѳ. Н. Толстымъ (Объ этой ссорѣ будетъ рѣчь въ 6-й главѣ нашего труда)

зять здѣсь, что пропуски, означаемые рядомъ точекъ и въ послѣдствіи въ такомъ обиліи появившіеся въ *Опытки*, давали поводъ къ обвиненію, будто Пушкинъ нарочно ставитъ ихъ для возбужденія любопытства читателей. Издѣваясь надъ этимъ, Грибоѣдовъ прислалъ однажды письмо въ Петербургъ, начинавшееся множествомъ точекъ.

Вскорѣ въ перепискѣ между Пушкинымъ и Плетневымъ *вы* замѣнилось словомъ *ты*, и они совершенно сблизились.

Намъ остается еще сказать о двухъ припискахъ въ томъ же письмѣ къ брату отъ 4 сентября. Одна французская: „*Mon père a eu une idée lumineuse, c'est celle de m'envoyer des habits, rappelez la lui de ma part.*“ Это порученіе напоминаетъ стихи 1822 года *Жалоба*:

Увы! някто въ моей родѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ ¹⁰⁶).

---

¹⁰⁶) Кромѣ упомянутыхъ нами, къ 1822 году относятся еще слѣдующія стихотворенія:

1) 2) *Два Путника и Сонъ*—

это отрывки неоконченной поэмы *Вадимъ*, изъ которой пріятели Пушкина помнятъ еще два неизданные стиха:

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа.

Жива въ ихъ памяти славянская свобода.

3) *Посланіе къ Ѡ. Н. Глинкѣ*.

(Когда средь оргій жизни шумной). Ѡ. Н. Глинка служилъ тогда при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ гр. Милорадовичѣ. Не черезъ него ли, можетъ быть, шли сношенія о позволеніи Пушкину возвратиться въ Петербургъ? Позднѣе Пушкинъ писалъ о немъ брату: „Я радъ, что Гликъ (sic) полюбили мои стихи, это была моя цѣль; въ отношеніи его я не Ѡемистомъ, мы съ нимъ пріятели.“ Къ чему это сказано, мы пока не можемъ себя объяснить; равно не понятно, почему Пушкинъ нѣсколько разъ пишетъ *Глика* вм. *Глинка*.

4) *Горишь ли ты лампада наша?*—

въ упомянутомъ письмѣ къ Я. Н. Толстому.

Другая приписка относится къ Р. Въ *Сынъ Отечества* того года (№ 23, июнь) Пушкинъ прочелъ *Думу* Р.: *Богданъ Хмѣльницкій*, которая начинается стихами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ полдень проникалъ.
Скользя по сводамъ, лучь денницы
И ужась мѣста озарялъ и пр.

„Милый мой — приписываетъ Пушкинъ съ боку письма — у васъ пишутъ, что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ, вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ, чего онъ смотритъ“¹⁰⁷⁾?

5) *Адели*:

По общему преданію написано къ дочери А. Л. Давыдова; но въ Крыму живетъ семейство приписывающее эти стихи одному изъ своихъ членовъ.

6) *Пріятелю* (не притворяйся, милый другъ)

7) *У Кларисы денегъ мало*

8) *Нить ни въ чемъ вамъ благодати.*

Намеки, заключающіеся въ послѣднихъ трехъ стихотвореніяхъ, остаются пока непонятны для насъ. Всего, отъ 1822 года имѣемъ *восемнадцать стихотвореній*, — меньше предыдущаго года; но теперь Пушкинъ занялся поэмами.

¹⁰⁷⁾ Тоже замѣчаніе повторено въ письмѣ къ брату, написанномъ въ началѣ слѣдующаго года, при вторичной посылкѣ стиховъ къ Глинкѣ (въ первый разъ они не дошли до него): «Душа моя, какъ перевести порусски *Bevues*? Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Bevues*. Мы бы помѣстили тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Р., его же гербъ Россійскій на вратахъ византійскихъ. (Во время Олега, герба русскаго не было, а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на зап и вост; у насъ же онъ ничего не значитъ) Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bevues*; поговори объ этомъ съ нашими.» — Говорится о стихахъ въ *Думѣ* Р. *Олегъ Влщій*:

Приблизъ свой шить съ гербомъ Россіи
Къ Царьградскимъ воротамъ.

Слѣдующее за тѣмъ письмо (отъ 6 октября) Пушкинъ оканчиваетъ опять вопросомъ о своихъ стихахъ: „Бъ стати, получено ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ ли напѣчатано? (sic) Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь. Прощай милый.“

Ожидаемый Пушкинымъ календарь Бестужева, или *Полярная Звѣзда, карманная книжка для любителей и любителей Русской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Р.*, вышла въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1822 года (пенз. дозволеніе А. Бирюкова 30 ноября), въ 16 долю листа, 390 и 4 нен. стр. Успѣхъ былъ небывалый. И новость предпріятія, и самое содержаніе, даже и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, не утратившее отчасти своихъ достоинствъ, и наконецъ имена издателей обратили всеобщее вниманіе на этотъ первый у насъ альманахъ. Публика, еще до объявленія о выходѣ, стала раскупать его ¹⁰⁸⁾. Кромѣ Карамзина, занятаго своей исторіей и никогда не раздроблявшаго ее въ печати, тутъ участвовали всѣ лучшіе писатели, Жуковский, вв. Вяземскій, Баратынскій, Давыдовъ, Дельвигъ, Гнѣдичъ и пр. Объ участіи Пушкина мы уже го-

---

¶ Черезъ два года, когда вышло собраніе *Думъ Р.*, Пушкинъ не позабылъ написать ему: «Ты напрасно не поправилъ въ Олега герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III-го, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ, на показаніе победы.»

¹⁰⁸⁾ Такъ именно сказано въ послѣднемъ номерѣ *С Отеч.* 1822 года. Цѣна *Полярной Звѣзды* была на бѣлой бумагѣ 8 р., на веленовой 10; за пересылку 2 р. — но теперьшнему это очень дорогая цѣна.

ворили. Много шуму возбудила передовая статья Бестужева *Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи*. Послѣ общаго обозрѣнія, Бестужевъ перечислялъ писателей, и о каждомъ сказалъ по нѣскольку довольно уклончивыхъ, но замысловатыхъ изрѣченій. Одни обидѣлись этими приговорами, другіе тѣмъ, что объ нихъ вовсе не было упомянуто, и въ журналахъ поднялась полемика. Приверженцевъ старины, представителемъ которыхъ былъ *Вѣстникъ Европы*, особенно оскорбляло то, что молодой драгунскій офицеръ-самоучка судилъ и рядилъ заслуженныхъ писателей. Но къ Пушкину *Полярная Звѣзда* была очень любезна. Онъ поставленъ на ряду съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, и про него сказано (стр. 24—25): „Еще въ младенствѣ, онъ изумилъ мужествомъ своего слога, и въ первой юности дался ему кладъ русскаго языка, открылись чары поэзіи. Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь, и, обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами.... Мысли Пушкина остры, смѣлы, огниеты; языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ — это музыка; не упоминаю о плавности ихъ — по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ!“ Кромѣ того, Бестужевъ помѣстилъ четыре стиха изъ *Кавказскаго Пльнника* эпиграфомъ къ своей повѣсти изъ быта древнихъ Новгородцевъ: *Романъ и Ольга*, напечатанной въ *Полярной Звѣздѣ*. Повѣсть эта очень замѣчательна, какъ одна изъ первыхъ попытокъ разсказа, съ соблюденіемъ исторической обстановки. Мысль, очевидно вызванная романами Вальтеръ-Скотта, отъ которыхъ всѣ тогда сходили съ ума, и сильно занимавшая потомъ Пушкина.

Альманахъ былъ немедленно посланъ къ Пушкину вмѣстѣ съ деньгами за стихи. „Благодарный Левинька — пишетъ Пушкинъ къ брату отъ 30 января 1823 года—благодарю за письмо. Жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно *Кавказскому Пльнику*. Бестужевъ прислалъ мнѣ *Звѣзду*, эта книга достойна всякаго вниманія. Жалѣю, что Баратынскій поскупился ¹⁰⁹⁾, я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и *Русланъ* и *Пльникъ* и *Noël* и все дрянъ въ сравненіи съ ними. Ради бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ общаются достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Р. и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что служить въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта мечта напечатана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто *взыванье*, *тревожныхъ думъ* — слово, употребляемое знаменитымъ Р., но которое по-русски ничего не значить. *Воспоминаніе и брата и друзей*—стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоской ¹¹⁰⁾. Но все это не бѣда, были бы деньги. Я радъ, что Гликъ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Θεμισтоклъ; мы съ нимъ пріятели... Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку:

¹⁰⁹⁾ Баратынскій далъ въ *П. Звѣзду* 1828 года стихи *Весна* (На звукъ цвѣнницы голосистой) и автобіографическое посланіе къ *Дельвигу* (Дай руку мнѣ товарищъ добрый мой).

¹¹⁰⁾ Слѣдовало *привычныхъ думъ*; а вмѣсто *и брата* въ *Звѣздѣ* было *и братьевъ*.

Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный
и проч. непростительно прелестно; зналъ бы
своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста
на парнасѣ. Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ и
прозой и стихами; благословляю и поздравляю
тебя, добился ты наконецъ до точности языка,
единственной вещи, которой тебѣ не доставало.
En avant! marche.“

Намекъ о Глинкѣ остается для насъ непо-
нятенъ, Гнѣдичъ заслужилъ такую похвалу за
Элегію *Тарентинская Дѣва*, гдѣ описана смерть
Эвфросины, которая плыла на кораблѣ къ же-
ниху и утонула; двумя звѣздочками помѣчены
два стихотворенія самаго Пушкина; а Дельвигъ
помѣстилъ въ *Полярной Звѣздѣ* извѣстную пѣс-
ню свою: *Ахъ ты ночь ли ноченька, Сельскую
Элею*, прекрасный сонетъ *Вдохновеніе* и еще
пѣсню *Розальты розочка*, которую до сихъ поръ
распѣваютъ наши провинціальныя барышни.

Довольно замѣчательно, что къ самому Бесту-
жеву на присылку *Полярной Звѣзды* Пушкинъ
отозвался только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.
Вотъ его письмо къ нему, уже отъ 13 іюня
1823: „Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому
перешагнуть черезъ приличія и сердечно по-
благодарить тебя за *Полярную Звѣзду*, за твои
письма, за статью о литературѣ, за *Ольгу* и
особенно за *Вечеръ на бивакѣ*. Все это озна-
меновано твоей печатью, т. е. умомъ и чудес-
ной живостью. О *взглядѣ* можно бы намъ по-
спорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ
мнѣ не хочется такъ спорить, какъ съ тобою,
да съ Вяземскимъ, вы одни можете разгорячить
меня. Покамѣсть жалуюсь тебѣ объ одномъ:
какъ можно въ статьѣ о Русской Словесности
забыть Радищева? Кого же мы будемъ по-
мнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ,

ни Гречу, а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. *Елисей* истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ портвамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

— А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась,
И тѣмъ подобно Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуриемъ; а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ,
И сказывали тѣ, что ходять въ тотъ кабакъ,
Что видѣнъ и по днесь въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно ¹¹¹). Въ разсужденіи 1824 г. постараюсь прислать тебѣ свои Бессарабскія бредни, но нельзя ли вновь осадить № № и со втораго приступа овладѣть моею Анеологіей. Разбойниковъ я сжегъ и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевского. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не испугаютъ нѣжныхъ ушей читателей-

¹¹¹) Во *Взглядѣ* Бестужева сказано: «Въ шутовскомъ родѣ известны у насъ *Майковъ* и *Осиповъ*. Первый (1725—1778) оскорбилъ вкусъ своею поэмою *Елисей*. Второй, въ *Энеидѣ* на *изнанку*, довольно забавенъ и оригиналенъ.» Елисей действительно неприличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но смѣшонъ необыкновенно, и едва ли не выше *Опаснаго Сосѣда*.—Въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Словесности*, Н. И. Греча, появившемся въ началѣ 1822 года, не сказано ни слова о Радищевѣ. Про себя Пушкинъ прочелъ тамъ такой отзывъ: «Важнѣйшее его сочиненіе есть романтическая поэма *Русланъ и Людмила*: въ ней видны необыкновенный духъ пѣвическій, воображеніе и вкусъ, которые, если обстоятельства имъ будутъ благопріятствовать, обвѣщаютъ принести драгоценные плоды....»

ницъ *Полярной Звѣзды*, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются; онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви ¹¹²⁾. Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня. Онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня. Прощай до свиданья.“

Письмо это уже писано изъ Одессы. Когда именно Пушкинъ переѣхалъ туда, мы не можемъ опредѣлить съ точностью. Въ генварь 1823 года онъ еще не теряетъ надежды возвратиться въ Петербургъ, какъ видно по письму его къ брату отъ 30 числа этого мѣсяца: „Прощай, душа моя! если увидимся то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что вюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ.. Неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется.“ Но видно Пушкину надоѣло дожидаться разрѣшенія изъ Петербурга, и захотѣлось непременно прогуляться. Къ тому же и средства на этотъ разъ нашлись. Онъ въ это время былъ при деньгахъ. Такъ, на святкахъ съ 1822 по 1823 годъ, въ Кишиневѣ устроился большой балъ по подпискѣ. Молодые Молдаване задумали было дать праздникъ, но приглашали на него по выбору. Тогда Русская молодежь, нарочно имъ въ укоръ, сложилась между собою и на свой

¹¹²⁾ *Аркадій Гавриловичъ Родзянка*, стихотворецъ и пріятель Пушкина. То, что о немъ здѣсь говорится, требуетъ поясненія, котораго мы дать не можемъ.

балъ пригласили все общество, не обходя никого. Пушкинъ тоже далъ владу 100 рублей: „Смотри же, ни копѣйки больше“, сказалъ онъ, отдавая эти деньги В. П. Горчакову. Кстати здѣсь привести любопытную черту, сообщенную тѣмъ же пріятелемъ Пушкина. У него накопилось нѣсколько золотыхъ монетъ, онъ суевѣрно берегъ ихъ, и ни за что не хотѣлъ тратить, какъ бы ни велика была нужда.

Самъ Пушкинъ такъ рассказывалъ брату о своемъ переселеніи въ Одессу: „Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ— три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я на силу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторациі и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково; объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь: мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически, и выѣхавъ оттуда навсегда о Кишиневѣ я вздохнулъ“¹¹³⁾.

Это писано изъ Одессы, 25 августа; но выраженіе *три мѣсяца*, кажется, не точно; вышеприведенное письмо къ Бестужеву, отъ 13 іюня, противорѣчитъ этому показанію. Кромѣ того, въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля опредѣлительно ска-

¹¹³⁾ Сличн заключительные стихи *Шильонскаго Узника*:
 Куда за дверь своей тюрьмы
 На волю я перешагнулъ.
 Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

зано, что Пушкинъ прїѣзжалъ изъ Одессы въ Кишиневъ на двѣ недѣли, въ половинѣ марта мѣсяца. Стихотвореніе 1823 года *на выпускъ птички* по тону своему принадлежитъ еще, какъ намъ кажется, Бессарабіи и свидѣтельствуетъ, что день благовѣщенія онъ провелъ въ Кишиневѣ. Вигель написалъ ему въ Одессу, что старикъ Инзовъ зоветъ его къ себѣ назадъ и что Кишиневскія дамы соскучились по немъ. Пушкинъ тотчасъ явился проститься съ Кишиневымъ. Эти двѣ недѣли онъ прожилъ въ квартирѣ Н. С. Алексѣева, которому писалъ въ послѣдствіи (въ ноябрѣ 1826 года), вспоминая Бессарабію, и начиная письмо стихами Жуковского:

«Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ своихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ.»

Вскорѣ переѣздъ Пушкина въ Одессу получилъ официальное подтвержденіе. Указомъ 7 мая 1823 года, новороссійское генераль-губернаторство и вмѣстѣ намѣстничество въ Бессарабіи поручены были графу М. С. Воронцову. Инзовъ остался, какъ за три года передъ тѣмъ, только попечителемъ колонистовъ южнаго края. Бессарабская Намѣстничья канцелярія переѣхала въ Одессу, которую гр. Воронцовъ назначилъ по прежнему центромъ управленія. Вмѣстѣ съ другими чиновниками, и Пушкинъ перечислился въ Одессу, что огорчило старика Инзова. Не смотря на хлопоты, которыя доставлялъ ему Пушкинъ, старый добрый генераль горевалъ о

немъ и говорилъ про него Вигелю: „Вѣдь я могъ бы удержать его; онъ былъ присланъ ко мнѣ, попечителю, а не къ бессарабскому намѣстнику.“

Такъ отзывался человекъ, приставленный смотрѣть за его поведеніемъ. Такъ точно было и во всемъ кишиневскомъ обществѣ: Пушкину простили его дуэли, заносчивыя рѣчи и шалости, и имя его остается памятно и любезно городу Кишиневу.
